Аноним Смакс

Мир Smax

Трилогия в одном томе

- Эвакуация
- Озеро
- Историк

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Старый добрый SMAX.

Sid Meier» s Alpha Centauri Alien Crossfire.

…Всё, что достаточно знать о лейтенанте — то, что он был коренаст и плотно сбит. Офицер крепко стоял ногами на земле и смотрел на округу с чувством уверенности и абсолютного превосходства. Умению подавлять окружающих взглядом и внешним видом в курсе по доктрине лояльности, с которого начиналось обучение в русентийских военных колледжах, уделялось особенное внимание, и наш лейтенант окончил курс как минимум хорошистом…

- Аноним Смакс
  - SMAX-1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
  - SMAX-2
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
  - SMAX-3
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6

Аноним Смакс
Мир SMAX. Трилогия

SMAX-1
Эвакуация

«SMAX-1. Эвакуация»

Без эпических битв и мудрых повелителей. Эпизод местного значения.

Беженцы, ненавидящие разведчиков. Разведчики, презирающие беженцев. И смерть, которая не знает разницы.

Глава 1

Напрашивалось слово «ласково». Тёплый ветерок ласково теребил высокую траву. Давно и не здесь про траву сказали бы, что она цвета влюблённой жабы. На планете в ходу были словечки попроще: «Зеленовато-серая».

Голубое небо, яркий диск светила, утренняя роса… Поэт, попади он в Сильфонт, подыскал бы себе пару-тройку поводов для вдохновения. Но стандартная база, основанная в опасной близости к фунгусовым полям, не привлекала поэтов. А теперь ей предстояло исчезнуть навсегда, в день голубого неба и травы цвета влюблённой жабы. Люди покидали Сильфонт. Точнее, базу после трёхнедельного мародёрского буйства оставляла Русента, и за ней тянулись люди, уцелевшие при штурме и спасшиеся от резни.

Лейтенант десантно-штурмового отряда военного корпуса Русенты, захватившего и разорившего почти дотла последнюю из поселенческих баз некогда великой Дронии, укрывался от косых лучей светила за бортом ракетного спидера. В очертаниях боевой машины эрудированный наблюдатель мог бы признать конструкторские решения с далёкой и превратившейся в миф Земли, но начинка спидера поставила бы земных инженеров в тупик: «Как это возможно сделать?».

Всё, что достаточно знать о лейтенанте — то, что он был коренаст и плотно сбит. Офицер крепко стоял ногами на земле и смотрел на округу с чувством уверенности и абсолютного превосходства. Умению подавлять окружающих взглядом и внешним видом в курсе по доктрине лояльности, с которого начиналось обучение в русентийских военных колледжах, уделялось особенное внимание, и наш лейтенант окончил курс как минимум хорошистом.

Троица, медленно подступавшая к десантнику, отличалась от него как… Банальное сравнение «как небо от земли» не даёт полного ответа. Внешне у троих русентийцев и лейтенанта не было ровным счётом ничего общего — как и не могло быть ничего общего у армейского офицера и боевика разведывательного управления.

Военные Русенты поклонялись атлетике, и в первую очередь, тяжёлой. Автоматика и оптические компьютеры всё ещё не способны заменить солдата, когда нужно быстро подлатать порванную тяжёлую гусеницу транспортёра или загрузить в чистом поле в машину многотонный артефакт.

Разведчики всех мастей и видов предпочитали силе

выносливость. Все килограммы мышц спортсмена-штангиста не помогут скауту в пешем броске на десятки километров. Обычное дело — у командного центра появилась информация (с большой буквы и с придыханием) об опасности, таящейся в глухом районе у чёрта на куличках, и проверить информацию нужно немедленно и без привлечения внимания, то есть, на своих двоих. Армейская мощь для подобного случая бесполезна, выручает разведчицкая жилистость.

Русентийский военный обязан выглядеть броско и впечатляюще. В монографиях университетских высоколобых это именовалось принципом красивого устрашения. Напротив, попавшие в разведку могли похвастаться самой заурядной внешностью — конечно, если таким можно хвастаться. Военные относились к самой почётной касте Русенты и ревниво оберегали свои права. О существовании разведки в Русенте знали, но не более, мало кто мог сказать, что видел живого разведчика и говорил с ним.

Двое высоких, худых, невзрачных боевиков, медленно подходивших к лейтенанту, соответствовали стереотипу русентийского разведчика. А вот третий, державшийся чуть впереди, разрывал привычный шаблон.

Начнём с того, что это был десятилетний мальчик. На планете взрослели быстро. Никого не удивляли дети-военные, дети-крестьяне, дети-шахтёры, а подростки вообще ничем не выделялись из числа поселенцев. Детей брали и в разведку, но старались не посылать в дальние выходы. Захват Сильфонта для русентийцев был как раз такой дальней операцией.

Но удивительнее всего, что юнец в тройке разведчиков держался лидером. Взрослые его компаньоны вели себя не как дядьки при избалованном сопливом наследнике богатого семейства, а, скорее, как солдаты при строгом офицере.

Лейтенант оторвался от даровавшей прохладу брони спидера и, сделав над собой усилие (как ему показалось, незаметное), заговорил со смежниками первым, обратившись, естественно, к необычному мальчику.

— Итак, Алекс, вы решили задержаться.

— Да, лейтенант, мы решили.

— До Каналграда отсюда далеко.

— Мы помним это, лейтенант.

— Алекс… Если вы хотите, я могу оставить с вами двоих солдат, — чувствовалось, что столь необычное предложение далось десантнику нелегко. Но путь до Каналграда, ближайшей поселенческой базы Русенты, и в самом деле был далёк.

— Всё в порядке, лейтенант, не хотим. Но мы благодарим вас

за помощь.

Все формальности были соблюдены. Колонне десантников ничто более не мешало начать движение — сперва на север, потом на восток. Трое разведчиков оставались «ходить», как на их языке называлось внешне бесцельное и беспорядочное брожение по замысловатым траекториям вокруг только им одним ведомой центральной точки. А людям Сильфонта предстоял с задержкой на сутки марш след в след за десантниками, хотя это никого, кроме их самих, не интересовало.

* * *

Люди Сильфонта старались называть себя старомодным словом «эвакуирующиеся». Но в глазах русентийцев, да и по факту, они были обычными беженцами. В Русенте их ждал лагерь — с фермами и лесопосадками, обеспечивающими продовольственный минимум, а также со строгой охраной, по умолчанию презирающей любого рождённого за границами русентийской цивилизации: «Вы жили под чужаками!», — именно так, с плевком и напором на звуки «ж-ж-ж».

Поэтому беженцы задались целью увезти из Сильфонта всё до последнего куска пластика или металла — а точнее, всё, на что не позарились десантники. Изодранные металлические щиты из заброшенных шахт в лагере можно будет попробовать поменять на лекарства, сданный на вес пластиковый неликвид позволит на пару вечеров забыться с флаконом напитка дурманящего класса («невозврат опустошённого флакона в центры ресайклинга подпадает под нарушение статьи… административного уложения»).

Как это обычно и бывает, сбор матценностей затянулся. В очередной самый последний момент обнаруживался давно заброшенный штрек, затерянный склад или безнадзорный цех, и великий праздник грабежа продлевался ещё на час, или два, или три… Сумевшие вовремя остановиться ехали теперь в десантной колонне, а более жадные согласились с рисками самостоятельного путешествия до русентийской территории. Десантников судьба отставших не волновала, проформы ради коренастый лейтенант распорядился выдать десяти человекам трофейные лазерные резаки и произвёл их в ополченцы. Не навсегда, конечно, а только до встречи с пограничными патрулями Русенты.

Тощий и дёрганный парень лет двадцати, неизвестно за какие заслуги включённый в список вооружаемых беженцев, устал,

наконец, принимать героические позы и лениво глядел на всё такое же голубое небо. Двое ополченцев постарше выбрали для отдыха место позачётнее, на мягкой травке и с невысоким кустиком за спиной. Несколько десятков невольных старателей лежали и сидели в полнейшем беспорядке. Где-то далеко в земле притаился ржавый гвоздь, не найденный за дни поисков, но у людей Сильфонта больше не было сил, чтобы продолжать охоту на металл.

В густом кустарнике в паре сотен метров отсюда послышался треск ломающихся веток. Молодой ополченец вскинулся, его опытные товарищи повернули головы к источнику шума. Им оказался вырвавшийся из зарослей на луг чумазый пацан. Не усмотрев в нём угрозы, обладатели оружия успокоились. А между тем, мальчишка со всех ног устремился к людям. Он закричал бы, но ему недоставало дыхания.

Интуитивно определив направление на ближайшего из ополченцев, бегунок помчался к нему со всей возможной для его возраста прытью. Поскользнулся на траве, удержался, прибавил скорости. Достигнув цели, малой прохрипел:

— Ч-черви… Атака! Ну черви же!!

— Заткнись! — грубо, но пока без агрессии оборвал его ополченец.

— Черви! Черви! Черви идут, — казалось, что мальчишка вот-вот расплачется от того, что ему не верят. Он беспомощно посмотрел налево, направо в надежде увидеть у взрослых заинтересованность. Её не было. Люди Сильфонта слишком устали за последние дни, чтобы отреагировать на очевидную нелепость от глупого ребёнка.

— Черви! — малой вцепился обеими руками в мужчину и потянул на себя. Короткий, без замаха, но весьма чувствительный удар в лицо откинул мальчика назад, с беззвучными рыданиями он осел на корточки.

— Глаза протри! Откуда червям тут взяться? — ополченец по-своему был не злой, просто жизнь в Сильфонте не располагала к телячьим нежностям. Разукрасив нарушителю спокойствия лицо, он был бы не прочь объяснить ему, за что именно он так сделал. Был бы — потому что внезапно рот мужчины исказился и по подбородку потекла слюна.

— Ы-ы-ы, — простонал сосед ополченца. Благостная картина лежбища усталых старателей переменилась в мгновение ока. Люди замерли в неудобных позах, у кого-то намокали штаны, кто-то безуспешно силился перевернуться на другой бок.

Избитый малой с отчаянием взглянул на кустарник. Безусловно, их атаковали черви. Наиболее страшное и мерзкое

живое создание планеты, черви зарождались среди азотных выделений на фунгусовых полях. Человек не мог долго пребывать среди фунгуса без защитного снаряжения и дыхательных аппаратов, что ограничивало возможности по борьбе с червями в местах их обитания.

Но иногда черви выползали из фунгуса и встречались с людьми. Небольшие, 10–15 сантиметров в длину, неуклюжие и не имеющие, казалось бы, никаких внешних органов чувств, первым поселенцам планеты черви представлялись досадной помехой, маленьким пятнышком, не способным испортить райское существование. Представлялись, всё же, очень недолго, до первого нападения.

Червь убивал при физическом контакте. И не при всяком контакте. Ему требовалось добраться той частью его тела, которую называли головой — из неё выдвигался щуп, способный вытягиваться на ширину ладони — до лица человека. Щуп с лёгкостью пробуривался в мозг и червь высасывал его до кости.

«Хорошо, но я не буду сидеть и тупо ждать, пока отвратительный червяк доползёт мне до горла!» — воскликнет пылкий и наивный юноша, в первый раз в самостоятельной жизни выбравшийся за защитный периметр и купол под давлением, надёжно охватывающие поселенческие базы планеты. Но беда в том, что он таки будет сидеть и тупо ждать смерти. Главное, и насколько известно, единственное дистанционное оружие червей — ментальная атака, полностью парализующая жертву и вводящая её в состояние транса. Морально-волевые качества, опыт, редко возраст и всегда дисциплина помогали противостоять ментальным ударам. Десантники Русенты почувствовали бы сейчас беспокойство или испытали головокружение, а вот люди Сильфонта в буквальном смысле пускали пузыри.

Мальчишка метнулся к одному, второму… Без толку, везде одна и та же картина. Короткий взгляд на тощего ополченца, его резак валялся на траве, а как с ним управляться? Не бегом, но в три прыжка малой очутился рядом с конструкцией размером с рюкзак, про которую ополченцы говорили: «Коммуникатор». Дёрнуть за рычаг, нажать на кнопку, ещё раз рычаг, кнопка, и всё это под аккомпанемент собственного крика: «Черви! Атака! Черви! Атака!».

Сотни червей преодолели половину расстояния от кустарника до ближайших людей, когда ситуация развернулась на 180 градусов. Появившиеся бесшумно, как умеют только русентийские разведчики, Алекс и его товарищи распределились вдоль условной границы старательской стоянки и открыли огонь. Послышались хлопки, запахло жареным мясом и озоном.

В технологическом смысле Русента опережала на планете всех и, конечно же, была лидером в плане военном. Устройства, из которых стреляли в червей разведчики, почему-то назывались ракетными, хотя ни малейшего отношения к ракетной технике они не имели. «Ракетный пистолет NA8», он же «растоль», он же «восьмёрка», считался лёгким вооружением, был снабжён обоймой на 250 микропуль и хранил в себе две великих тайны — точнее, даже три.

Первая тайна заключалась в начинке микропули, веществе, находящемся при высокой температуре. Насколько высокой, за пределами Русенты до сих пор не разобрались, но по одной из теорий, речь шла о горячей плазме. Вступая во взаимодействие с телом жертвы, вещество буквально прожигало в нём дыру.

Следующая по порядку тайна касалась материала оболочки микропули. Обладающий нулевой или пренебрежимо малой теплопроводностью, он удерживал горячую начинку внутри микропули, но дезинтегрировался при ударе в цель, выпуская начинку наружу.

Наконец, третья тайна оружия Русенты — количество высвобождаемой при торможении микропули кинетической энергии, необходимое для инициирования процесса дезинтеграции (только русентийцы умели верно произносить звук «ц», чем очень гордились и любили использовать слова с этой буквой). Проще говоря, полностью снаряжённую обойму можно было уронить на землю, но оболочки оставались целыми. По слухам, некие «естествоиспытатели», раздобыв партию обойм, ставили опыты — с какой высоты нужно уронить обойму для «восьмёрки», чтобы получить большой «Бум!». Завершить эксперимент не дали внезапно появившиеся русентийские десантники.

Эрудированный наблюдатель, к чьей помощи мы уже прибегали при рассмотрении ракетного спидера, догадается сразу: «Да это же винтовка «Марк XI», а материал оболочки — «Империум X» или X-материал! А внутри микропули — АМ-2, антиматерия-2». И будет совершенно не прав, потому что при реакции аннигиляции материи и антиматерии выделяются пионы, релятивистские мюоны, быстрые нейтроны, жёсткие гамма-лучи, радиоактивные ядра-осколки и много прочего, что разлетается на сотни метров и разносит с собой энергию. Солдат с оружием на антиматерии, расстреляв перед собой кучку червей, заодно отправил бы к праотцам себя, своих соратников, а также всё гражданское население на приличном радиусе. Нет, в Русенте так не поступали и хранили три великих тайны «восьмёрки» как зеницу ока.

Между тем, на поле боя установилось равновесие, игравшее на руку обороняющимся. Алекс со спутниками уничтожали червей примерно с той же скоростью, с какой последние появлялись из кустарника. Пройдёт несколько минут, и черви закончатся, медлительность этих порождений планетарной биосферы играла на руку русентийцам. Но вдруг один из червей прыгнул. Трудно назвать это действие прыжком, скорее, это был полёт на высоте около метра. Червь приземлился где-то в низу живота на бородатом беженце из первых рядов неподвижных людей и, перебирая щупальцами, пополз вверх за мозгами.

После внезапного поступка странного экземпляра черви получили все шансы размочить счёт в проигрываемой битве. Растоль Алекса оказался бесполезен; выстрелив из «восьмёрки» в червя, Алекс убил бы обоих, микропуля прожгла бы в теле несчастного несовместимое с жизнью отверстие. Для подобных случаев в экипировке русентийцев предназначался миниатюрный ручной лазер, и военным вдалбливали в голову: «Во время боя с червями держи растоль в доминирующей руке, а лазер — в подчинённой». Но Алекс допустил ошибку и забыл о лазере. Прямо скажем, более того, он сражался с червями как старый пузатый отставник-полковник — он держал пистолет двумя руками. И теперь ему нужно было освободить левую руку, вынуть лазер, прицелиться, выстрелить и успеть это сделать, пока бородач ещё был живой. Да, это глупая ситуация, за которую Алексу потом сослуживцы сломали бы рёбра, не будь он командиром. И увы, Алекс был всего лишь десятилетним мальчиком, а не супергероем-мачо, а десятилетние мальчики постоянно попадают в глупые ситуации.

Могли бы вмешаться спутники Алекса, но и тут разведчик сплоховал. Позиции стрелков были выбраны так, что фасад подвергшегося нападению беженца был открыт только самому Алексу. Его товарищам оставался единственный вариант — вслепую стрелять человеку в спину или бок, надеясь, что лазерный луч должной интенсивности сумеет прошить тело насквозь и попасть в червя. Раненого с дыркой или дырками в теле следовало сразу переправить в госпиталь, но откуда в разгромленном Сильфонте найдётся госпиталь?!

Рука Алекса легла на лазер, боевик слева от атакованного человека изготовился стрелять насквозь, червь дополз до груди и ему оставались считанные сантиметры до цели. Но в схватку вмешался персонаж, которого не брали в расчёт — чумазый лохматый мальчишка. За время боя он каким-то образом перебрался от коммуникатора поближе к русентийцам. С рефлексами у него оказалось всё в порядке. Среагировав на

прыжок врага, мальчик рванулся к жертве, схватил и отбросил червя, насколько было сил. Ему повезло, червь как раз переставлял щупальца и держался всего двумя из них. В следующее мгновение червь был разрезан пополам лазерным лучом, а затем для верности четвертован и ещё более размельчён. А после этого мальчишка был пинком отогнан от передовой в тыл. Кажется, Алекс был раздосадован своим промахом, и тощий зад младшего послужил неплохим объектом для выплёскивания раздражения.

Новых прыгающих червей не появлялось, ползающие кончались. Настал момент заняться второй точкой сбора людей — готовой к отправке колонной старых роверов. Там ожидали старта долгого пути семеро ополченцев, и их судьба была неясна. Маловероятно, что черви нанесли удар сразу по двум направлениям, но проверить, что сталось с колонной и её охраной, требовалось. Алекс повернулся к одному из боевиков:

— Филимонов, за мной!

Алекс и получивший приказ боевик быстрым шагом двинулись к холмам, за которыми стояла колонна. Третий разведчик продолжил редкими выстрелами уничтожать последних червей. Беженцы приходили в себя, стонали, недоумённо озирались, кто-то конфузливо ощупывал мокрые штаны. Мальчишка бросился за Алексом и Филимоновым, не поспевал, споткнулся, приложился с размаху о землю (сколько же синяков и ссадин добавит ему сегодняшний день!), поднялся… Молчаливый боевик притормозил, одним движением перекинул навязавшегося попутчика через плечо, и в такой конфигурации невольно сложившаяся команда добралась до роверов.

Второй бой вышел много проще первого. Сигнал тревоги, поданный через коммуникатор, позволил ополченцам укрыться внутри старинных, но надёжных машин. Путь к людям для червей был заказан, и они хаотично ползали по бортам. Лазеры разведчиков аккуратно сделали своё дело, с последним убитым червём ментальное давление на спрятавшихся ополченцев испарилось. Не прошло и тридцати секунд, как транспортный шлюз одного из роверов раскрылся, и из него показался лысый усатый здоровяк. Красный от злости, он выбрался на землю и недобро посмотрел на спасителей. Явно он ненавидел их больше, нежели червей.

— Победили, да? Справились? Гордитесь своими ракетными пугалками?

— Победили, справились, гордимся, — поток претензий нисколько не обескуражил Алекса, выбравшего самый простой способ общения с буйными, а именно, во всём с ними

соглашаться.

— У вас есть эти ракетные пугалки… Дали бы нам импакторы, мы бы вам задали, мы бы вас надрали…

— Стартовать надо, Силач.

— Мы бы вам… Стартуем, когда я скажу… Постой, откуда ты знаешь моё имя? Я тебе не представлялся.

— Хорошо, скажи, и мы стартуем, — Алекс еле заметно улыбнулся кончиком рта, ему понравились архаичные обороты Силача, и он продолжил, выговорив последнее слово по слогам. — Мне не требуется, чтобы мне пред-став-ля-лись.

Лысый ополченец хотел что-то возразить, но запнулся. Спорить с русентийцами, не имея роты бойцов с импакторами — занятие абсолютно бесперспективное. А если бы ещё он знал, что и импакторы не помогли бы против шёлкосплавной брони Алекса и Филимонова! Между тем, Алекс счёл плодотворный разговор оконченным и развернулся. Мальчишка всё это время продолжал висеть на филимоновском плече.

* * *

А вот теперь он уже не висел, а стоял, уткнувшись взором куда-то себе под ноги. Алекс, Филимонов и третий разведчик вольготно расположились в скаут-спидере. Хорошо оснащённой и выносливой машинке предстояло двигаться в хвосте колонны, причём на значительном удалении от последнего ровера — так настоял Силач.

Мальчишка, чьё имя или прозвище мы до сих пор не выяснили, потерял все шансы попасть в один из роверов беженцев. Эвакуирующимся было на это полностью наплевать, вступил в действие новый закон джунглей, и мальчишка из потенциального трудоспособного кадра превратился в будущего конкурента за кусок еды в лагере. Русентийцам было наплевать тем более; ни один из них не пролил бы и слезинки, погибни сейчас вся колонна. Удивительно, почему Алекс вообще решился на схватку с червями, напавшими на беженцев. Наверное, ему не хватало адреналина или кололо детское шило в соответствующее место.

Мальчишка всё понимал и ни на что не надеялся. Поэтому он не сразу ответил на обращённый к нему вопрос Алекса.

— Как тебя зовут?

— Ник… Ник Звара.

И вновь повисло молчание. Затем Филимонов второй раз за день подхватил маленького Ника и забросил его в спидер. Ни он,

ни Алекс не сказали при этом ни единого слова, как будто они могли обмениваться мыслями телепатически. А впрочем, а почему «как будто»?

Глава 2

— …Но когда до Хирона оставалось четырнадцать суток полёта, автоматика сбойнула, и десять тысяч колонистов проснулись и вышли из криокамер…

— Как ты сказал? Хирон?

— Ну, это планета… наша планета… её так называли раньше… ну, мне мама рассказывала…

Знание Ником древнего прозвища планеты показалось Алексу настолько странным, что побудило его впервые за девять дней похода раскрыть рот и задать вопрос — заметим, всего лишь второй за время их вынужденного знакомства. Юного беженца внимание старшего товарища если и смутило, то ненадолго. Ответив с запинками и выдержав для вежливости паузу, он вновь принялся лопотать всё, что приходило ему на ум. Мальчишеский голос Ника — единственное, что нарушало тишину в звукоизолированном спидере с момента начала движения колонны из Сильфонта.

Алекс и его спутники узнали, что Ник Звара являлся круглым сиротой. Отца у него не было «просто совсем», хотя он и знает, что для создания ребёнка требуются двое. Мать погибла прошлым летом, а тело её не нашли. Сам он ночевал весной и летом во дворе барака, «на котором две зелёные полосы нарисованы», осенью и зимой его пускали спать в подвал. На пропитание Ник зарабатывал себе искательством, старший барака был хороший дядька и справедливо расплачивался едой за всякий приносимый хлам, а ягодами и водой можно было добраться во время вылазок за территорию базы.

В бараках жили люди добрые, злые и никакие. В стационарных корпусах располагались чужаки — гигантские, в рост человека, разумные насекомоподобные, «прогениторы», высадившиеся на планету почти одновременно с людьми. Русентийцы и чужаки ненавидели друг друга и вступали в бой при первой возможности. Остальные фракции потомков землян бывали более толерантны, потому как менее сильны, чем Русента, за что русентийцы оскорбляли их «подчужачниками» и «живущими под чужаками».

Десантники свалились на Сильфонт «как град на голову», и скоротечный бой с последующей зачисткой Ник вспоминал с закрытыми от страха глазами. Прогениторы нападение прошляпили, положившись на хвалёные сенсорные массивы на дальних подступах к базе. Наверное, датчики не сработали или были выведены русентийцами из строя — точного ответа Ник не

знал. Вместо сенсоров о начале штурма известила артиллерия атакующих.

Ни бараки, ни, тем более, отдельных людей русентийцы в мишень не превращали. Зато они уничтожали прогениторов — всех и каждого, до последней особи. Если чужак укрывался за сильфонтцем-человеком, десантники убивали обоих; если чужак забегал в поисках укрытия в здание, его взрывали, не интересуясь, кто может ещё быть внутри. Колонну уходивших на юг по алгоритму экстренной эвакуации гражданских чужих аккуратно расстреляли из спидеров, стараясь по минимуму повредить будущие трофеи. Ник после первых залпов лёг на землю, укрывшись за трупом «хорошего человека старшего барака», и не вставал до позднего вечера. Лежал бы и дальше, но десантники пошли по территории базы с контрольным обходом, силой сгоняя уцелевших людей к опустевшему ангару.

Ник то торопился рассказать новый эпизод из своей жизни до и после нашествия русентийцев — глотая звуки и повторяя слова по многу раз, то переходил на обыденные мальчишеские горести или жаловался на саднящую коленку, то замолкал на часы. В результате история Ника растянулась на добрых девять дней. Боевиков она не впечатлила. Алекс и спутники не реагировали даже тогда, когда в дронийском говоре мальчишки появлялись архаизмы времён первопоселенцев: мозгочерви, или ксеногрибок вместо фунгуса. Но вот на слово «Хирон» молодой командир разведчиков не выдержал, услышать его из уст малолетнего оборвыша с никому не нужной периферийной базы было… удивительно.

Список удивительных событий этим не исчерпывался. За девять дней медленного продвижения колонны на север её дважды атаковали черви.

Первая схватка произошла во время остановки, по давней традиции называемой «зелёной». И первый же червь прыгнул с придорожного холма, убив знакомого нам по бою на базе тощего ополченца. Спидер с русентийцами подоспел вовремя, чтобы сжечь полсотни выползших беспозвоночных, но слишком поздно, чтобы сохранить парню жизнь.

Как и на базе, Силач быстро оправился от последствий ментальной атаки. Подошёл к мёртвому, пробурчал формальные слова прощания и приказал четверым беженцам закопать тело у дороги.

— Ну надо же, — орудуя лопатой, искренне удивлялся мужичок ранних средних лет, усатый, борода клинышком, отвисшие щёки и растопыренные уши. — Когда червяки на лугу напали, я с ним рядом был. Пронесло. И теперь к нему прибило,

когда червяк этот скакнул. И могилу теперь ему копаю. Во как оборачивается, всё вместе да вместе. А как звать-то его, и не знаю.

Возле вырытой неглубокой ямы показались Алекс и два его неотлучных спутника — нет, уже три, хвостиком за взрослыми боевиками увязался Ник.

— Экавуирующийся Слиач, повзольте вызарить солебознование, — неожиданно тонким голосом произнёс третий разведчик.

— Капитана ради, что он сказал? — пробормотал Силач. — У меня сильное подозрение, что он назвал меня нецензурно.

— У него легастения. В лёгкой форме, — невозмутимо ответил Алекс, чем поставил главаря беженцев в тупик. Что такое легастения, Силач не знал. Алекс, кстати, тоже.

Примитивная могила была засыпана, копатели, обтирая руки, пошли к роверам, а русентийцы не спеша потянулись к своей машине. В камеру заднего вида, скрытую на правом плече, Алекс наблюдал за тем, как Силач смотрел в спину говорливому соседу убитого, и взгляд Силача не был добрым.

Второе нападение произошло как под копирку. Зелёная остановка, ползущие по склону холма черви в количестве примерно полсотни единиц, беспомощные люди вокруг роверов, подъехавший спидер русентийцев, стрельба из «восьмёрок», конец боя. Единственным счастливым отличием оказалось отсутствие прыгающего червя и, соответственно, потерь у беженцев.

Близившийся к концу девятый день похода не внёс изменений в расстановку колонны. Роверы по-прежнему тащились впереди, русентийцы ехали за ними на значительном удалении. Идея пустить хорошо вооружённых разведчиков замыкающими выглядела прихотью (и была таковой!) Силача, не желавшего склоняться перед захватчиками. Но надо признать, у беженцев имелся резон, риск, которому они подвергались, не был столь велик.

С какими опасностями могли бы столкнуться люди, вышедшие в дальний путь на старых и медленных, но как-то защищённых машинах? Прежде всего, надо отметить, что на планете не были обнаружены хищники. Травоядные копытные встречались и составляли значимую добавку к рациону поселенцев, а регулирующих их численность плотоядных не было. Кроме человека и прогениторов, конечно. В подобных условиях модель «хищник-жертва» должна превращаться в алгоритм «объели всю растительность и вымерли от голода». Но так не случалось. Расплодившись чрезмерно, травоядные животные, слегка напоминавшие земных бизонов и антилоп, снижали

плодовитость или помирали досрочно, в полном расцвете сил и от неведомых причин. Казалось, у них просыпался некий встроенный механизм самоуничтожения, отрабатывавший до тех пор, пока растительной пищи не становилось вдоволь. Удивительный, но не единственный пример разумности не имеющей разума природы планеты!

Следующая опасность, которую необходимо рассмотреть — нападение представителей враждебной фракции. С времён Первой войны, на планете воевали непрерывно, и часто в режиме «все против всех». Но, если отставить в сторону русентийцев, боевые действия сводились к схваткам небольших отрядов в ненаселённой местности, вдали от баз, причём из-за слабости вооружения бои длились даже не часами, а днями без сколь либо серьёзных потерь. Штурмы баз — события редкие по причине неадекватного размена людских ресурсов. Потеря даже десятка подготовленных солдат для любой цивилизации планеты стала бы болезненным ударом. Атака хорошо защищённого и укреплённого поселения могла унести жизни нескольких десятков, а то и сотни нападавших, причём приз победителям (нелояльные жители захваченной базы) такой цены явно не стоил.

Черви могли доставлять проблемы, и доставляли. Но загадкой (очередной!) планетарной экологии было то, что черви не трогали людей, если они покидали территорию. Исход из Сильфонта однозначно подпадал под это понятие, и целых три нападения за десять дней должны были, наконец, встревожить Силача, взявшего на себя роль неформального лидера беженцев. Что думал Силач, пока оставалось неведомым, но упрямству своему он не изменил, и трое русентийцев были вынуждены ползти в глубоком арьергарде.

Дорогу, по которой двигалась колонна, построили сотню с лишним лет назад, во времена, когда дронийские поселенцы упорно интересовались гигантским кратером, названным в честь великого капитана Гарланда. Мало кто на планете помнил, почему капитана признали великим и что он, собственно, сделал, но его имя осталось на карте, а его должность укоренилась в выражениях экспрессии, чему мы были свидетелями в разговоре разведчика-легастеника и Силача. Ни одной базы в кратере построено не было, но дорогу почти до его южного вала проложили, чем теперь и воспользовались эвакуирующиеся.

Проезжую часть дороги формировали плиты 10*5 метров из псевдобетона. Первые поселенцы считали такой материал слабо сопротивляющимся местным флоре и погодным условиям и клали плиты как времянки. В полном соответствии с известным законом, временное оказалось наилучшим постоянным. Земля

под плитами умирала, ветра и дожди избегали дорог… Говоря короче, псевдобетонки служили верой и правдой практически сколь угодно долго, чем приятно удивляли колонистов.

Холмы постепенно превращались в невысокие горы. Светило клонилось к западу, роверы сбросили и без того малую скорость. Как вдруг без видимых причин скаут-спидер русентийцев рванулся вперёд, обогнал колонну и встал поперёк дороги. Вывалившийся из машины Филимонов выстрелил чуть левее направления движения. Хлопок, и с середины горного склона покатилось вниз тело. Человеческое тело.

Стычку с людьми разведчики повели по диспозиции, отличающейся от боёв с червями. Филимонов и легастеник неспешно и осторожно сокращали расстояние до врагов, каждый по своей стороне дороги. Филимонову слева противостояло двое с импакторами, его напарник охотился на одного, более опытного. Алекс расположился в относительной безопасности, укрывшись за спидером. Там же спрятался и Ник, благоразумно державшийся от старшего мальчика на расстоянии вытянутой ноги.

Вне всякого сомнения, колонну поджидала засада, но действия русентийцев обернулись для сидевших в укрытии неприятным сюрпризом. Сенсорная аппаратура скаут-спидера позволяла надёжно и заблаговременно детектировать присутствие *homo sapiens* и прогениторов (вот с червями было сложнее, да!), а после обнаружения преимущество ракетного оружия над импакторным предрешало результат боя.

Импакторы появились на планете как творческое переосмысление лучевого (лазерного) оружия первых поселенцев и как закономерный технологический компромисс в условиях дефицита всего материального. В отличие от лазеров, импакторы выстреливали пучками заряженных частиц. Губительное воздействие пучков на живые организмы определялось расходимостью пучка и плотностью потока частиц, а также долей потерь из-за взаимодействия частиц со средой. В пехотном исполнении импакторы годились для ближнего боя; на десятке метров попадание из импактора приводило к смерти под лучом, на десятках метров можно было надеяться на лучевую болезнь той или иной степени. Пальба на дистанции в сотню метров имела единственный смысл — выстрел за выстрелом долбить в одну точку в надежде на то, что наведённая радиоактивность в месте попадания вынудит противника покинуть позицию, а при удаче и подставиться под смертельный удар.

Противники русентийцев как раз и занимались этим занятием, бесцельно поливая пучками в сторону разведчиков. Бесцельно — потому что боевики не сидели на одном месте, а

продвигались вперёд, выбирая удобный момент для своего хода.

Первым в игру вступил Филимонов. Один из его противников удобно расположился в расселине. Невидимый глазу, он не мог считать себя, однако, надёжно спрятавшимся — пучки из импактора визуализировались как лучи грязно-белого цвета, да и про сенсоры забывать не стоило. Прожечь толстый слой камня было тяжёлой задачей даже для «восьмёрок» русентийцев, но над расселиной нависал козырёк. В какой-то момент неизвестный пока боец сдвинулся, оказался ровно под козырьком — короткая очередь, и расплавившаяся от контакта с горячей начинкой микропуль скальная порода пролилась на несчастного, успевшего только вскрикнуть.

Гибель товарища очевидно деморализовала второго противника. Он бил из импактора без всякой паузы между пучками. Так поступать нельзя; система охлаждения импакторного оружия эффективна, но не совершенна, и ладони стрелявшего наверняка уже были сожжены до мяса. Тем не менее, он едва не добился небольшого успеха, один из пучков попал в валун за спиной Филимонова. Разведчик двумя прыжками отодвинулся от камня, которому предстояло фонить ближайшие недели. Но на этом всё и закончилось — с нового места русентиец засёк оппонента. Выстрел, враг лишился ноги, и второй выстрел как *coup de grace*.

С правой стороны дороги соперник легастеника готовился дорого продать свою жизнь, то есть, обменять её если не на жизнь, то хотя бы на здоровье русентийского боевика. Стрелял он редко, пока только обозначая сопротивление, и делал это с разных точек полки, похожей на настоящую веранду, созданную природой для романтически настроенных влюблённых, которые, правда, никогда до неё не добирались.

Разведчик мог бы заняться уничтожением стены веранды, расходуя микропули — благо, их было в достатке. Вместо этого, он двигался вперёд, провоцируя неприятеля рискнуть на прицельный выстрел, требующий больше времени. Но враг пока не вёлся и выжидал, когда разведчик сблизится с ним вплотную, на расстояние смерти под лучом, молекулярной гибели клеток центральной нервной системы.

Легастеника угроза жуткой погибели совершенно не волновала. От противника его отделяли пятьдесят метров, сорок, тридцать… Разведчик пересёк невидимую черту, намеченную врагом, и тот вскочил, выпустив в русентийца пучок в упор — ровно для того, чтобы упасть сражённым ответным выстрелом из «восьмёрки».

Русентиец, которому по всем правилам полагалось также

быть мёртвым, скинул с себя движением плеч окрасившуюся красным цветом рубашку; с места её падения на землю раздалось негромкое потрескивание. Шёлкосплавная броня, из которой изготавливалась одежда русентийских силовиков, обладала, среди прочего, одним важным качеством — длина пробега заряженных частиц в ней исчислялась долями миллиметра. Иными словами, весь пучок, выпущенный в разведчика, поглотился наружной поверхностью рубашки. Фонить теперь она будет долго, но кого это волнует в местности, откуда уходят последние люди?

Разведчики осматривали останки недавних противников, а высыпавшие из роверов беженцы стояли, раскрыв рты. Слишком впечатляющей оказалась расправа над группой, вооружённой импакторами — лучшим, что было создано в военных целях за пределами Русенты. Свидетели короткого боя задумались ещё больше, если бы могли подсчитать, во сколько обошлась победа бойцам Алекса. Достаточно напомнить, что в первом бою с червями совокупная цена израсходованных микропуль на порядки превышала стоимость всей колонны, включая роверы, загруженное в них имущество и личную одежду эвакуирующихся.

Но стычка не закончилась. Слева от дороги с другой стороны горы убегал последний из несостоявшихся нападавших. Сенсор Алекса точно показывал его местонахождение, а также прогнозировал, что он успеет уйти достаточно далеко за время, требующееся Филимонову подняться наверх и взять негодяя на прицел.

Алекс перевёл переключатель на «восьмёрке», поднял ствол под углом вверх и выстрелил. Спустя пару секунд считавшему себя в безопасности врагу предстояло узнать две неприятные вещи — прицельная дальность оружия русентийцев была очень большой, и кроме того, ракетный пистолет NA8 умел стрелять навесом.

— Они нас убили бы? — Ник, как и положено ребёнку, спрашивал без экивоков и ухватывал самую суть. Алекс повернул голову и, против обыкновения, решил всё-таки ответить.

— Нет. Но во-о-он в том месте они обстреляли бы роверы из импакторов и активировали их броню.

— И мы побежали бы дальше пешком со всем грузом?

— Они не взяли бы груз. После кратера путь проходит через фунгусовые поля. Они унесли бы только дыхательное снаряжение и защитные костюмы. Может быть, немного воды и еды. Но пешком через фунгус не ходят.

— И все умерли бы?

— Да.

Ник замолчал. Его глаза расширились от ужаса. Что его впечатлило больше? Перспектива страшной смерти от червей или лёгкость, с которой Алекс разделил «мы» и «они», разведчиков и беженцев? Долго воздерживаться от едва завязавшегося разговора у мелкого не получилось, и он задал самый волнующий его вопрос.

— А ты уже воевал раньше?

— Я участвовал.

— И ты… много ты убил?

— Бой с людьми первый.

К мальчикам подошли Филимонов с напарником. Ничто не напоминало в их облике и поведении о недавней смертельной схватке.

— Спартанцы?

— Да, — первое за всё время похода слово прозвучало из уст Филимонова. Голос его оказался неожиданно низким и хриплым.

Алекс вздохнул и двинулся к стоящей колонне. За ним пошли остальные. Привычный за последние дни ромбик — Алекс впереди, разведчики сзади сбоку и в самом тылу Ник.

— Пора поговорить, Силач.

— Имеет смысл побеседовать о насущном, — как всегда, с налётом архаичной высокопарности отреагировал лысый усатый командир беженцев.

Глава 3

— Начнём с простого. Черви не нападают на людей, если те уходят. Это раз. У молодых червей не бывает летучих вожаков, и это два. Пятерым диверсантам из Спартанской Федерации нечего делать к югу от кратера Гарланда и тем более нападать из засады на кучку консервных банок. Три. Что ты можешь добавить к сказанному?

— Ты взял в машину того Ника. Для чего?

— Для центровки. Спидеру нужна правильная центровка, а я по весу не тяну на взрослого, — не моргнув глазом, ответил Алекс.

— Для центровки… Я тоже взял в ополчение Рейку… для центровки. Его звали Рейка, потому что он был худосочен как рейка, и мы выставляли его столбом у шахты. Я взял его, потому что знал его матушку, а его умертвил прыгун.

— Его мать?

— Её умертвили вы.

— Мы?!

— Русентийцы. Солдаты с ракетными пугалками.

Алекс выдержал паузу и отвернул разговор от опасного русла.

— В Сильфонте перед отходом червь-вожак пытался убить человека. Кто он такой?

— Заумник.

— Э-э… умный, что ли?

— Нет, русентиец, он Заумник. Мы называли его так. Много говорил ерунды. Умные словеса, а внутри шелуха, потому и Заумник. Он предупреждал всех, что вы нападёте, ему никто не верил, а он был в готовности и выбрал себе правильное убежище. После штурма люди замыслили, что Заумник не полный дурак и что его надо слушать.

— И как он после нападения червя?

— Боится. Молчит. Сидит в машине, делает в портки. Скоро он станет не Заумник, а обыкновенный Дурак.

Алекс задумался. Что, если летучий вожак в Сильфонте выбрал жертву не случайно? Но тогда это значит…

— Силач, скажи, когда хоронили Рейку, могилу копал один человек…

— Красношей. Он был с Рейкой рядом два раза.

— Что ты о нём думаешь?

— Старатель. Хороший старатель. Много приносил на базу. Характер гнилой, с ним мало водились. Спал один.

— В смысле?

— Женщины не было.

— А, понятно. Слушай, Силач, этому вашему Заумнику начали верить, и черви попытались его убить. Чем мог быть необычен Рейка и нет ли чего-то странного в Красношее?

— Не знаю. Дадим Красношею по шее, ха-ха, и он всё расскажет.

— Не торопись. Приставь к нему надёжного человека, пусть понаблюдает.

— Кучерявый будет. Но я сам ему скажу, ты не лезь! — набычился беженец.

— Хорошо.

В беседе вновь образовалась пауза. Подобные минуты молчания необходимы порою для поддержания реноме обстоятельных мужчин, знающих цену слова. Алекса искусству паузы обучали (ну как обучали, выдали на руки на два дня краткий образовательный курс по разговорному общению), Силач освоил эту науку самоучкой, иначе он не стал бы тем, кем он стал.

— Слышь, русентиец, получается, что будь у нас импакторы, мы бы вас не надрали?

— Получается.

— Понятно…

— Силач, дорога скоро закончится. Впереди кратер и фунгус. Нам нужно перестроиться и ехать в голове, со стандартным интервалом от первого ровера. Буду откровенен, четыре нападения — это много и это мне не нравится. Естественно, про новый порядок движения всем объявишь ты.

Беженец подтверждающе моргнул и чуть наклонил голову. Время упрямства и гордяческих принципов закончилось, началась тупая борьба за жизнь, и пустить впереди колонны разведчиков было наиболее верным решением.

— Слышь, могу я спросить? Коли ты умеешь стрелять по-миномётцки, почему ты сразу всех так не накрыл?

— Растерялся, — Алекс пошёл к спидеру, дав понять, что разговор окончен. Верные спутники и примкнувший к ним Ник не отставали от лидера ни на шаг. Младший попытался было проверить, правда ли Алекс растерялся, но нарвался на полное отсутствие реакции на свои вопросы и успокоился.

* * *

Дорожное покрытие кончилось ранним утром десятого дня

похода. Прикорнувший Ник узнал об этом, благодаря тычку в бок от безымянного разведчика и грозному требованию Алекса: «Снимай штаны!».

— На фига? Бить будешь? — испугался Ник, но команду выполнил. За штанами в грузовое отделение спидера отправилась драная рубашка, а затем враз повеселевший мальчуган обрядился в принадлежавшую Алексу верхнюю одежду из шёлкосплава. Не надо думать, что командир разведчиков отдал последнее, запасы носимых в качестве брони изделий были в спидере немалые. Процедуру переоблачения дополнили панама с опускающимися полями, способная при необходимости быстро превратиться в шлем, и обувь с высоким голенищем и подгоняемым под стопу размером. Финальным аккордом легастеник подвернул рукава и штанины, а Алекс оценил получившееся и махнул рукой: «Сойдёт!».

— Перчатки бы ему, — протянул Филимонов.

— С перчатками и носками сложнее, — откликнулся Алекс. — Болтаться будут, просто так не подвернёшь. Без носков обойдётся, обувь там всё закрывает, а руки пусть прячет в карманы.

— Это да, размерчик у него поменьше будет. Парень, а сколько тебе лет?

— Восемь. Ну почти совсем, — поглощённый изучением обновок Ник ответил не сразу.

Смысла в сакральном переодевании юного спутника разведчиков было ровно наполовину. Ему мало что угрожало, оставайся он всё время внутри спидера, но вчерашний бой со спартанцами показал, что надежды на разумное поведение питать не приходилось. Ник не забивал голову ненужными раздумьями, так как прямо сейчас игрался с функцией «Хамелеона», автоматически подстраивающей цвет шёлкосплавной бронеодежды под окружающую местность. Его совершенно не волновало, почему разведчики данной функцией не воспользовались за время похода ни разу.

Что до Алекса, то он коротко связался по коммуникатору с Силачом и сообщил об остановке. Разведчики вылезли наружу с «восьмёрками» наизготовку, внимательно осматривая склоны придорожных гор, всё таких же невысоких, как и вчера. К спидеру быстрым шагом подошла ополченка, назначенная Силачом на должность со звучным названием «офицер связи» и переименованная Алексом в уме в стрелка-телефонистку. Несомненно, это было некрасиво и даже дерзко, ведь в Русенте такое прозвище считалось оскорбительным.

— Стоим?

— Постоим, пока ваши приготовятся. Кочек ожидается много, растрясёт прилично.

Молодую ещё ополченку забавляло общаться с грозным командиром-русентийцем, по возрасту годившемуся ей в младшие братья, а то и в сыновья. Сложно сказать, нравилось ли это молодому разведчику или злило его, но от разговора он не уклонялся и даже пытался контратаковать.

— Как тебя зовут? — вопрос Алекса был совершенно законным, потому как Силач представил девушку по-простому: «Вот она».

— Стерёга. Потому что я стерегущая.

— Тебя приняли в ополченцы для центровки?

— Как-как? А, для центровки? Вы сговорились, что ли? Силач тоже второй день про центровку бубнит. Ну да, для центровки. Должен же кто-то писать сидя.

Алекса насмешливая пошлость Стерёги не смутила. Совсем не смутила, или почти совсем не смутила. А лёгкая краснота на щеках разведчика была однозначно обязана своим появлением утреннему загару… Впрочем, это на поле боя Алекс был командиром группы боевиков разведки Русенты, а сегодня он всего лишь 10-летний мальчик против языкастой женщины, и поделом ему. К счастью, из внутренностей спидера очень вовремя показалась белобрысая голова младшего — без бронированной панамы! На неё и переключил своё внимание Алекс, растолковывая нарушителю всю глубину его неправоты лёгкими щелбанами.

За острыми перепалками, обыденными разговорами и воспитательными действиями скрывался в тени символизм происходящего. Как только последний ровер колонны съедет с дороги, человеческое присутствие в Дронии завершится. Ни единого разумного существа не останется на территории цивилизации, основатели которой — точнее, основатель — мечтали о великом будущем.

Колониста, породившего Дронию, звали прораб Домай. Имя его не помнил никто, даже он сам, и имя заменила должность, вскоре ставшая официальным титулом. Двухметровый гигант и качок, на далёкой Земле Домай работал шахтёром и одним из первых записался в полёт до Хирона. Прорабом, конечно, его называли авансом — на новой планете его предполагали привлекать по строительной части.

За внешностью уголовника, заставлявшей случайных прохожих в тёмном переулке отдавать Домаю часы и кошелёк, скрывались своеобразный, но острый ум и неплохая эрудиция. Прораб увлекался историей гильдий, наизусть шпарил цитатами

из Александра Бугге и Жоржа-Франсуа Ренара, а также любил к месту и не к месту поминать Торстейна Веблена, особенно его идеи о создании нового технократического порядка через революцию инженеров.

В полёте с Домаем произошёл несчастный случай, результатом которого стали частичная амнезия и неконтролируемые вспышки ярости. Но лидерства среди сподвижников и прихлебателей он не утратил и при высадке на Хирон, который теперь называли просто планетой, убедил последовать за собой более тысячи человек — в первую очередь, технарей. Прораб собирался реализовать на практике идеи Веблена; к сожалению, он полностью забыл, в чём Веблен ошибался.

Люди, поселившиеся в области, названной Дрония, были технарями-анархистами, приверженцами свободного труда, ненавидящими любое общественное или государственное принуждение. Они не терпели даже друг друга и старались отстраниться как можно дальше от соседей; таким образом, Дрония быстро расширялась за счёт появления новых небольших баз.

С грехом пополам Домаю удалось наладить подобие управления, работу коммунальных служб и сформировать мини-армию. Во всё остальное он и его ближний круг не вмешивались, в том числе, не принимали никаких экологических мер. Едва ли не каждый дрониец считал обязательным построить для себя личный заводик или мастерскую, превращая округу в помойку, запреты не должны были омрачать радости свободного труда.

Шли годы. Дрония расползалась, завязала более-менее устойчивые торговые отношения с другими человеческими территориями, пафосно называемыми цивилизациями — в том числе, и с цивилизацией Русенты, или, по старинке, с Университетом. Тем неожиданнее оказалась неспровоцированная атака русентийских солдат на базу Сильфонт. Чиновники дронийской администрации и гарнизон базы были расстреляны из лазеров, большинство заводиков разрушено. Так на планете стартовала Первая война.

Русента в этой войне вела себя более чем странно. Казалось, что ей важнее всего было сломать дронийский стиль жизни, а не прирастить свою территорию. Через четыре с половиной месяца после падения Сильфонта на базу прибыл спартанский отряд, которому был тут же передан контроль над поселением. Русентийцы в полном составе ушли из Сильфонта — для того, чтобы вскоре захватить следующую дронийскую базу с тем же результатом. Почти с тем же, так как эту базу Русента подарила

одной из рас прогениторов.

Первая война продлилась несколько лет. На месте независимой Дронии образовался конгломерат из баз, контролируемых Спартанской Федерацией и чужаками. Прораб Домай до последнего не оставлял неудачных попыток умиротворить Русенту, пока не был взят в плен, судьба его неизвестна.

После разгрома дронийцев Русента утратила к их бывшей земле всякий интерес. Конгломерат, или, как его неформально называли, зоопарк из баз скатывался в депрессию и анархию. Новые хозяева практически не поддерживали связей с материнскими цивилизациями — трудно поддерживать связь, если самому быстрому транспорту требовались месяцы пути через неосвоенную местность.

Будучи полусамостоятельными, бывшие дронийские базы запустили нескончаемый процесс войны «каждый с каждым». Сначала схватки шли за богатые ресурсами районы, затем — по принципу «я дерусь… просто потому что я дерусь». В редких случаях базы удавалось захватывать. Не избежал печальной участи и Сильфонт. После пятидесяти лет под контролем выходцев из Спарты база пала перед отрядом чужаков. Они правили Сильфонтом следующие полвека, пока не были разгромлены вернувшимися русентийцами. Да, войны на планете велись неспешно.

Нынешнее возвращение русентийцев в экс-Дронию радикально отличалось от их первого вторжения. Теперь базы не передавались на сторону, а ликвидировались, и остатки жителей-людей перемещались в Русенту — на очень плохих условиях, о чём уже говорилось ранее. Чужаков русентийцы убивали до последней особи. За сотню лет с момента начала Первой войны мир на планете стал намного более жестоким и кровожадным.

И вот история Дронии подошла к логическому завершению. Уцелевшие потомки дронийцев, если бы они умели писать, могли бы сложить торжественную сагу, в которой Сильфонту отводилось бы большое место. Сильфонт был последней базой, построенной дронийцами в период мира. Он же стал первой базой, куда вторглись русентийцы, и он же оказался последней базой, окончательно завоёванной и ликвидированной всё теми же русентийцами.

Но вернёмся к нашим героям. Колонна выступила по направлению к южному валу кратера. Лёгкая нервозность обоих командиров, Алекса и Силача, передалась всем. Даже без учёта угрозы новых нападений путешествие отныне становилось ещё более трудным. Прежде всего, предстояло спуститься в кратер.

Объехать кратер поверху? Грубые намётки маршрута, полученные Силачом от лейтенанта-десантника, не предполагали подобной возможности. У Алекса, естественно, путь до Каналграда был проложен с большей деталировкой, но и он вёл только через кратер. Разведчики, будь они в одиночестве, могли бы решиться проверить давно или вообще нехоженые места, но с колонной на хвосте, с чьей судьбой по неясным пока причинам решил связать себя Алекс, такой трюк был абсолютно нереален.

На поверку получилось, что спуск на дно гигантской воронки не был чрезмерно опасен. Ветра и воды размыли стенки кратера, образовав причудливую естественную дорогу. Встречались места с шириной проезжего участка чуть более ширины ровера, машины протискивали через них по очереди те двое водителей, что были поопытнее остальных.

Спуск занял большую часть дня. Алекс приказал готовиться к ночёвке. Силач согласился, он тоже не испытывал восторга от перспективы подъёма по восточной стене кратера в тёмное время суток и на фоне общей усталости людей.

— В той стороне есть ручьи и родники. Скажи своим, пусть воды наберут, и побольше.

— Запасы воды довольные и с лихвой. Настаиваешь на дополнительном грузе?

— Силач, на востоке после кратера фунгус, не забыл? В фунгусовых полях всё становится непредсказуемым. Давай лучше перестрахуемся, пока есть такая возможность. Добавь воды.

— Ха! Про воду отдам распоряжение. Но дополнительное продовольствие взять здесь неоткуда.

— Если поход затянется, урежешь рационы. Перетерпят. Вода — предмет более критичный. Кончится вода, человек долго не протянет. У нас один скаут обходился без воды семь суток.

— Ого! И что с ним сталось?

— Умер, — Алекс вдруг широко улыбнулся; оказывается, он тоже умел улыбаться. — Его скелет обнаружили через полгода.

— Слышь, как догадались про неделю без воды, коли отыскали один скелет?

— Да никак! Нужна была страшилка для курсантов, чтобы не забывали правильно рассчитывать запасы воды. Вот и придумали историю про семь суток. На самом деле, может, он просто взял и помер. Так бывает.

Силач почесал лысый затылок и изрёк: «Прелюбопытно у вас обустроено».

Беженцы носили в роверы воду в подручных ёмкостях, часть людей рассыпалась по округе и собирала редкие орехи и ягоды. Разведчики расположились вокруг спидера, державшийся рядом с

Филимоновым Ник уплетал паёк — вторую уже порцию с момента завершения спуска. К Алексу подошла Стерёга.

— Русентиец, делай вид, что всё нормально. Кучерявый убит, Красношей сбежал. Мы ничего не сказали людям, Силач хочет твой совет. И пусть сдохнет Капитан, но мне очень страшно.

Из пояснений Силача позже выяснилось следующее. Сгоняя разбредшихся людей к роверам (уже темнело), он обратил внимание на отсутствие обоих, и подозреваемого, и соглядатая. Вместе со Стерёгой и ещё одним ополченцем командир прочесал окрестности и в километре от стоянки наткнулся на тело Кучерявого, убитого ножом или каким-то похожим предметом. Его резак пропал, Красношея не было нигде. Ещё немного, и беженцы обратят внимание на пропажу двоих спутников, нужно придумать версию.

— Скажи, что сбежали.

— Разумно ли это? Могут последовать примеру.

— Считаешь, что кто-то может и в самом деле удрать из колонны? Да и флаг в руки, пусть пробуют. В одиночку не выживут, умные должны это понимать… Меня волнует другое. Красношей — хороший старатель, ты сам про это сказал. Следовательно, не дурак. Если он решился на побег, значит, где-то рядом его сообщники и наши враги. Да и те пять спартанцев-диверсантов, как они добрались до дороги на Сильфонт? Не пешком же из Спарты.

— Надо было дать Красношею по шее и всё узнать.

— Похоже, ты прав. Надо было сразу допросить.

— Куда побёг Красношей, узнать не можем?

— Нет.

— Слышь, а твой сенсор? Он далеко лицезреет.

— Включили, посмотрели — нет, никого постороннего не детектировали. Думаю, что Красношей успел отойти далеко или нашёл укрытие от сенсора.

— Подожди! Включили? Сенсор не трудился, пока мы стояли?!

— Силач… Не кипятись. Да, сенсорное оборудование было отключено. Червям здесь взяться неоткуда, а спартанцев мы заметили бы до выхода на дистанцию поражения визуально, глазами. Сенсоры потребляют энергию, до фига энергии. Запас аккумуляторов у меня есть, но я не рассчитывал, что мы будем возвращаться с колонной. Поход затянулся, а впереди фунгус, где нам потребуется много энергии.

— Я думал, вы непобедимые, — протянул беженец.

— Угу, нагибаторы… Силач, мы не непобедимые, мы очень сильные. Сенсоры оставляем работать, распорядись про часовых,

мы тоже будем спать по очереди.

Ночь прошла на диких нервах, но без происшествий. Никто не напал, никто не сбежал. Алекс в категоричной форме заявил Силачу — сначала из кратера выедет спидер разведчиков. И только потом, и если неведомый враг не проявится, к тропе наверх двинутся роверы беженцев. Силач не стал спорить. Да если бы и стал, ничего не изменилось.

Легастеник лихо вывел машину русентийцев на восточный вал. Сенсоры молчали, спидер осторожно отползал от кратера. Когда Алекс решился дать отмашку Силачу, экран сенсора тренькнул, на нём родилась красная фигурка. Как будто из-под земли — точнее, из пещеры со стенками, покрытыми фунгусом, но Алекс этого ещё не знал — появилась неприятельская машина и выстрелила в разведчиков беловато-серым пучком.

Русентийцев атаковал боевой ровер. Судя по очертаниям, спартанский.

Глава 4

— На нас напали, Силач.

— Где? Кто? Умертвить способен?

— Силач, у тебя нешифрованный канал коммуникатора. Хочешь, чтобы нас прослушивала вся планета?

— Я иду к тебе.

— Поднимайся один, пешком. Мы сдадим назад и тебя подберём на тропе.

Запыхавшегося беженца посадили во второй ряд, между Ником и Филимоновым. Мальчишка притих, Силач для него по-прежнему был самым грозным человеком на свете. Спидер вновь выбрался на вершину вала.

— Расклад такой. Спартанец слишком далеко от нас, чтобы хотя бы попробовать активировать нам броню. Сделал один выстрел и откатил назад. Держится грамотно, примерно на границе зоны видимости сенсоров при нормальной мощности. Расширить зону можем, но пойдёт большой расход энергии, да и местность плохая, много скальных обломков и встречается фунгус.

— Фунгус мешает тебе?

— Да, очень плохо влияет на чувствительность. В фунгусовых полях мы ослепнем. Почти ослепнем.

— Что он творит?

— Мы идём к нему, он отступает. Заманивает.

— Умертвить можешь?

— Шанс есть, и неплохой. Но тогда мы не поймём, куда конкретно он хочет нас затащить. Поэтому играем в…, - Алекс запнулся. — В кошки-мышки.

— Знаю, как вы говорите. В русентийца-подчужачника.

— Если предпочитаешь. А ты знаешь, что такое ксеногрибок?

— Задняя нога Капитана. Слышь, русентиец. Ты маленький, но слова взрослые. Трудно привыкнуть. Проще, коли будешь говорить как Ники.

— Нести всякую пургу, запинаться на полуслове, попутно жрать стыренный паёк и хамелеонить? Стал бы ты мне подчиняться?

— Нет, не стал.

— Тогда не будем ничего менять.

— Я могу говорить за него как Ники, — внезапно встрял со второго ряда Ник.

— Силач, отвесь ему щелбан… Несильный!

Беженец был прав. В последние трое суток Алекс нарушил

негласный обет разведчиков в общении с посторонними. Где многозначительные паузы и рубленые фразы? Их место заняли подробные объяснения, шутки и даже пошлые остроты. Силач мог бы сказать ему как-то так: *«You come all this way without saying squat, and now you» re trying to tell me a «56 Chevy can beat a «47 Buick in a dead quarter mile? I liked you better when you weren» t saying squat, kid. Go to bed».* Но Силач никогда не видел земных кинофильмов, а в голографическом зале Сильфонта при чужих демонстрировали одну лишь порнуху для насекомых.

Спартанец медленно пятился назад, спидер, также медленно и сохраняя дистанцию, следовал за ним как привязанный. Алекс прильнул к обзорному экрану, оценивая рельеф местности и готовясь в нужный момент добавить мощности сенсору. Вдруг противник прибавил ходу, как будто у него, наконец, сдали нервы и устремился к невысокой, но длинной гряде красноватого цвета от покрывавшего его фунгуса. Алекс утопил кнопку разблокировки и сдвинул рычаг, скосил глаз на цифровой индикатор потребляемой в единицу времени энергии и чуть поморщился. Но тут же забыл об этом, потому что на экран сенсора с тихим звуком одна за одной добавлялись фигурки, обозначающие врага.

«…тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь… сорок два, сорок три». Вместе с приманкой, разведчикам противостояло сорок четыре боевых ровера Спартанской Федерации.

Первых противников теперь можно было наблюдать и вживую. Роверы выдвигались из-за гряды, притормаживали, перестраивались. Нападать они будут скопом. Так львиный прайд одолевал на Земле жирафа, и ни длинная шея, ни плотная шкура, ни мощные ноги не спасали обречённое животное от гибели.

Водитель-легастеник увеличил разрыв со спартанцами. Задом, как до того приманка, машина разведчиков отступала к спуску в кратер. Роверы, тем временем, выстроились буквой U и бросились в погоню. Их импакторные пушки пока молчали — слишком далеко! А вот русентийцы рассуждали иначе. Филимонов высунулся через шлюз наружу и открыл огонь из «восьмёрки» по выбранной машине. Выстрел, свечение, переходящее во вспышку, второй с тем же эффектом, третий, на сей раз без видимых последствий. Разведчик, довольный, вернулся на своё место. Зато Силач смысла завершившейся сцены не понял — обстрелянный ровер ехал как ни в чём не бывало.

— Не попал?

— Попал. Экипаж мёртв, машина едет по инерции. Видишь яму прямо по её курсу? Сейчас она в ней завалится на бок.

Пролетели томительные секунды, и предсказание Алекса

исполнилось в точности. Силач ожидал следующей порции пояснений — например, почему разведчики отступают, несмотря на первую удачу.

— У вас броня. Шёл-ко-сплав. Я сам видел, как он, — беженец мотнул головой, показывая на легастеника, эффектным образом расправившегося с диверсантом у дороги.

— И если ты не заметил, после боя он выбросил рубашку и взял новую из запасов, — Алекса не тревожили приближающиеся роверы, ровным голосом он комментировал происходящее, как будто сидел за сотни километров в подземном бункере.

— Силач, ты знаешь что-нибудь о ядерных реакциях? Наша броня выдерживает прямое попадание из импакторов. Но после него защитный слой начинает фонить и в нём образуются вакансии. Ты не увидишь их под микроскопом, но для импакторного пучка они сродни распахнутым воротам.

— Броня спидера мощнее персональной брони, но и пушки спартанцев — это не стрелковка, плотности потока в их пучках выше, — место заезда на вал было уже рядом, и невозмутимый ликбез от Алекса продолжался. — Поэтому они постараются сделать так — одновременно приблизиться и обстрелять нас очередями, метя приблизительно в одну и ту же точку на броне. Возможно, они выберут две или три таких точки, если судить по их построению. В лучшем для нас случае мы зафоним как реактор после аварии. В худшем броня не выдержит и мы умрём. Наша главная задача — держаться от роверов как можно дальше.

— Почему вы не стреляете? — спидер взобрался на вал и подъезжал к началу спуска, отчего успокоился даже Силач. Он был последним и единственным, кто высказывал нервозность; Ник глазел на происходящее, открыв рот: «Вот это да!».

— Мы столкнулись с новейшей спартанской разработкой. Броня — «трёшка» плюс резонанс. Резонансное поле вокруг машины, останавливающее материальные предметы, в том числе, наши микропули. Видел свечение при попадании? Филимонову суперповезло, он пробил броню всего с третьего выстрела, но делать ставку на везение глупо. Даже втроём мы не успеем пробить все роверы. Поэтому отходим. К тому же, у нас всего-навсего скаут-спидер, не армейский вариант, пушек у нас нет.

— А ваши солдаты? Они одержали бы победу?

— Один наш десантный спидер расправился с десятью роверами, — помолчав, Алекс добавил. — Их командир был дурак, гнал роверы на нашего по одиночке, типа дуэли, и наш их расстреливал с дальней дистанции. Если бы они накинулись стаей…

Машина разведчиков спускалась по тропе вниз. Со дна

воронки кратера на неё смотрели перепуганные беженцы, знающие пока только то, что на разведчиков наверху кто-то напал. Силач тронул Алекса за плечо и спросил:

— Что будем творить теперь?

— А вот это ещё предстоит придумать, — ответил Алекс. Он как-то разом поник, и всем в спидере стало ясно, что спокойствие юного русентийца было напускным. Вернее, стало ясно Силачу и Нику, а взрослые разведчики знали об этом и раньше.

Конечно, спартанская группировка выглядела внушительно, но угрозы для Каналграда не представляла. Единственное, на что она могла бы рассчитывать — доставить хлопот пограничникам, но к ним на помощь подтянулись бы армейские резервы с печальным для спартанцев итогом. Следовательно, целью группировки являлся более несуществующий Сильфонт.

Знали ли командиры группировки о том, что Сильфонт разорён? В предположении, что Красношей работал на спартанцев и добрался до них после побега — да, знали. Но что тогда им было нужно от застрявших в кратере нищих беженцев?

Теперь о диспозиции. У кратера были известны всего две созданные природой тропы, пригодные для проезда роверов — южная и восточная. Прохода по поверхности между ними не было, то есть, удара с тыла Алекс не опасался. Спартанцы, в свою очередь, наглухо закупорили восточную тропу и продемонстрировали русентийцам невозможность прорыва. Кстати, реальной опасности во время демонстрации разведчики не подвергались, скоростные качества их машины гарантировали, что русентийцы успеют скрыться в кратере, чем и объяснялось спокойствие (пусть и вымученное) Алекса.

Вышедшие из Сильфонта десантники, скорее всего, с лёгкостью отогнали бы спартанцев, но они сейчас опережали Алекса с компанией, как минимум, дней на пять, потому что в составе их колонны не было старых медленных роверов, на которых ехали Силач и его люди. Связь с десантниками? Невозможна, мобильных коммуникаторов на такую дальность на планете не было, а стационарные комплексы дальней связи занимали по площади территорию средней по размеру базы.

Итак, беженцы не могли продвинуться на восток, но и спартанцы не имели возможности доставить им неприятностей. С краёв воронки импакторам не хватало дальности. Спускаться по восточной тропе роверам спартанцев пришлось бы по очереди, и разведчики ожидаемо вывели бы из строя головные машины и заблокировали движение, а сталкивать с тропы вниз мёртвый ровер под огнём «восьмёрок» было равно самоубийству.

Таким образом, исход сражения решали ресурсы, причём

самые простые — еда и вода.

Запасы воды на дне кратера можно было принять за бесконечные. У спартанцев наверху дела обстояли хуже, они могли рассчитывать только на привезённую с собой воду или попытаться организовать её доставку от удалённых источников. Еда — только то, чем обе колонны располагали в грузовых отсеках.

— Кто вперёд? Мы умертвимся от голода или они умертвятся от жажды, — подвёл Силач итог краткого совещания, прошедшего за время, требовавшегося спидеру на завершение спуска. — Опасаюсь, что вперёд мы от голода.

— Урежь рацион вдвое, — посоветовал ему Алекс. — И готовь людей к тому, что бой затянется на дни.

Силач помолчал, а потом выдал предложение, за которое удостоился от Алекса ироничной похвалы: «Армейский сержант из тебя получился бы». Беженец резонно обратил внимание на результат вылазки, подбили ровер и безнаказанно ушли. Такие атаки-укусы можно было бы повторять неоднократно, до тех пор, пока численное преимущество спартанцев не растает.

— В отличие от армейцев, разведчик, готовясь к бою, подвергает планы стресс-тестированию, — Алекс наставительно поднял палец вверх, не обращая внимания на то, что Силач не понял его слов. — Что произойдёт, если при вылазке мы застрянем наверху? Например, поломаемся.

— Сам сказал. Умертвят. Или утечёте ногами, без машины.

— Или… А если не «или»? Не утечём? Спартанцы убьют сначала нас, затем спустятся вниз и уничтожат беззащитную колонну. У твоего плана есть слабое место, и мы подправим его так.

Идея Алекса была консервативной. Вместо того, чтобы выскакивать наверх на спидере, разведчики проберутся своим ходом и по очереди: «Погибнет один, останутся ещё двое». Русентиец взялся внимательно изучить карту и записи недавнего боя с упор на рельеф, чтобы наметить пути подхода к спартанцам и, самое главное, варианты отхода нормального, аврального и спасения путём панического бегства.

Вот теперь настроение окончательно поднялось у всего маленького штаба обороны, он же примерно равен гарнизону. Вместо томительного сидения в расчёте на то, что у врага закончится вода, намечались опасные, но и интригующие драки. Разведчики собирались дёргать грозного льва за усы до тех пор, пока у зверюги не отвалится голова.

Без больших подробностей Силач ввёл Стерёгу в курс дела, поручив объявить новости остальным беженцам, а сам вернулся к

разведчикам, где Алекс колдовал над картами. Как и прогнозировалось, враги держались от восточной тропы на значительном удалении, в нормальном диапазоне мощности сенсор роверов не видел вообще.

— Как ты рождаешь планы, коли не понимаем, где они покрыты покровами?

— Перспективные точки я определил, проложу к ним подходы и отходы. Боец наверху определится по сенсору, в какой из них спрятались спартанцы, и отработает по соответствующему варианту, — Алекс потянулся и подмигнул заскучавшему было Нику. И тут же напрягся. — Что за пьяный Капитан? Филимонов, Силач — за мной!

Похоже, что в колонне, пока штаб готовил план-график диверсий, приключился настоящий бунт.

Возле роверов собралась толпа. Казалось, что наружу высыпали все беженцы. Филимонов опустил растерявшемуся Нику поля панамы и тихо напомнил: «Руки в карманы!». Теперь мальчишка был защищён от выстрела или удара, но разведчик предпочёл спрятать его себе за спину. Попытка отодвинуть на второй план Силача сразу была обречена на провал — командир беженцев прятаться от своих людей не собирался.

Но свои ли это люди? В центре гомонящей толпы двое держали Стерёгу в разорванном комбинезоне и набухающим на правой скуле синяком. Третий приставил ей к горлу нож, четвёртый и пятый направили на девушку лазерные резаки. В подобном положении пребывал и ещё один ополченец, которого разведчики полагали приближённым к Силачу. При виде разведчиков толпа забурлила агрессивнее.

— Тихо! Говорить будет кто-то один, иначе стреляю, — соревноваться в крике с десятками глоток Алекс не хотел. Слова подействовали, наступила тишина. Первым прервать её решился розовощёкий толстяк.

— Мы сами по себе. Мы спартанцы, там спартанцы. Спартанец спартанцу брат. Мы уходим. Пропусти нас.

Чего-то подобного русентиец и ожидал, но всё-таки попытался восстановить статус-кво.

— Кто сказал вам, что там спартанцы?

— Она, — толстяк рассмеялся и показал рукой на избитую Стерёгу. Действительно, Силач и посылал её, чтобы объяснить людям причину задержки в кратере.

— Вы им не нужны. Они вас убьют.

— Это ты убьёшь всех нас, сопляк! Заумник сбрендил, Рейка убит, Кучерявый убит, Красношей пропал. Ты русентиец, ты изводишь нас под корень! Ты всегда ненавидел нас!

«Откуда люди узнали про смерть Кучерявого?» — молнией пронеслось в голове Алекса.

— Я дам вам уйти, но сперва отпустите заложников, — при этих словах Силач посмотрел на Алекса как-то странно, но подавил чуть не вырвавшиеся возражения. Мятеж, казалось, выбил из-под ног командира (теперь уже бывшего) беженцев последнюю опору.

— Нога Капитана, нет, мы не согласны. Мы отпустим их, ты нас убьёшь. Они поедут с нами.

— Ладно… Поступим так. Мой боец поднимется по тропе наверх, один. Твой ровер будет последним. Заложников посадишь в него. Когда отъедешь от вала на сто метров, остановишься и выпустишь обоих. Не выполнишь условие, боец уничтожит ровер. Видел, как мы умеем стрелять?

— Но и заложников он убьёт тоже, — ухмыльнулся толстяк.

— И что? Если вы довезёте их до спартанцев, то их всё равно убьют.

Толстяк налился злобой, живот видимо колебался как неслабый насос. Он не мог оставить за мальчишкой последнего слова.

— Все припасы в роверах наши!

— Ладно.

— Всё имущество в роверах наше!

— Ладно, нам оно не нужно.

— И мы возьмём резаки. Девять штук!

— Берите.

Удовлетворённый достигнутой победой, толстяк развернулся лицом к толпе, когда его настигло новое условие от Алекса.

— Люди, которые не захотят уходить, останутся, и вы им не будете мешать.

— Да кто с тобой останется, сопляк? Эй, Силач, айда с нами! Что ты крутишься у этого Ника под ногами? Мужик ты или нет?

Силач не реагировал на обращения и подколки. Всё время, пока Филимонов забирался по склону и пока беженцы рассаживались по роверам, он над чем-то размышлял. К Алексу он обратился один раз.

— Слышь, что мыслишь, примут они их к себе?

— Не знаю, Силач. По идее должны, люди — самый ценный ресурс планеты. Еду и воду мы отдаём… Примут, увезут с собой. Может, и от нас грешных отстанут.

— Ты колонну не довёл до Русенты.

— А я не вёл колонну, Силач. Мы просто вместе с вами ехали. Вместе же веселее?

Посадка заканчивалась, и Алекс ещё раз напомнил: «Все, кто

хочет остаться с русентийцами, подойдите ко мне». Желающих нашлось трое — старая женщина, седой мужчина и, внезапно, один из ополченцев, участвовавших в бунте. Парень извинительно посмотрел на Силача, пробормотал что-то вроде: «Их много было, растерялся я, притворился». Силач ничего не ответил. За резак дважды перемётчика состоялась словесная мини-битва, но Алекс не уступил; зато русентиец отказался от претензий на доли остающихся в припасах. Зачем Алексу был нужен старый резак, не ответил бы, наверное, и он сам. Так, просто поспорить…

Роверы беженцев выбирались на вал. Покинула кратер последняя машина, с заложниками. Отъехав от вала на оговорённые сто метров, остановилась, оттуда вылезла Стерёга без второго пленного. Скрестила руки над головой, помахала ими и торопливой трусцой добежала до Филимонова.

— Ломака всё устроил, козёл! Хочешь, пальни им в след, но он не пленный, — с злостью сказала девушка, имея в виду товарища по несчастью, на поверку вышедшего совсем не товарищем. — В ровере сидел, изгалялся. Всё рассчитал, Капитаново отродье! За одну меня Силач не отпустил бы народ, а за двоих, да ещё за Ломаку… Ломака у Силача с рук ел, и так бортанул, уродина!

— Про Кучерявого как люди узнали? — озвучил Филимонов безмолвный вопрос Алекса.

— Так мы с Ломакой его искали, когда его грохнули. Втроём ходили, мы парой и Силач.

Алекс не рискнул комментировать услышанное. Силач не пожелал хотя бы выругаться. Предательство верного товарища могло окончательно сломать бывшего командира беженцев, отныне всего лишь одного из шестерых жителей разорённого Сильфонта, ведомых в русентийские лагеря.

Стерёга потянула Филимонова за рукав: «Пошли вниз!». Разведчик застыл как вкопанный. К колонне, практически скрывшейся из вида, с двух сторон выехали спартанские роверы.

Глава 5

Импакторы — оружие малошумное. О трагедии уехавшей сдаваться колонны Филимонов со Стерёгой догадывались по еле заметным пучкам по направлению от боевых роверов спартанцев к транспортным роверам людей Сильфонта, а Алекс — по показаниям сенсора. Вскоре добавились иные признаки катастрофы. Ровер толстяка-мятежника врезался в зад предыдущей машины, и обе они остановились.

Филимонов стрелял, презрев конспирацию. Алекс и легастеник били из «восьмёрок» навесом. Броня «трёшка с резонансом» делала своё дело, один только ровер спартанцев закрутился на месте и пополз к укрытию — кому-то из русентийцев повезло с попаданием. Но это оказался единственный успех защитников.

Расправа над колонной заняла минуты. Все люди Сильфонта, рвавшиеся воссоединиться с братьями и сёстрами из Спартанской Федерации, были мертвы.

Легастеник на спидере подхватил спускавшихся Филимонова и Стерёгу. Теперь все последние девять оставшихся в живых людей и последняя машина из числа покинувших одиннадцать дней Сильфонт собрались на дне кратера на почтенном удалении от восточной тропы.

В шоке пребывали все, кроме разведчиков, хранивших маски невозмутимости. И пожалуй, кроме Алекса. Смотрел он как-то… нехорошо, причём смотрел на Ника. Взяв двумя пальцами за ухо, Алекс подтянул мальчишку к себе, но обратился почему-то к Силачу.

— Силач, вопрос. Кого в Сильфонте вы называли Никами?

— Мелких пацанят вроде этого. Малые, не заслужили прозвища.

— У вас были фамилии?

— Мы тебе что, русентийцы? У нас прозвища.

— Тогда скажи мне, Ник Звара, — разведчик выделил оба слова интонацией, — откуда ты раздобыл фамилию?

Начавшийся допрос вызвал у мальчика естественную для его лет реакцию — затаиться и переждать грозу. Но Алекс такой возможности ему не оставил.

— Ну, так откуда? Ни у кого в Сильфонте нет фамилии, а у мелкого заморыша есть. И знаешь, что самое интересное? Вашего покорного слугу, то бишь, меня, зовут Алекс. Алекс — это имя. А фамилия моя, ты не поверишь — Звара.

Беженцы ахнули. Разведчики знали о странной коллизии ещё

с нападения червей в Сильфонте. Все вместе они обступили ребят тесным кольцом, и Нику пора было что-то промолвить в своё оправдание. Он попытался:

— Извини, Алекс… Извини! Я хотел… ну, мама рассказывала, у всех людей раньше были фамилии… а у нас нет… я хотел… ну, я услышал… от одного человека… подумал, вот бы мне…

— От. Кого. Ты. Услышал. Мою. Фамилию?

— Ну, они стояли… они там стояли…

— ОТ КОГО?

— Да от него! — и ткнул пальцем в седого. Мгновением позже в лоб новому кандидату на всеобщее внимание упёрлась «восьмёрка» Филимонова. Седой попытался улыбнуться:

— Возможно, я когда-то произносил вслух такое прозвище, а Ник это подслушал.

— Где и при каких обстоятельствах ты узнал фамилию Звара? Мою фамилию.

— Я вспомнил, — завопил мелкий. — Он болтал с этим… ну как его?.. который сбежал.

— Красношеем?

— Добро. И так всё закончится скоро. — Седой постарался выговорить фразу как обычно, но голос слегка дрожал. — Да, я назвал фамилию Звара Красношею. Он просил меня узнать фамилию главного разведчика. Я отирался возле солдат и мог это сделать. Солдаты злились из-за того, что какой-то сопляк…

— Полегче! — пробасил Филимонов.

— Я не виноват, их слова. Так вот, какой-то… мальчик с двумя… — седой благоразумно опустил определение или эпитет, — путается у них под ногами. От них я узнал, что твоя фамилия Звара.

— Ты подслушивал десантников, а мелкий Ник — тебя с Красношеем? Какая досада, какие высокие отношения! — ни с того, ни с сего развеселился Алекс. — Рассказывай теперь всё. В подробностях.

— Убьёшь меня?

— Рассказывай!

А подробности были таковы. Красношей как старатель часто забирался в удалённые от базы местности, где в один прекрасный день столкнулся со скаутами из Спарты и нашёл с ними общий язык. Спартанцы намеревались освободить Сильфонт, свой человек на базе им был нужен. А Красношею требовался помощник для исполнения поручений будущих хозяев базы, и он открылся седому, пообещав с три короба, а точнее, должность бригадира после возвращения Сильфонта под власть Спарты.

Красношей знал примерные сроки штурма. Каково же было

его разочарование, когда спартанцев опередили русентийцы! Первую неделю он был как потерянный, потом собрался и присоединился к всеобщему буйству мародёрства, причём уходил в поисках подлежащих вывозу матценностей как можно дальше от базы, что полностью соответствовало его статусу профессионального старателя.

И сразу Красношей получил результат, да ещё какой! Он встретил человека, «страшного человека», который пообещал забрать шпиона-любителя в Спарту и обеспечить достойную жизнь. Взамен этот человек требовал следить и собирать информацию о трёх русентийских разведчиках, с какой-то непонятной целью не спешивших покинуть Сильфонт — то есть, об Алексе и его спутниках.

Антагонизм между военными и разведкой Русенты здорово помог Красношею и седому при выполнении нового задания. Десантники не стеснялись в выражениях, когда речь заходила об Алексе. Беда подкралась, откуда не ждали. Заумник, набравший очки у людей Сильфонта после сбывшегося предсказания о нападении русентийцев, подметил интересы парочки и перед походом потребовал объяснений. Тогда Красношей натравил на него червя-прыгуна.

— Сказки! — зло перебил Алекс исповедь седого. — Никто на планете не умеет управлять червями.

— Что, не по нраву, когда вас опередили? — криво усмехнулся седой. — А вот так и было. Страшный человек обучил Красношея искусству пения с червями.

— Чё-чё? — как-то по-детски высказался Силач.

— Красношей мог теперь приказывать червям-прыгунам. Он приказал убить Заумника, но помешал этот Ник. Но и так неплохо получилось.

Да, получилось неплохо. От пережитого ужаса Заумник не оправился и медленно, но верно преображался в дурачка. Но Красношеем овладела паранойя. Он заподозрил ополченца Рейку в том, что тот мог обратить внимание на странные манипуляции Красношея перед нападением червей в Сильфонте. Поэтому в походе при первой возможности шпион повторил трюк с вызовом прыгуна — на сей раз, абсолютно чисто и с летальным исходом для жертвы.

— С каким-каким? С летательным? — а это уже Ник, а не Силач. Ребёнку разъяснять незнакомый термин не стали, ограничились подзатыльником от Филимонова.

Если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят. Из Кучерявого не получилось соглядатая, Красношей выманил его подальше от людского взора, убил и скрылся, но успел незаметно

приказать седому «при любых обстоятельствах» держаться рядом с Алексом. Только по этой причине седой не примкнул к бунтовщикам и остался жив, но прекрасно понимал, что ненадолго.

— Как оно, со Спартой якшаться? — Силач присел на корточки, прищурился и смотрел на лазутчика как на таракана.

— Тебе-то что, Силач? Тебя бы не тронули, власть оставили. А жить под Спартой всяко лучше, чем под чужаками. Или под ними, — кивок в сторону Алекса.

— Зачем страшному человеку понадобились мы? — а это уже командир разведчиков.

— Найди его и спроси. Мне не доложил, — новая горькая усмешка; наверное, последняя.

Алекс прокашлялся и монотонным голосом зачитал приговор, ничуть не сомневаясь в своём праве выносить его:

— Твои и Красношея дела со спартанцами нас не касаются. За убийство Рейки и Кучерявого и нападение на Заумника ответит Красношей. Но ты виновен в массовой смерти людей, сдавшихся спартанцам у восточной тропы. Приговор — смерть.

— Это ещё с какой стати? Бунтовали они сами по себе! Я рта не раскрывал, — седой был внутренне согласен с неизбежной казнью, но названый Алексом повод его ошеломил.

— Признался бы ты, что спартанцам нужны мы, а не люди Сильфонта — мы нашли бы способ заняться друг другом и отвлечь внимание от колонны.

Алекс вынул «восьмёрку», но Филимонов, всё это время державший седого на прицеле, положил левую руку командиру на плечо и попросил: «Не надо!». Стерёга закрыла Нику глаза ладонью. Филимонов выстрелил, хлопок, и безголовое тело упало на траву.

— Кучерявого бы закопать… Поблизости он, — без видимой связи со свершившимся правосудием произнёс Силач.

— Извини, Силач, не успеем. Мы уходим.

— На спидере не прорвёмся.

— Не на машине. Пешком. Подъём я наметил, наверху возьмём к югу в фунгусовые поля.

— Ты… ты говорил, пешком через фунгус не ходят, — рискнул вмешаться Ник.

Алекс не смотрел на мальчика, а Ник думал, что теперь его презирают за его подлый обман. Что думал Алекс? Может быть, он раскаивался в том, что не прояснил странность с фамилией подобранного пацана сразу, как только услышал? Но там, в Сильфонте, разведчики, подобно десантникам, изображали из себя полубогов, которым не с руки снисходить до смешных

несуразностей простых смертных.

— Люди через фунгус не ходят, — наконец ответил Алекс, хотя и обращался при этом в пустоту. — Но русентийцы могут попробовать. Подгоняем снаряжение, берём припасы и выступаем.

— Силач, Ник и я дронийцы, — раскрыла рот старуха, и все увидели, что у неё нет половины зубов. — А он спартанец, — и ткнула перстом в ополченца. Тот поднял обе руки кверху:

— Силач, я твой, я с тобой.

— Сними резак и положи на землю. Положи! — третий раз Алексу повторять не пришлось, команду исполнили. — Пойдёшь с нами, но при малейшем подозрении пеняй на себя.

Ополченец кивнул, посмотрел на брошенный резак. «Останется здесь, нам он не нужен, а тебе ни к чему», — распорядился Алекс.

— Ещё вопросы есть? Тогда за снаряжением и уходим.

— Я не дойду до Русенты. Я слишком стара.

— Я знаю.

— Алекс?! — этого Силач вынести уже не мог.

— Десять лет как Алекс. Но что это меняет?

Ничего не изменило. Силач упирался, предлагал варианты — всё бесполезно. Старая женщина физически не перенесла бы многодневный переход через фунгус. Оставаться в кратере, зная, что спартанцы охотятся за разведчиками — огромный риск, неизвестно, какие козыри могли припрятать противники, да ещё неведомый страшный человек, не просто умеющий петь с червями, но и способный обучить этой технике других. Идею беженцам затаиться и дождаться, пока русентийцы прорвутся и приведут помощь, Алекс отверг безапелляционно: «Никто за вами не вернётся, Силач».

Если бы Силач умел облекать мысли в чёткие словоформы, он продумал бы: «Что же с тобой сотворили, Алекс? Ребёнок не может, не имеет права с олимпийским спокойствием обрекать людей на смерть. Как же вы там живёте, в Русенте?». Алекс ответил бы словоформами: «Ты начал обращаться ко мне по имени, Силач, но неужели ты так и не понял — дело во мне. Никто, даже Русента, не отправляет детей в дальнюю разведку командирами групп. Раз послали меня в Сильфонт, значит, что-то со мной не так». Но Силач не владел искусством телепатии, мысленный разговор не состоялся, а аудиальный быстро затих.

— Не хочу умирать от голода и холода. Даруй мне лёгкую смерть, русентиец, ведь ты дал её даже предателю, — старуха заполнила образовавшуюся паузу.

— Тогда ты умрёшь бесцельно. Я предлагаю тебе гибель, несущую смысл.

— Я слушаю тебя и не понимаю.

— Сейчас поймёшь. Ты поднимешься наверх и пойдёшь к гряде, за которой позиции роверов. Что бы ни происходило, не останавливайся. Не буду обнадёживать, в конце концов они тебя убьют. Но ты очень, очень поможешь нам.

— Всего только подняться и идти вперёд? Это по мне, я всю жизнь вставала и шла и поступала так для себя. В первый раз я пойду для кого-то другого, — женщина слабо хихикнула. — Русентиец, спаси Стерёгу! А меня зовут Нелюдима.

— Спасу и запомню. Теперь все к спидеру за припасами и подгонкой оборудования.

Нелюдима ушла не одна. По тропе вместе с ней поднимался легастеник. Поредевшая на треть группа выбрала иной путь, уклоняясь к югу. Силач шёл, глядя под ноги, не выдержал и попросил объяснений. Старуха выманит на себя роверы, легастеник займёт удачную позицию, откуда сумеет обстреливать их эффективно, на разборку с разведчиком вылезут спартанские боевики, которых наверняка уже расставили в секретах для наблюдения за кратером. Пока идёт бой, группа должна успеть скрыться в фунгусе.

— А твой человек? Каковой будет стрелять?

— Он приобретёт то, чего хотел и за чем пришёл сюда, — услышав ответ, Силач замкнулся в себе.

Первый ровер выехал посмотреть на бредущего человека, когда старуха только отошла от вала. Немногим позже легастеник начал стрелять. Беженку-дронийку убили, когда к подбитому в самой первой стычке роверу добавились три неподвижных машины. Когда подкравшийся спартанский боевик активировал разведчику половину брони и прорвал её защитный слой, прежде чем умереть от ответного выстрела, потерянных роверов стало уже шесть, не считая первого — и девять перед тем, как легастеник упал на землю с отказавшим сердцем.

Спартанский офицер оценивающе осматривал труп опасного врага, разменявшего свою жизнь на девять боевых роверов и десятки жизней граждан Спартанской Федерации.

— Это был достойный бой. Похороните с почестями, сейчас только возьму его ракетный пистолет, — самоподрыв тела легастеника, инициированный сигналом, прошедшим по каналу «чужой трогает «восьмёрку» после гибели», оказался такой силы, что разломил надвое вставший вплотную офицерский ровер.

Легастеник повторил воспетый и увенчанный подвиг десантного спидера русентийцев, уничтожившего в бою десять роверов Спарты. Об этом не узнает никто, разведка не хвалилась достижениями, а спартанцы — поражениями. Но легастеник и

вправду получил то, за чем приходил в Сильфонт — смерть.

* * *

Фунгус выделял азот. В таких объёмах, что делал воздух над фунгусовыми зарослями непригодным для человека. Всего за несколько вдохов концентрация кислорода в лёгких понижалась настолько, что маршрут его движения по организму опрокидывался — кислород шёл не из лёгких в кровь, а наоборот, а далее с выдохом попадал в атмосферу. Минута-другая, и человек терял сознание, при этом не подозревая об опасности — в насыщенном азотом воздухе предохранительные механизмы организма не срабатывали, признаков удушья не было. Затем также быстро наступала смерть.

Юношей, в первый раз забредавших в фунгус, пугали страшилками о парах и каплях азотной кислоты, якобы образующейся при сильных грозах. На самом деле, такой опасности не было; скорее, следовало избегать контакта фунгуса с голой кожей из-за риска получить раздражение. По этой или иной причине, защитное снаряжение напоминало спецодежду для работы в химически агрессивных средах (оно и являлось отдельным подвидом такой спецодежды), плотно закрывало всё тело и прилично весило.

Лишившаяся сна группа передвигалась с трудом. Алекс и Филимонов прокладывали дорогу, за ними держался Силач, в хвосте — последний из ополченцев, чьё прозвище русентийцев не интересовало. Ник шёл за Силачом, Стерёга — за Ником. При свете двух лун планеты тёмно-розовые фунгусовые кусты и фунгусовый мох смотрелись зловеще.

Ближе к утру группа потеряла ополченца. Он упал на спину, перевернулся лицом к земле, чтобы отжаться и встать, и замер. Стерёга пнула тело ногой, ещё раз и посильнее, перевернула и отшатнулась — на лицевой дыхательной маске сидел червь. Убийцу порезали на кусочки лазерами, но беженца это не спасло.

— Не повезло. Поскользнулся на черве, — глухо прокомментировал из-под маски Филимонов вместе эпитафии, а Алекс напомнил: «Смотрите под ноги, одиночных червей сенсоры практически не видят».

Других потерь до утра не было, и Алекс скомандовал короткий привал. Стерёга, бывшая теперь в арьергарде, положила голову Ника на колени, мальчик не возражал — он устал так, что ему было всё равно. Силач не проронил ни слова, Филимонов следил за окрестностями, Алекс углубился в одному ему ведомые

раздумья.

— Вы нас почти перехитрили. Не надо торопиться, успеете выстрелить. Зачем стрелять, будем говорить, — вышедший из-за кустов человек, так же как и наши герои, был облачён в защитную одежду и носил дыхательную маску. — Мы отыскали вас и окружили. Убьёте меня — разговора не будет.

— Ты страшный человек, — догадался Алекс.

— Страшный ли я? Да, наверное, я очень страшный, — речь пришельца отличалась и от речи русентийцев, и от речи спартанцев с дронийцами. К концу каждого предложения он повышал интонацию, будто угрожая.

— Хиванец, — высказал вторую догадку Алекс.

— Да, хиванец. Я хиванец, а ты глупый русентийский мальчишка, и теперь я хочу с тобой поговорить. Я присяду, садись и ты. Дронийцы называют ноги полными лжи.

— Не дронийцы, а мы. И не полными лжи, а в ногах правды нет.

— Нелепое утверждение. Как в ногах может быть правда? Правда в голове и сердце, а не в нижних конечностях.

Шесть человек — русентийцы, дронийцы и хиванец — сидели под утренними лучами светила на травяном покрове из фунгуса и ждали, кто первым начнёт серьёзный разговор.

— Я хиванец, и я искатель тайн. Почему фунгус рождает червей? Почему черви преследуют нас? Есть ли у червей разум? Почему на планете нет хищников? Тайны, секреты, неизвестные факторы… Но у планеты есть главная тайна, и эта тайна — вы, русентийцы.

— Звучит, конечно, лестно, но…

— Не перебивай меня, глупый мальчишка! Почему вы развязали Первую войну? Что сделала вам Дрония? Вам не нужны были её земли, ресурсы, знания, люди. Вы добивались одного — свести под корень дронийский образ жизни. Мы не любили Дронию, но она нам не мешала. Вам — помешала. Почему?

— Споры о политике — удел операторов клининговых устройств.

— Я не спорю с тобой. Я задаюсь вопросами, на которые не знаешь ответов. Так создают великие труды мудрейшие из мудрейших, чьими путями я следую. Почему вы, люди науки, помешались на экологии? Почему вы не построите ни одной мастерской, не снабдив её двумя, а то и тремя ресайклерами для отходов? Почему вы сажаете леса там, где могут быть поля или глубинные скважины для термальных электростанций? Почему вы создаёте заповедники фунгуса? Что случилось с вами, почему вы так изменились?

При словах о заповедниках фунгуса Стерёга не удержалась от восклицания с обсценной лексикой. Даже Силач недоумённо хмыкнул.

— Ваши базы… Мы следили за вашими базами. У вас огромная территория, множество баз, но ни на одной из них, даже на столичной, не живёт более семи тысяч человек! Вы контролируете численность населения всеми средствами, некоторые из них жестоки даже на наш вкус.

— Мудрейшие из мудрейших тоже так занудно подбираются к главному?

— Не дерзи, мальчишка! Ты не в том положении, сильный здесь я. Хочешь главного — изволь. Вы узнали тайну, и тайна изменила вас. Мы хотим знать эту тайну.

Глава 6

— Дядя, при всём уважении, ты явно ошибся. Я не допущен к правительственным секретам.

— А ты сам мне и не нужен. Мы знали, что в Сильфонте хранится нечто, способное помочь нам раскрыть вашу тайну. Вы опередили нас и стёрли Сильфонт с лица планеты. Но вы оставили группу разведчиков, которая должна была найти это нечто и доставить его в Русенту. Эта группа — вы.

— По-моему, ты бредишь. И что же мы нашли?

— В поисках необычного нужно уповать на необычных поисковиков. Они отыщут его, но сами не поймут его смысла. И нужно всего лишь найти у них найденное.

— Глубоко сказано.

— Мы решили помочь тебе, глупый русентийский мальчишка. Находку ты должен был защищать активнее всего. Мы подстроили тебе нападение диверсантов, чтобы заставить тебя занервничать, мы перекрыли тебе дорогу, чтобы посмотреть на твои действия. Колонна покорно пришла на убой, чем здорово помогла нам, сократив круг наших поисков, — хиванец выделил слово «наших».

— Зачем вам потребовалось их убивать? Они были спартанцами, как и ваши люди… союзники?

— Обуза. Никому не нужный хлам. Ты думаешь так же, как и мы, ведь ты отпустил их.

— Я считал, что вы возьмёте людей в плен и уведёте на свои базы.

— Так вот, из того, что ты защищал, остались только эти трое, — хиванец обвёл рукой Силача, Стерёгу и спящего у неё на коленях Ника. — Отдай мне их и можешь идти.

— Забирай.

Стерёга выругалась настолько виртуозно, что щёки у Алекса заалели. И да, на этот раз загар был точно не при чём.

— Мужик, ты не в моём вкусе, — завершила она тираду человеческим языком.

— Ну что ж, отлично! Я зову солдат.

— Стой-стой-стой! — Алекс поднял обе руки предостерегающим жестом. — Обсудим условия.

— Какие ещё условия? — у хиванца прорезалось раздражение.

— Во-первых, где Красношей?

— Агент из Сильфонта? Щекастый мусор с куцей бородкой? Трясётся в одном из роверов. Хочешь его живым или дохлым?

— Живым, естественно. Во-вторых, отдавая тебе сильфонтцев,

я превращаюсь в предателя Русенты.

— Нет, конечно… Хоть ты и не достоин этого, но прочитаю тебе маленькую лекцию. Ты заключаешь со мной сделку, и твоя сторона получает выигрыш.

— Да ну?

— Вот тебе и «да ну»! Если мы договариваемся, то нам достаётся тайна, а вы сохраняете двоих разведчиков, да ещё накажете спартанского шпиона. Что изменится, если договора не заключать? Ни тайны нам, ни разведчиков вам. Первый результат взаимопозитивен, второй взаимонегативен. Приходя в сделке к положительному результату, ты не становишься предателем. Это наука под названием «софизм».

— Хм… Насколько я слышал, под софизмом подразумевается нечто иное.

— То, что мы, хиванцы, именуем софизмом, и есть софизм. И развею твоё смущение. Ты не первый и не последний скаут Русенты, вступающий с нами в сделку. Не веришь, так спроси у своего телохранителя, он старше тебя и знает больше.

Алекс притих в мучительных раздумьях. Филимонов, как обычно, демонстрировал абсолютную отрешённость от внешних событий — насколько вообще возможно её продемонстрировать, будучи укрытым от посторонних глаз защитным одеянием и маской. Стерёга пыталась укусить через маску пальцы в перчатке, Силач откинулся назад в позе человека, чьи представления о жизни за последние дни несколько раз подряд переворачивались на 180 градусов. А Ник… Ник спал и не ведал, что сию секунду решается, в том числе, и его судьба.

— Идея хорошая, обязательно спрошу. И мне нужно немного времени, чтобы всё обмозговать и привести в соответствие с вашим софизмом. Допустим, шесть часов?

— Три часа. Тебе достаточно трёх часов, и просил ты в два раза больше, чтобы я поделил предлагаемое на два. Я знаком с такими играми. Не будем тратить времени на пустые перепалки. Три часа, и или ты отдаёшь нам людей Сильфонта и уходишь, или вы все умрёте.

— Я имел в виду немного другое. Давай так, ты даёшь мне шесть часов, я возвращаю из них два часа тебе.

— Что-что? — под маской было видно, как выпучились глаза хиванца. Вдруг он довольно протянул: «А-а-а, понял!», и громко заржал.

— Ты хотел дать мне от-кат? Ха-ха-ха! Ты шутишь, значит, ты согласен? Всё, я пошёл, хе-хе. У тебя три часа, потом к вам подойдут солдаты и заберут троих сильфонтцев.

Группа осталась одна. Все, кто бодрствовал, терпеливо

ждали, что скажет Алекс, а он не спешил нарушать молчание. Наконец, он заговорил, но слова его были совсем о другом.

— Стерёга, а ты знаешь, что такое ксеногрибок?

— Капитаново пахнущее дерьмо, засунутое в……. А почему ты об этом спрашиваешь? — последние слова беженки потонули в мощном взрыве хохота Силача и Алекса, от которого подскочил вырванный из сна Ник. Отсмеявшись, эстафету дурацких вопросов принял Силач:

— Слышь, Алекс, ты многие секреты мне растолковал, и про ваши пугалки тоже. Тебя твои за чистосердечность не накажут?

— Ты балда, Силач, я же ребёнок. Налупят ремнём по голой попе.

— Почему по голой-то? — дронийца хватило только на этот вопрос.

— Силач, ты точно балда. Никогда не пробовал налупить ремнём по попе в трусах из шёлкосплава?

Вот теперь закатывались от смеха все пятеро. Даже Ник, всё ещё страдавший после раскрытого обмана с фамилией, тихонько подхихикивал, представив себе, как грозного предводителя их маленькой группы ровно бродяжку из Сильфонта… нет, это невозможно, хи-хи!

Приступ веселья закончился, и Ник внезапно понял, что Алекс смотрит прямо на него.

«Ник, ты меня слышишь? Если слышишь, кивни три раза» — раздалось у мальчика в голове. Ник трижды качнулся в ответ.

«Смотри на меня и мысленно произнеси слово «слышу».

«Слышу».

«Отвечай мысленно. Что такое Несса?».

«Вторая луна. У планеты Хирон две луны, Несса и Фола. Капитан Гарланд дал ей имя в честь кентавра, отравившего Геракла своей кровью. Кентавр — это смертное существо с головой и торсом человека на теле лошади…».

«Достаточно! Ник, и всё-таки, откуда ты знаешь про Хирон, Нессу, Фолу, кентавров?».

«Мама рассказывала…».

«Ник, ты уже обманул меня один раз. Я не буду просить тебя клясться, что это не повторится, потому что клятва будет обманом. Но сейчас ответь мне правдиво. Откуда ты знаешь?».

«Когда мама умерла, я много гулял… Далеко гулял. Мне было очень плохо и страшно, и я нашёл эти… Ну, там такой экран, давишь на кнопку, а на нём слова, только сильно-сильно давишь. Я потом прочитал, они называются кни-ги».

«Ты прочитал?!».

«Мама научила. Я не вру, честно-честно! Она сказала, мы

дронийцы, нас осталось мало и мы должны уметь читать».

«И эти кни-ги были на дронийском языке?».

«Разве бывает по-другому? Если умеешь читать, то все кни-ги на твоём языке».

«И где остались эти кни-ги? В Сильфонте?».

«Они были… лежали в одном месте. Я потом ходил туда… ну, когда вы на нас напали. Это место всё сожглось, совсем-совсем».

«Понятно. Жалко тогда».

«Алекс, подожди!» — от усердия и непривычки к мысленному разговору, в котором фразы не произносились, а продумывались, Ник взвигнул, и Стерёга успокаивающе положила руку ему на плечо. — «Я их все прочитал!».

«И что с того?».

«Как что? Я прочитал их… а если кни-гу прочитаешь, то никогда не забудешь».

«Ты помнишь всё написанное в этих уничтоженных кни-гах?».

«Ну да! «Члены фракции обязаны хранить всю информацию о ней в тайне, и так как они все обладают практически рабской преданностью, то сведения о Культе Планеты нам почти недоступны. Известно, что Культ образовался спустя несколько лет после крушения «Юнити», и состоит из экологов, покинувших фракции своих соперников». Там был мальчик такой, он был сотворён планетой…».

«Подожди! Так ты действительно помнишь всё прочитанное?».

«Да! Ещё мне нравилось читать про врача одного, он был хи-рур-гом…».

«Не тараторь, Ник. Ты — кладезь. И ты и есть та самая тайна, на которую мы натолкнулись, не понимая, на что именно».

«Алекс, я не…», — Ник на всякий случай запнулся, вдруг он снова вызвал гнев русентийца?

Разведчик произнёс вслух тоном весёлым и довольным:

— Готовьтесь, скоро продолжим движение. Что уставились? Все и пойдём, наша цель — Каналград. Расслабься, Силач, враги проиграли. Я увёл группу в нехоженный фунгус, и мы тоже умеем петь или хотя бы подпевать с червями.

Из кратких объяснений Алекса его спутники поняли следующее. Командир русентийцев сделал, конечно, ставку на то, что самопожертвование старой дронийки и легастеника позволит остальным незаметно для спартанцев выбраться из кратера. Но признание седого шпиона об умении врагов петь с червями Алекса насторожило, и он проложил дальнейший маршрут через нехоженный фунгус — фунгусовые поля, куда давно не ступала нога человека или прогенитора, если вообще когда-то ступала.

Вероятность наткнуться на червей здесь была максимальная, в чём группа успела убедиться на печальном опыте, потеряв ополченца.

Худшие предположения Алекса оправдались. Справившись с разведчиком-камикадзе, спартанцы догадались, что дичь ускользнула («Да, а спидер самоуничтожился по таймеру и не достался супостату»), и бросились в погоню, каким-то образом задействовав свои или примкнувшего к ним хиванца ксеноспособности («С червями пели»). Это помогло им вычислить маршрут группы и догнать её, пользуясь сложившимся превосходством в скорости перемещения.

Но и Алекс всё это время старался поддерживать мысленный контакт с фунгусом и его грозными порождениями. И теперь настал момент истины.

— Черви не нападают на людей, если те уходят. Мы уходим, и для червей мы не являемся врагами, а вот спартанцы приходят. Хиванец старается контролировать вылезающих из пупка Капитана червей, я делаю то же самое. Но мы уходим, а они приходят, и моё кунг-фу сильнее хиванского.

Алекс скомандовал людям встать и взяться за руки. Он предупредил сильфонтцев — черви, скорее всего, не станут не только нападать, но и воздействовать на них ментально, однако эхо ментальных атак на спартанцев будет ощущаться: «Будет паршиво, но вы держитесь». Ник попытался было что-то ответить, но получил от Алекса грозный мысленный приказ: «Я знаю, что на тебя ментальные атаки не действуют, я понял это ещё в Сильфонте, но не смей говорить об этом вслух и всем!».

Группа двинулась медленно и осторожно. Через несколько минут Стерёга выругалась: «Пусть сдохнет Капитан, но как же мне хреново!». Силач односложно подтвердил её слова, ему тоже было нехорошо.

Люди шли цепочкой, полубоком, держась за руки. В полусотне метров впереди слева показался ровер, нарочно заострённые углы выдавали его цивилизационную принадлежность — спартанцы ненавидели плавность, принимаемую ими за признак мягкотелости. Выходной канал импакторной пушки беспомощно смотрел на приближающуюся группу.

У закрытого шлюза ровера лежал мёртвый спартанец. Машину облепили черви, искавшие любую возможность проникнуть внутрь. Техника людей и в нормальных условиях была практически полностью герметична, перед заходом в фунгус её проверяли и укрепляли. Но от давления на психику броня экипаж не спасала. Черви будут ползать по наружной поверхности

ровера столько, сколько потребуется для гибели укрывшихся в машине, парализованных, не способных двинуть пальцем и даже дышащих с огромным трудом. Кто-то захлёбнётся слюной или рвотными массами, у кого-то откажет сердце или лопнут от натуги сосуды, наиболее выносливые умрут от истощения, червям которое не грозило. Мерзкие на вид убийцы будут беспрерывно атаковать ровер ментально до тех пор, пока каким-то волшебным образом не поймут — всё, живых внутри больше нет.

Силач с трудом сдерживал рвотные позывы, а Ник — слёзы, от ужаса, непонимания и от боли в правой руке, которую сдавила изо всех сил Стерёга. Идущий первым Алекс не менял темпа, его картина краха спартанской армады не трогала никак.

* * *

Выиграв без единого выстрела бой со спартанцами, группа продиралась по фунгусу третьи сутки. Конструкция масок позволяла, не снимая, принимать воду и пищу, а защитного снаряжения — оправляться, но идти в них было тяжело, тем более, что Алекс вёл людей практически без остановок. Ник давно сидел на плечах Алекса, а Стерёга — Филимонова. Единственный из сильфонтцев, Силач передвигал ноги самостоятельно. Он никогда и никому не признался бы, но желание, обуревавшее его всё сильнее, было тоже на кого-нибудь залезть.

Алекс поднял правую руку, затормозил, опустился на колени и внимательно осмотрел необычное зелёное растение, притаившееся под розовым фунгусовым кустом. Зелёное?? Разведчик встал, махнул рукой в одному ему ведомом направлении… Зелень среди фунгуса встречалась всё чаще, и вдруг, раздвинув очередные кусты, группа оказалась на краю луга. Обычного зелёного луга. Зелёного! Просто огромного, километр в ширину.

Не пройдя, а пробежав по лугу пару сотен метров, Алекс рванул с себя маску и жадно вдохнул свежий воздух:

— Глаз фунгуса!

О них многие слышали, но мало кто их видел и почти никто не мог их отыскивать. Разведчики Русенты могли. Посреди фунгусовых полей иногда попадались места, заросшие обычными растениями — в смысле, выделяющими кислород. Такие места называли глазами фунгуса; если они были достаточно широкими, то в их центральной зоне человек мог дышать самостоятельно, концентрация кислорода создавалась для этого достаточная.

Счастливым дополнением к находке оказался ручей с

кристально чистой водой. Но и это ещё не всё. «Едиво», — Алекс показал на толстые стволы чего-то зелёного, высотой по пояс взрослому человеку. «Едиво. Его можно есть, только сначала подпечём лазером». По калорийности зажаренные стволы не уступали доброму шматку мяса, по вкусу — тоже.

— Кушаем едиво, пьём воду из ручья, заряжаем дыхательные маски, пополняем запасы воды, моемся… а самое главное, отдыхаем, пока не надоест! — под громкие крики «Ура!» распорядился юный разведчик.

Когда валяться на траве начало надоедать и в сытом пузе перестало довольно урчать, Силач подсел к Алексу. Русентиец, лениво грызя травинку, ответил на незаданный вопрос:

— Закончим отдыхать и пойдём искать следующий глаз. Их тут должно быть немало. С остановками в глазах доберёмся до русентийской границы, там сразу встретим людей.

— А потом нас в лагерь? На весь период существования?

— Силач, не забивай голову. Пей бутылку по глоткам. Сначала нужно дойти до Русенты, всё остальное будет потом.

Алекс покосился на лежавшего на траве в трёх метрах Ника — руки раскинуты, глаза зажмурены, на лице выражение высшего блаженства. Вдруг сам улыбнулся, отвалился на спину в той же позе, что и Ник. Грозный командир русентийцев на самом деле был десятилетним мальчишкой и иногда он об этом вспоминал.

* * *

— Ты! Потерял! Спидер! Потерял! Бойца! Погубил! Колонну!

С момента памятного разговора с хиванцем прошло два с лишним месяца. Всё это время Алекс с товарищами шли через фунгус, задерживаясь в глазах. Последний участок пути, где фунгус сменился вполне земным лесом, группа пробежала за сутки и была задержана русентийскими пограничниками.

Теперь Алекс без рубашки стоял навытяжку перед разъяренным армейским майором, выкрикивающим обвинения и сопровождающим каждое слово ударом дубинки по беззащитному телу мальчищки. Правая рука Алекса повисла, сломанная. Четверо спутников в дальнем углу комнаты, удерживаемые крепкими десантниками, безмолвно смотрели на издевательство — трое с ненавистью, Филимонов, как обычно, не выказывая чувств. Ник тихо всхлипывал от жалости к товарищу.

Майор, как и все военные, разведчиков не любил и воспользовался моментом с удовольствием. С его точки зрения, напыщенные индюки из разведки зачем-то послали на задание

группу под командованием десятилетнего пацана, тот его провалил и теперь должен быть расстрелян из «восьмёрок» — а если повезёт, то и удавлен на струне. Но, к сожалению, самолично принять решение о казни он не имел права, разная ведомственная подчинённость, и нетерпеливо маялся, пока из столицы не придёт подтверждение приговора.

А вот троих сильфонтцев майор мог расстрелять своей волей. Но упрямый мальчишка сразу взял их под своё покровительство и назвал добычей разведки. Теперь казнить Силача, Стерёгу и Ника удастся только после казни Алекса.

Майор в очередной раз замахнулся дубинкой, как в комнату вошёл дежурный связист.

— Господин майор!

— Ну!

— Получен ответ на запрос из столицы.

— Ну!!!

— Приказано немедленно доставить в столицу разведчика-скаута Алекса Звару и всех, кто вышел с ним к границе Русенты… в целости и сохранности, — связист невольно взглянул на измученного объекта внимания столичных шишек.

— Хочу увидеть оформленный надлежащим образом приказ!

— В процессе оформления, будет готов через десять минут.

Майор зло сплюнул и пробурчал:

— Подговьте транспортный краулер и группу сопровождения для этого и этих, — головой на Алекса, затем на товарищей. — Предоставьте этому медицинскую помощь. Умеренную.

В краулере на всё время пути — от Каналграда до канала, через канал на транспортном судне, далее снова своим ходом — Алекс Звара был отделён от своих бывших спутников. Взрослые вели беседы на отвлечённые темы, не строя предположений о будущем, чтобы не пугать Ника. Тогда маленький сильфонтец взял инициативу на себя.

— Дядя Филимонов, что с нами будет?

— Не от нас зависит. Или казнят, или помилуют.

— А наградить могут?

— Пф-ф! Могут…лями, — при этих словах разведчика разучившаяся в походе сквернословить Стерёга осуждающе взглянула на Филимонова: «Не при ребёнке!».

— А если нас помилуют… Алекс… ну, он к родителям вернётся?

Филимонов нашарил на столе сигарету, подключил нейтрализатор дыма, затянулся, выпустил в воздух колечко и нейтральным тоном заговорил, казалось бы, о другом.

— Зеркальцев болел легастенией. Генетики не знают пока,

как с ней справляться. Болезнь нарастает по экспоненте, конечный итог — слабоумие и смерть в приюте для умалишённых. Он не хотел заканчивать свою жизнь так и подал рапорт, чтобы его включили в группы для дальних выходов, где легко погибнуть в бою.

Второе колечко дыма уплыло в воздух. Нейтрализатор забил запах от продуктов горения никотиновой смеси, мини-вентилятор загнал дым в систему фильтров, через которую он попадёт наружу. Все поняли, что Филимонов имел в виду третьего, не вернувшегося разведчика.

— У меня была девушка. Хотела стать лётчицей. У нас строят коптеры, но над ними как будто висит злой рок, или как будто планета их не принимает. Она говорила, что у новой модели наконец-то исправлены все недостатки, аварийность не чаще, чем на спидере… Аварийность… Её коптер разбился в третьем полёте. А я утратил интерес к жизни. Спрашивал себя, кому я нужен. Не находил ответа и написал рапорт на дальние выходы.

— Ответ теперь ты отыскал, — ухмыльнулся Силач. О! Какое событие! Оказывается, Стерёга тоже умела краснеть.

— У нас на базе говорили так — если девка смогла залезть тебе на шею, то бери её замуж, — неизменно спокойно ответил Филимонов. Действительно, с этой парой дело налаживалось. Но оставался ещё один человек.

— Алекс… Его родители были известными психологами. Специалисты экстра-класса. Но в семье у них была Капитанова чума. Они оправдывались тем, что якобы ставят над собой и сыном социальные эксперименты для своей работы. Алекса они превратили в издёрганного маленького взрослого. Даже фамилию ему записали другую и с тайным смыслом — Звара, ссора, обида.

Третье колечко, нейтрализатор, вентилятор, фильтры.

— Потом их отправили в командировку на фронтир, а там случился бунт дро… трутней, — поперхнулся Филимонов.

— Я знаю, что бездельников-трутней вы именуете дронами. Не смущайся, друг, — подбодрил рассказчика Силач.

— Их убили. Трутней сожгли, на базу вернулись мир и порядок. Алекс остался сиротой. Дом и минимальный паёк ему оставили.

Четвёртое, пятое, шестое колечки. Затаив дыхания, все ждали развязки.

— В Русенте с незапамятных времён есть закон. Ребёнок-сирота может добровольно отказаться от права на жизнь и вступить в разведку для совершения смертельного подвига. Ему выделяют двоих взрослых, также мечтающих о смерти, и отправляют в поход.

— И многие воспользовались? — это Силач. Остальные слушали, открыв рот.

— Алекс второй.

Филимонов помолчал, потом продолжил.

— Первая такая группа ушла в фунгус, и их убили черви. Подвига не получилось, посмертной славы тоже. О законе забыли, но Алекс-то знал, родители дали ему нестандартное образование. Он явился в штаб разведки в столице, благо всё было рядом, Алекс — столичная штучка. Указал на закон, потребовал двоих взрослых и подвига.

— И что ему ответили?

— Закон дурной, но это закон. Три месяца обучения экспромтом. Ну как обучения… Впихнули, не разбираясь, в человека информацию — на тот базис, что заложили родители. Взяли рапорты мой и Зеркальцева, назвали нас группой и направили искать погибели в Сильфонте, куда никого из разведки и посылать-то не собирались, рутинная армейская операция. Благо, по телосложению Алекс на разведчика походил.

Филимонов затушил сигарету и улыбнулся Стерёге.

— Получилось как получилось. Зеркальцев нашёл себе красивую смерть, а мы с Алексом не оправдали и вернулись.

— Знаешь, что я скажу тебе, Филимонов, — ответила девушка. — Вы с Алексом самые лучшие разведчики на этой Капитановой планете и у Капитана под… гм-м, мышкой.

Стерёга шутливо погрозила пальцем Нику, который губами произнёс, под каким на самом деле Капитановым местом его товарищи должны были быть лучше. А мальчишку раздирало противоречивое чувство. С одной стороны, история, рассказанная Филимоновым, была грустной и печальной. Но с другой стороны, маленькому Нику Зваре почему-то казалось — теперь всё будет хорошо.

SMAX-2
Озеро

«SMAX-2. Озеро»

На задворках цивилизации их собирали целый год. И теперь они должны поставить точку.

Продолжение истории из «SMAX. Эвакуация».

Глава 1

— Там такую модификацию смастерили. Короче, человека облучаешь шестьсот рентген, а он живой, только сопли из носа потекут.

— Ага, кровавые! Я тебе точно говорю — таких генных модификаций не придумали. Шестьсот рентген получишь и поползёшь в утилизатор.

— У меня у соседа мама генетик, она сказала, что придумали!

К бурному спору, разгоревшемуся в транспортном краулере, прислушивались и старались вставить реплики все кадеты армейского училища Русенты. Все, кроме одного. Худой, белобрысый и зелёноглазый мальчик, явно моложе своих товарищей, терпеливо ждал, когда краулер сделает остановку в приморском районе. Выйдет на остановке только он один, семьи кадетов кучковались далеко отсюда, в недоступном для прочих военном посёлке.

Особняк, куда устремился наш герой, был не хуже, и прямо скажем, лучше большинства домов на приграничной русентийской базе. А стометровым собственным садом за силовым забором похвастаться перед гостями могли бы только лучшие люди базы — губернатор, комендант, энергетик и интендант. Увы, но гости в этот сад на берегу тихого моря не заглядывали.

Мальчик скинул обувь, куртку, заложил пальцы в карманы брюк и, насвистывая нечто абстрактное, вошёл в обеденную залу. Там, закинув ноги на стол и перелистывая на большом экране выпуск новостей, откровенно ленился мальчик постарше.

— Алекс, меня не взяли на Загранское озеро!

— Видишь ли, Ник, в нашей жизни полно несправедливостей, — ответил старший и смачно укусил спелый красный фрукт, помесь груши, яблока и помидора.

— Не, я знаю, это было справедливо. Но если честно, то попасть на озеро хочется.

— Тебе что, моря мало? — от фрукта отъелась добрая половина, да и остатку жить было недолго.

Вопрос из разряда риторических, но на самом деле моря могло быть мало. Море у русентийской базы Югопорт не ценилось знатоками водных купаний как настоящее. Нет-нет, это было реальное море, существующее на планете с незапамятных времён, а не вырытый автоформерами бассейн. Но причудам береговой линии оно стало обязано своей малой глубиной —

хвала Капитану, коли найдётся местечко, где до дна «с головой» — и абсолютным спокойствием, волна высотой полметра воспринималась как событие невероятное и приравниваемое к цунами.

Почему же тогда базу назвали«…порт»? Скорее всего, виноваты в казусе были милые шутники из русентийской бюрократии, называвшие портами всё, что отстояло от береговой линии ближе ширины мизинца на карте (стандартный масштаб, обязательна к использованию во всех государственных учреждениях Русенты). Моряков словесной эквилибристикой не обманешь, и Югопорт по их ведомству не проходил.

Теперь должно стать понятнее, почему жители базы со всем возможным пиететом говорили о Загранском озере — водоёме пресном, но опасном и капризном. Километровые ширины, острова, ветра, нагоняющие волну, всё это будоражило воображение бултыхавшихся в городском лягушатнике. Но вживую испытать прелести озера доводилось немногим счастливчикам. Загранское озеро называлось так, потому что располагалось за границей Русенты, на неосвоенной и не принадлежащей ни одной из цивилизаций планеты территории.

Лет тридцать или чуть более назад правители Русенты предполагали расширяться в сторону озера и далее; так была основана база Югопорт как перевалочный пункт для связи с будущими новыми колониями. Но как всегда, произошло нечто тайное и секретное, из-за чего планы были резко свёрнуты. Может быть, другие направления были сочтены более перспективными.

Кроме Югопорта, от тех времён сохранился маленький лагерь на восточном, ближнем к Русенте берегу Загранского озера. В нём до сих пор на постоянной основе жили люди, считавшие себя русентийцами. Губернатор Югопорта в этом их полностью поддерживал и не забывал собирать с озёрных поселенцев налоги. Туда же в лагерь по специальному разрешению, выдаваемому пограничниками, иногда приезжали посетители, чаще всего, кадеты из военного училища.

Именно в такую поездку и не взяли нашего старого юного знакомого Ника Звару, о чём он и пожаловался брату Алексу. Будучи старше Ника на целых два года, Алекс особенной трагедии в отказе не видел, но в голове у одиннадцатилетнего мальчика сложился хитрый план.

— То есть, у тебя завтра начинается свободное время? Прокатимся куда-нибудь?

— У-у-у…, - уже сама идея прокатиться заинтересовала Ника по максимуму, а ведь было ещё и продолжение.

— Что «у-у-у»? Скатаем завтра на Загранское озеро?

Вынесем за скобки перечисление восторженных криков и прочих бурных проявлений радости младшего из ребят и более прагматичных комментариев старшего («Берём вот это и это… Отправляемся завтра на рассвете…»). Лучше, пока имеется такая возможность, расскажем вкратце о происходившем после возвращения Алекса сотоварищи из разрушенного Сильфонта.

А произошло с ними, как ни странно, ничего особенного. Угрюмые офицеры-разведчики допросили всех выживших — дважды устно и один раз посредством ментоскопирования — и передали их на две невыносимо долгие недели в руки эскулапов для поправки здоровья, что особенно полезно вышло для Алекса, с трудом восстанавливавшегося после жестокого приёма в Каналграде.

Ну а после врачебных процедур Ника, мальчика-дронийца с необычными способностями, привели в невзрачный кабинет, где столь же невзрачный человек монотонно пробубнил: «Вам предоставляется гражданство Русенты под именем Ник Звара, вы объявляетесь родственником по категории «брат» гражданина Русенты Алекса Звары». И целых три дня маленький Ник, теперь уже официально получивший такое имя, зачитывал вслух по памяти бесстрастной девушке-офицеру разведки тексты из устройств, которые он называл «кни-ги». Сами устройства погибли во время штурма Сильфонта русентийскими десантниками, и теперь Ник оставался единственным на планете человеком, запомнившим их содержимое — ведь если кни-гу прочитаешь, то больше никогда её не забудешь, а Ник эти кни-ги прочёл полностью во времена своих сиротских вылазок с территории базы за пропитанием.

Служебным краулером новоиспечённых братьев привезли в глухой уголок на юго-западе Русенты — в тот самый Югопорт, никогда не служивший портом. Алекс каждый день, кроме воскресенья, покидал рано утром и возвращался к ужину в особняк, в котором они теперь жили и который, как случайно узнал Ник, был получен Алексом «в дар от губернатора базы». Сам же Ник после трёх месяцев индивидуальных занятий общеразвивающего плана был приведён братом за ухо в армейское училище. Если быть совсем точным, то до ворот он был всё-таки привезён, так как в дар от губернатора Алексу достался ещё и шикарный миниспидер. На нём братья следующим утром собирались отправиться на Загранское озеро.

А как же взрослые участники группы, преодолевшие год назад тяжёлый путь от Сильфонта до Каналграда, отбившиеся от нападений мозговых червей и спартанских диверсантов и перехитрившие коварного шпиона-хиванца? Филимонов, Стерёга

и Силач — разведчик, согласившийся отправиться с Алексом Зварой в миссию для свершения смертельного подвига, и двое дронийцев-беженцев? Об их судьбе Ник ничего не знал, а Алекс ничего не говорил.

Итак, утро следующего дня настало, и миниспидер с братьями на борту выехал из западного пропускного пункта защитного периметра базы Югопорт. Ник Звара был счастлив как девятилетний ребёнок, Алекс Звара — серьёзен как одиннадцатилетний русентийский разведчик-скаут. Увлекательное путешествие началось.

Дорога с хорошим покрытием была прорублена через холмы. Местную флору в окрестностях Югопорта полностью вытеснили леса с земными деревьями, хотя мало кто на планете сегодня помнил, что берёзы, ели, сосны, дубы и прочие клёны были обязаны своим появлением первопоселенцам. Для большинства людей леса существовали всегда и не имели какого-либо экстрапланетного происхождения.

Где-то там в лесах скрывались огромные сенсорные массивы, предупреждающие о любом возможном появлении супостатов — людей, прогениторов или червей. На холмах вдоль дороги разлеглись энергоколлекторы, собирающие энергию светила и сдающие её на базу по цепочке мощными лазерами — подобный способ транспортировки энергии на расстояние с незапамятных времён был признан на планете предпочтительнее проводного, так как для последнего требовались материалы, материалы и ещё раз материалы, а откуда было взяться лишним материалам у первых поселенцев!

Напоминанием о близости границы служили блокпосты. Чем дальше от базы, тем меньше на них было полицейских и больше пограничников. На самом последнем из постов аппарат принуждения и контроля за порядком оказался представлен единственной единицей — скучающим толстым майором, отбывающим командировку на пост как обременительную повинность. Работы для него не было.

Как, впрочем, не было реальной работы и у смены пограничников. Зато им выпала редкостная возможность развлечься за счёт колонны с кадетами и троицы штатских, приехавших на форсистом миниспидере цвета дыни Крайола. Ник не удержался и долго обшаривал машину глазами в поисках страз или чего-то подобного, Алекс хмыкнул: «Мажоры!».

Три военных спидера чёрной окраски и с хищными стволами ракетных орудий покинули Югопорт на два часа раньше братьев Звара. То ли их скорость была меньшей, чем у машины Алекса (а это правда), то ли пограничники не считали лимит придирок

исчерпанным, но Алекс и Ник догнали кадетскую колонну у последнего КПП. Сами кадеты в количестве тридцати человек выстроились на дороге тремя отделениями. Двое сопровождавших офицеров, майор и капитан, в действия командиров отделения — таких же кадетов, как и все остальные — не вмешивались, поэтому у будущих воинов, впервые оказавшихся на дальней практике (то есть, практике за пределами границ Русенты) назревала паника. Нет, проблема была уже не в том, что «ориентир номер два» оказался периодически переходящим с места на место сержантом-пограничником. Насущной и наиважнейшей проблемой на данный конкретный момент была уже проблема сена и соломы.

Армейский майор взирал на воспитанников с неприкрытым отвращением. Капитан, мужик лет пятидесяти, сохранял индифферентность под видом невозмутимости. В отличие от товарища, он полагал, что для первачков эти держатся пристойно. И да, кадеты на блокпосту были теми же самыми кадетами, которых мы видели в транспортном краулере с расстроенным Ником. Иными словами, Ник Звара, получив отказ в праве участвовать в дальней практике, не просто догнал остальных кадетов, но ещё и сидел на траве позади выстроившихся отделений и беззвучно оценивал их действия. Каковы были оценки, любой мог догадаться без слов. Раздражённый майор, естественно, тоже всё понял правильно, но для начала решил выяснить отношения с близкой дистанции.

— Что ты здесь забыл, кадет? — вопрос адресовался Нику, но отвечать взялся Алекс.

— У моего брата Ника Звары с сегодняшнего дня свободное время, майор.

Армеец вынужденно перевёл взгляд на Алекса.

— Кто разрешил вам?

— Майор, моему младшему брату поездку в лагерь «Загранское озеро» разрешил я как старший в семье. А свой пропуск я покажу пограничной смене.

— Ты… Звара, как тебя?.. Звара Аеджидайос?

— Звара. Алекс Звара, — сама по себе попытка приписать юному разведчику спартанское имя, была грубостью, а уж назвать его молодым козликом… Но Алекс не поддавался на психологическое давление, и майор распалялся всё больше и больше.

— Странная у тебя фамилия, Звара. Несёт подчужачным.

— У вас есть ещё ко мне вопросы, майор? — хамство военного было ещё и необоснованным, ничего похожего на фонетические эквиваленты резонансной речи прогениторов в

фамилии разведчика не имелось, и Алекс, отвечая, поднял градус дискуссии.

— На холме служишь, Звара Алекс?

— Вы неплохо ознакомлены с личными делами ваших воспитанников, — а вот при этих словах Алекса майор почему-то осёкся и сморгнул.

Холмом в Югопорте в неформальном общении называли комплекс зданий управления разведывательной службы. Никаких холмов в комплексе, разумеется, не было, единственную земляную кучу, хоть как-то подходящую под данное определение, срыли до начала строительства, но живые разговоры на то и живые, чтобы не подчиняться грубой логике. И да, Алекс работал в разведуправлении, то есть, на том самом «холме», где и проводил от восьми до десяти часов шесть дней в неделю. Из этого тайны не делалось, но и привлекать внимание считалось излишним. Может быть, поэтому и смутился армейский майор?

— Кадеты на дальней практике впервые. Мальчики взволнованы и напряжены. Среди них есть горячие головы. Увидят в лагере кадета-отказника, не допущенного к походу, могут произойти инциденты. Вы меня понимаете, Звара Алекс? Ваш брат, прямо скажем, физически уступает товарищам. Неразумно привозить его в лагерь, — армеец, может быть, и смутился, но отступать не собирался и перешёл к завуалированным угрозам. Кстати, обратный порядок имени и фамилии в Русенте считался оскорблением.

— В свободное время мой брат намеревается повысить мастерство стрельбы из боевого оружия. Под моим руководством и наблюдением, конечно. В этих целях я везу моего брата в лагерь на Загранском озере. При стрелковых упражнениях происходят случайные ошибки. Вы меня понимаете, майор? Разумно приказать горячим головам держаться от моего брата подальше.

— Что вы хотите этим сказать? — ага! Вот уже и «вы» вместо фамильярного «ты».

— Хочу сказать, что ваше участие требуется вон там, — Алекс показал рукой в сторону кадетов, где, под громкую ругань пограничников, третье отделение окончательно смешалось со вторым. Майор тихо помянул Капитана и быстрым шагом направился к месту инцидента.

Ник за словесной стычкой брата и армейского командира наблюдал с ехидной улыбкой. Девять лет — не тот возраст, чтобы всякий раз заглядывать далеко вперёд, а пока заместитель начальника училища майор Коврадский, относившийся к младшему Зваре откровенно предвзято, получил от Алекса словесную трёпку и вынужденно покинул поле боя, что не могло

не радовать юного кадета.

Ника в училище не любили — инородное тело любят редко. Преподаватели старались держаться в рамках. Кадеты… Естественно, на первых порах не обошлось без стычек с неизменным «Пойдём выйдем». Но экс-дронийца быстро оставили в покое.

«Конечно! Уверен, что старший брат-разведчик обучил подопечного волшебным приёмам, способным свалить слона!» — воскликнет умудрённый жизненным опытом читатель. И будет неправ. К волшебным приёмам, которые Алекс, разумеется, показал, прилагаются комплекция и прочие физические кондиции, с которыми у Ника после голодного детства в Сильфонте и тяжёлого перехода в Русенту всё ещё было напряжённо.

Ник взял другим, а именно, сохранившейся с сильфонтских времён привычкой драться как будто бы защищаешь самоё жизнь. Не реагируя на боль, он бил, пинался, щипался, кусался и, самое главное, никогда не останавливался сам, любая схватка со сверстниками неизменно завершалась тем, что зрителям приходилось растаскивать соперников. Возможно, что драки в формате «один на один» стали бы смертельными, но к счастью для Ника кадетские традиции драк без свидетелей не допускали категорически.

За словесной дуэлью старшего из братьев с майором и попытками кадетов совладать с приказами мы напрочь забыли о третьей группе участников поездки — пассажиров миниспидера дынной расцветки, на боках которого Ник безуспешно старался отыскать стразы. А они внезапно напомнили о себе, причём тем же способом, что и майор — владелец машины непринуждённо подошёл к Алексу.

— Спешу выразить вам *(нет, не вам, а Вам, в таких речах может присутствовать только большая буква)* нашу громадную благодарность. Ловко Вы поставили на место зарвавшегося солдафона! Пока Вы не подъехали, он успел нам трижды нахамить.

— В соответствии с доктриной лояльности, принятой в первом веке эры Высадки, все способные носить оружие и посвятившие жизнь служению целям обороны Русенты в обмен за готовность умереть в бою получают безмерное уважение всех граждан Русенты, — скучным голосом процитировал Алекс по памяти известный всем со школы документ. — Не думаю, что слово «солдафон» применимо к замечательным офицерам из кадетского училища Югопорта. Полагаю, что вы случайно оговорились.

Новый собеседник Алекса откровенно скис и затравленно, полубоком потрусил к своему миниспидеру. Юнец из влиятельной семьи (лет двадцати, охотничий костюм по последней столичной моде, за спиной ракетное ружьё с наворотами и «тюнингом», как гражданские почему-то называли в общем-то бесполезные, но дорогостоящие причиндалы, которые они любили навешивать на попадавшее к ним руки оружие), в другое время и в другом месте он, пожалуй, вступил бы с разведчиком в философскую дискуссию на тему о достойности уважения. Но не сейчас, нет, только не сейчас, накануне выезда в дикую местность, где теряются законы Русенты и где так легко сгинуть от неведомых опасностей!

Придёт время, и армия Русенты потеряет свой авторитет. Военных назовут дармоедами, вооружённые силы сократят или попытаются вовсе распустить. Но всё это случится в далёком будущем, а пока же от армии (и от разведки, да!) непосредственно зависит благополучное существование русентийских граждан, включая и дерзких мажоров, и доктрина лояльности по-прежнему правит бал в русентийском секторе планеты, хотя уже и начинает поддаваться эрозии. Как бы ни была сильна взаимная неприязнь двух видов силовых ведомств, армии и разведки, нарушающий базовые постулаты доктрины гражданский становился для них общим неприятелем.

Парень из миниспидера ехал на озеро в компании двух девиц — чернявенькой спички-кудряшки и светловолосой простушки-толстушки. Выгодного ухажёра первой заметила чернявая, и сейчас она слегка покусывала губы, недоумевая, с какой целью жертва настояла на приглашении ничем не выделяющейся подруги.

Час за часом, все препирательства, выяснения отношений и разборки между разношёрстными компаниями, собравшимися на посту, подошли к концу. Все документы были проверены, все разрешения изучены едва ли не на зуб. Выдвижение за границу Русенты предполагалось общей колонной — впереди три чёрных спидера кадетов, за ними мажор с девицами, замыкающей машина братьев Звара. Сопровождать колонну вознамерился дедок-пограничник из разряда «полгода до отставки». Пробурчав «Век бы туда не ездил», он обвёл взглядом колонну и после секундного раздумья решительно двинулся к кадетам, чем совсем их не обрадовал.

Пейзаж за границей менялся быстро. Исчезала зелень, холмы лысели. Пару раз встречались фунгусовые поля, еле заметные на горизонте. Сузившаяся дорога не выглядела, однако, заброшенной, что успокаивало слегка нервничавших русентийцев.

Кадеты притихли, девицы прижались друг к другу, Ник молча смотрел через лобовой экран… Пожалуй, один лишь Алекс не чувствовал значимости момента и по-пижонски, одним пальцем управлял миниспидером.

Колонна не остановилась ни ночью, ни следующим утром, и в полдень подошла к цели похода — лагерю «Загранское озеро». Над воротами в защитном периметре красовался скромный русентийский значок. Обитателей не было видно.

Машины въехали в лагерь, дедок-пограничник сноровисто разводил их по стояночным местами, ориентируясь на местности как у себя дома. Вылезший наружу Ник довольно потягивался, разминаясь после почти суточного заточения в миниспидере, когда сзади его с силой хлопнули по плечу.

— Слышь, юный сударь, где приобретают столь классные кареты?

— Силач!!! — Ник радостно завопил на всё озеро, встретив старого знакомого. И даже Алекс приветливо улыбнулся.

Глава 2

Лагерь «Загранское озеро» местные жители в разговорной речи именовали, естественно, «Загранка». Об этом ребятам после вступительно-приветственной части поведал всё такой же лысый, усатый и здоровый Силач. Внешне за год, прошедший с сильфонтских событий, Силач практически не изменился, а вот во внутреннем мире бывшего дронийца наблюдались разительные отличия — например, он хорошо освоился с русентийской манерой общения и избегал архаических оборотов, хотя «толковать по-старинному» по-прежнему умел.

Выиграв короткий спор со старым пограничником, Силач увёл братьев к своему дому. Двухэтажное строение, разделённое подобием подъезда напополам, поразило Ника до глубины души — перед входом со стороны озера красовался цветник! Силач смущённо пробормотал про «полезную экологию» и поспешил показать мальчишкам гостевую квартиру — первый этаж, вытянутая с запада на восток, две комнаты, кухня, два балкона… Честно говоря, Алекс планировал ночевать с братом в миниспидере, но устоять перед предложением Силача не смог — да здравствует комфорт!

А вот что удивило, так это необычайно малое число людей, проживавших в лагере на данный текущий момент. В лагере находилось всего четыре человека.

— Силач, вас же была сотня с гаком?

— Была. На востоке новую базу основали, и в прошлом месяце туда от нас забрали почти всех, получилось двадцать шесть. На время практики кадетов народ разбежался. Временно, дела разные поделать в других местах. А я и ещё трое остались, нам кадеты по пятке Капитана.

Алекс ухмыльнулся. Да, действительно, кадеты на первой дальней практике обычно слишком вольно трактуют положения доктрины лояльности в части взаимодействия с гражданским населением. Короче говоря, лучше держаться от них в это время подальше.

Остаток дня пролетел в приятных хлопотах. Для Ника приятных вдвойне, потому что он-то отдыхал, а вот его недруги по училищу пребывали в состоянии, по-фарисейски именуемом на военном жаргоне как «заколёбанный до смерти», майор явно собирался довести будущих новобранцев до нервного срыва. Что до мажора и спутниц, то их компания уединилась в крайнем здании и почти не показывалась на глаза.

К вечеру Силач повёл ребят на берег варить уху («Рыба

свежая, утром поймал, а какая тут рыба — вы в жизни такой не пробовали!»). Темнело в лагере быстро, ещё резче, чем в Югопорте. Для большинства граждан Русенты почти мгновенный переход от дня к ночи представлялся невероятной экзотикой, так далеко в южном направлении их цивилизация в других местах не распространялась.

Посиделки дошли до фазы тишины, когда сказано всё, что должно быть сказано, но расходиться ещё не хочется. Молчание прервал вынырнувший из темноты новый персонаж.

— К костру пустите?

— Присаживайтесь, капитан Зернов.

— Благодарю, Алекс.

Коллега скандального майора тяжело присел прямо на землю, принял у Силача стакан (глиняный! самый шик при выезде на природу) с лёгким энергетиком, пригубил и смачно захрустел огурцом. Увы, но ухи армейцу не досталось, закончилась. Молодые растущие организмы расправились с ней задолго до появления Зернова.

Серьёзной беседе, как обычно, предшествовал малозначащий трёп — о погоде, о рыбе, улове, виденной и пробованной в разные времена и в разных местностях ухе. Наконец, Ник встал, потянулся и бросил: «Пойду на озеро посмотрю». Выглядело так, как будто самый младший в компании понял — сейчас старшие будут разговаривать серьёзно и разговор будет касаться его. Никто не смог бы догадаться, что Ник получил от Алекса мысленный приказ прогуляться, а он его получил.

— Майор от злобы скоро лопнет, — приступил к главной теме Зернов.

— Его проблемы. Кстати, оплывшие щёки, облезший нос, зрачки шире, чем положено…

— Алекс, не разыгрывайте из себя детектива из сериалов по голотеатру. Прекрасно понимаю, что вы просмотрели досье на всех офицеров училища, и сделали это давно, сразу как только решили отдать нам брата. Да, скажу без обиняков — майор Коврадский злоупотребляет напитками дурманящего класса.

— То есть, заместитель начальника училища — алкоголик, — в устах Алекса фраза прозвучала как утверждение, не как вопрос.

— Рекомендуйте замену, ваше ведомство имеет полномочия. Но кто ещё согласится служить в заднице Капитана?

— Теперь о капитане. Вам пятьдесят три, а вы всё ещё капитан, и повышение вам не светит.

— Неудачный выбор в юности. Видите ли, Алекс, я начинал в разведке, не в армии. Не надо удивляться, мы тоже умеем удалять некоторые записи из досье. В разведке не получалось, в армии до

конца не приняли, и вот я здесь. Капитан в заднице Капитана, — Зернов печально усмехнулся.

— А почему вы…

— …покинул разведку? У меня не получалось.

— М-м, понятно, — впрочем, понятно было лишь двоим. Силач явно хотел пояснений, но не дождался. У разведки был свой жаргон, и не посторонним дано им владеть.

— Алекс, зачем вы послали брата в училище? Из него не будет армейца. Выбирать свой путь надо сразу, без изгибов и колебаний, иначе с человеком станет то же самое, что и со мной.

Старший Звара отвечать на прямой вопрос не стал и резко сменил тему.

— А ведь презабавно у нас получается. Самая замызганная база во всей Русенте, дальний лагерь за границей. Майор-алкоголик, капитан-неудачник, несовершеннолетний разведчик с братом-кадетом, которого нельзя подпускать к армии, — Алекс милостиво опустил в списке напрягшегося было Силача. — А знаете, Зернов, что я думаю?

— Что?

— Что кто-то нас, козлов, сюда целый год собирал.

Все сдержанно посмеялись бородатой шутке. Но внезапно из темноты почти выбежал Ник.

— Алекс, посмотри, что я нашёл! В воде, у берега самого. Прибило.

Находкой оказалась серая коробочка размером с ладонь и без каких-либо опознавательных знаков. Алекс повертел её, поочерёдно сжимая пальцами с обеих сторон у каждой из граней. С третьей попытки в воздухе раскрылся голографический экран с застывшим изображением старой усталой женщины и мягкий и густой мужской голос нараспев начал проповедь.

«Добродетель невозможно запугать барабанным боем прогресса. От тёмных песен нашего прошлого до сверкающего будущего — Бог здесь, он смотрит за нами и судит нас. Сегодня зло прячется в линиях коммуникаций, как раньше оно скрывалось во мраке улиц и подворотен, пока ему не перестало хватать места».

— Это что за Капитанья моча? Спартанцы? Не слыхал от них такого, — от удивления Силач не стеснялся в выражениях, а Зернов слишком пристально посмотрел на него при намёке на контакты лагерного обитателя с врагами русентийцев.

— Нет, — спокойно ответил Алекс. — Это цитатник беливеров.

— С давних времён остался? — понадеялся армеец, но Алекс быстро разочаровал его.

— Обычно в них есть дата записи… Ага, вот она! Увы, мой капитан, цитатник записан полгода назад. Это означает, что его обладатель побывал в окрестностях лагеря в течение последних шести месяцев.

— Да пусть пукнет Капитан! — только и смог выругаться Зернов.

Беливеры считались на планете самой странной цивилизацией людей. Хотя, на земной вкус, странными тут были все, но беливеры выделялись даже на этом фоне. Как следует из самоназвания, они верили, а кроме того, боролись со злом. Предметом их веры служили некие абстрактные высшие силы; злом же беливеры считали всё, к высшим силам не относящееся — то есть, вообще всё и вся на планете за пределами своей территории. Соседство с беливерами было бы истинным несчастьем для любой организованной группы людей или прогениторов, но к всеобщему удовлетворению их базы располагались в месяцах пути от ближайшей цивилизации.

Цитатник, найденный Ником, представлял собой священный для любого беливера предмет. В нём содержались высказывания Мириам Годвинсон, полумифической правительницы Верующих в Господа, как официально называлось государственное образование беливеров. Говорили, что Годвинсон родом с Земли и прилетела на планету вместе с Капитаном. В её речах странным образом сочетались слова о мирском и духовном примирении и о неумолимости высших сил, её сторонники жили большой единой семьей (в непорочном смысле) и без всякой жалости, с тупым автоматизмом уничтожали любого не входящего в их круг. Впрочем, в последнем они мало отличались от других цивилизаций планеты, включая и Русенту.

Географическая отдалённость беливеров не мешала им изредка напоминать о себе. Годвинсон была вынуждена поддерживать хрупкий баланс между численностью населения на подвластных базах и количеством зла, с которым требовалось бороться. Периодически первых становилось ощутимо больше, чем второго, назревала смута. И тогда лидеры беливеров приоткрывали крышку у котла посредством организации очередного похода во славу высших сил, куда записывали наиболее рьяных. Все подобные мероприятия заканчивались одинаково — немногие уцелевшие после марша через необитаемые земли добирались до баз противников и бездарно гибли под огнём их защитников.

Но недооценивать беливеров в военном плане не стоило. У Верующих в Господа имелась и профессиональная армия, и хорошо подготовленная — а главное, идейная! — разведка,

благодаря чему люди Годвинсон давно перестали быть аутсайдерами в технологическом плане.

Находка, сделанная Ником, могла свидетельствовать как о новом походе во славу, целью которого являлся Югопорт, так и об интересе к Загранке со стороны профессиональных силовых структур беливеров. Оба варианта сулили русентийцам неприятности, и ругань Зернова была вполне объяснима.

— Придётся поднимать майора. Не думаю, что ему всё это придётся по нраву.

— Кадетам будет тяжелее, — хмыкнул в ответ Ник, и капитан согласно кивнул.

Против ожидания, Коврадский заметно повеселел от доложенной ему новости, в отличие от прочих обитателей лагеря. Поднявшееся настроение майору слегка подпортила лишь очередная стычка с Алексом.

С незапамятных времён при угрозе нападения на гражданское население военные Русенты обладали правом мобилизовывать всех способных держать оружие — а ещё точнее, способных хоть что-либо держать. Процедура мобилизации была короткой и красивой, почему неоднократно обыгрывалась в постановках в голографических театрах. Старший офицер объявлял: «Граждане Русенты! К оружию!». Каждый, кто слышал призыв, был обязан ответить: «До последней капли крови!». Отказ от отзыва был равносилен отказу от русентийского гражданства.

Но у разведки также имелись мобилизационные возможности, и Алекс не преминул воспользоваться ими. В разрешении на выезд в Загранку у юного русентийца был включён пункт: «Может при наступлении крайней необходимости мобилизовать двоих граждан». Без лишней патетики Алекс назвал Силача и брата, они пробормотали положенный ответ и оказались вне досягаемости майора.

Возражать Коврадский, естественно, не мог, но покричать («Граница в опасности! Мне нужен каждый человек!») был просто обязан. В конце концов, все вольно или невольно очутившиеся в лагере должны были понимать, кто здесь занимает неформальную должность альфы. После непродолжительной беседы на публику майор и Алекс обменялись фразами на пару тонов потише. Майор остался доволен, по лицу разведчика, как обычно, сделать выводы не получалось. Кадеты и мобилизованные против главенства майора не возмущались, один только дедок-пограничник кинул на Алекса укоризненный взгляд.

Выяснив отношения со старшим Зварой, армеец развил бурную деятельность. Гарнизон лагеря был разбит на три отделения, по десять кадетов в каждом. Все мобилизованные

были присоединены к третьему, составленному из кадетов похуже и послабее. Сам майор с двумя первыми отделениями выбрал для себя позицию в пяти километрах к северу от лагеря — группу холмов, подступавшую вплотную к берегу. Северный путь считался наиболее вероятным направлением атаки, горы и бескрайние фунгусовые поля делали обход озера с юга практически невозможным.

На третье отделение под командованием Зернова была возложена обязанность оборонять собственно лагерь. Разведке майор приказал «действовать на своё усмотрение». Юридическая значимость такого приказа была ничтожной, Звара и так поступал бы как считал нужным, но майору требовалось лишнее публичное подтверждение своего приоритета.

Ночь после ухода Ковradского с двадцатью кадетами прошла спокойно. Караульную службу в здании командного центра защитного периметра несли двое местных, а также примкнувшие к ним Алекс и Силач. Капитану мягко, но настойчиво посоветовали выспаться («Нет ничего хуже в бою, чем сонный и зевающий командир»), долго уговаривать его не пришлось.

Первые лучи светила открыли благостную мирную картину — тихий лагерь, спокойные воды озера, очертания гор на противоположном западном берегу. Проснувшийся Зернов обнаружил в командном центре по-настоящему домашнюю обстановку — братья и Силач, как ни в чём не бывало, завтракали омлетом, свежими фруктами и приятно пахнущим кофейным напитком.

— Присоединяйтесь, капитан, — старший Звара мотнул головой в сторону свободного стула, а младший тут же поставил чистую тарелку.

— Война войной, а приём пищи по расписанию? — буркнув что-то про вездесущего Капитана, Зернов приступил к поглощению предложенного провианта.

Насытившись, армеец отозвал Алекса в сторону и приступил к налаживанию рабочих отношений.

— Алекс, не моё дело, но не стоит ли вам произвести разведку местности?

— Окрестности лагеря мы контролируем сенсорами, выход в поле ничего дополнительно не даст. Слабость позиции есть у Ковradского, но там мы ничего сделать не сможем.

— Слабость позиции…

— Посмотрите сюда, — Алекс вывел карту на большом голоэкране центра. — Кадеты надёжно перекрывают это и это направления, — разведчик пощёлкал по карте пальцем. — Обойти их по суше помешает горный массив, при проходе через перевалы

толпа беливеров (а они придут толпой) растянется, и Коврадский с нашей помощью легко уничтожит их по очереди в этом районе, — новый щелчок пальцем по карте.

— Так что тогда?

— Водофунгус в озере к западу от позиции Коврадского. Подходит к берегу почти вплотную.

Название «водофунгус» на планете закрепилось за серовато-грязными водорослями местного происхождения, неконтролируемо расползавшимся по большим водоёмам, морям и озёрам. Подобно наземному родственнику, водофунгус также выделял азот, и передвижение через его плантации требовало от человека использовать защитное снаряжение. Обычный фунгус служил местом рождения червей, мерзейших созданий, парализующих жертву ментально и высасывающих у неё мозг. Из пространств, занятых водофунгусом, выплывали огромные твари, также способные воздействовать на психику — хвала Капитану, что случалось это крайне редко.

Форсировать водофунгус слабообученные фанатики беливеров не могли, и Коврадский пренебрёг единственным минусом позиции на холмах, будучи прельщённым её плюсами. Но если вместо фанатиков у противника окажутся профессиональные солдаты, то он вполне может рискнуть подкрасться к русентийцам через водофунгус и ударить им во фланг. Подкрасться, потому что эффективность сенсоров, отслеживающих движение, в местах, покрытых водофунгусом, была крайне низкой.

Так что Зернов угрозу, на которую показал Алекс, понял сразу, но сохранял уверенность и спокойствие.

— Алекс, цитатник, найденный вашим братом, мог быть потерян месяцы назад. Вероятность того, что беливеры нападут на нас сегодня или завтра, маленькая. В конце концов, Югопорт оповещён. Или вечером, или завтра утром мы увидим здесь броневой отряд из приграничного корпуса, они прочешут территорию вокруг озера, никого не встретят, официально вынесут нам благодарность за бдительность, неофициально вставят пистон за ложный вызов. На этом всё.

— А вы не в курсе, капитан? — вот при этих словах разведчика Зернов насторожился. — Вчера, пока мы были в дороге, приграничный корпус в полном составе был переброшен в другой, неизвестный мне район. Внезапная проверка готовности к мобильности. Майор не сказал вам?

— Капитаново отродье! — впервые за всё время Зернов проявил признаки беспокойства.

Да, задуматься стоило. Приграничный корпус служил

резервом на случай крупного прорыва неприятеля. Кроме того, именно он предназначался для оборонительных действий за пределами границы Русенты. После ухода корпуса на манёвры в Югопорте остались только гарнизон базы и силы пограничников. Ни те, ни другие к Загранке не выдвинутся, у них другие задачи.

На самом деле, даже в отсутствие корпуса русентийской базе ничего не угрожало, гарантией тому были укомплектованный хорошо вооружённый гарнизон и солидный защитный периметр. Скорее всего, от беливеров отбились бы даже блокпосты пограничников; как максимум, нападавшие смогли бы ненадолго захватить самые удалённые от базы точки. Но лагерь «Загранское озеро» был теперь предоставлен своей судьбе.

— Кстати, почему Коврадский оставил в лагере все три спидера? Поддержка техники ему не помешала бы.

— А вы не в курсе, Алекс? — откровенно расстроенный Зернов язвительно спародировал своего юного визави. — В целях экономии, безопасности и ускорения прохождения формальных процедур боеприпасы для спидеров мы не взяли.

— Но начальник училища отличается повышенной пунктуальностью при следовании регулирующим правилам…

— Начальник училища за день до выхода на дальнюю практику взял отпуск по личным причинам и покинул Югопорт. Работать надо лучше, смежники, тогда сюрпризов станет поменьше!

— То есть, майор Коврадский…

— Да-да-да, да, ещё раз да. Майор Коврадский остался за начальника и своим приказом сократил формальности. Наши спидеры — обычные транспортные средства. Можем клиентов возить на рыбалку.

Алекс по-мальчишески переминался с ноги на ногу: «Сказать, не сказать?». В итоге решился.

— Капитан Зернов, беливеры обязательно атакуют нас, и в самое ближайшее время.

— Откуда такое знание?

— Вот уже больше часа у меня нет связи с Югопортом. Думаю, что и у Коврадского нет. Причина, полагаю, повреждение коммуникационной станции или станций между лагерем и пограничным блокпостом… Нас отрезали от своих, капитан Зернов. Следовательно, скоро начнётся штурм.

— Как ты там сказал? — после минутного молчания капитан перешёл на «ты». — Кто-то нас, козлов, сюда целый год собирал?

Панель главного сенсора командного центра тихо бренькнула. На её экране к северу от позиций кадетов Коврадского показались точки, идентифицированные сенсором

как враждебные.

Глава 3

В другое время в другом месте другие люди могли бы восхититься зрелищем наступления беливеров. Фанатики маршируют стройными колоннами, над каждым из отрядов реет флажок, форма каждого из бойцов отстирана дочиста, в какой бы грязи он ни болтался бы накануне штурма. Цвета беливеров — сине-коричневые, на шлемах опознавательный знак — массивный круг на горизонтальном постаменте, прикрытый стилизованным крестом.

А главное — пение. Атакующие фанатики поют, и слаженности этого действия в своей подготовке они уделяют наибольшее внимание. Голоса сотен или даже тысяч людей звучат в унисон, и может показаться, что цитаты Годвинсон произносит вслух один громогласный великан. Умирали или страдали от ран фанатики молча, дабы не нарушить вокального волшебства своих товарищей.

Жаль, что вся эта красота в военном плане бесполезна. Небольшой военный отряд без затруднения перебьёт фанатиков, не понеся потерь. Впрочем, как мы помним, Годвинсон и не рассчитывала на успехи походов во славу высших сил, с их помощью она решала иные задачи.

Кадеты, даром что ещё мальчишки, быстро справились с первым испугом, подавили в себе остатки общечеловеческих чувств («Как я могу убивать живых людей? А вот так!») и почти хладнокровно расстреливали двигавшиеся в направлении русентийских позиций колонны. Майор Коврадский заражал подчинённых нездоровым азартом; хотя, стоит отдать ему должное, периодически покрикивал на тех из кадетов, кто пускал микропули из «восьмёрки» в пустые пространства между атакующими отрядами.

В общем и целом, бой пока мало отличался от противостояния с червями. Фанатики медленно выползали новыми и новыми подкреплениями, стремясь добраться до далёкого врага. Кадеты успешно расстреливали первые ряды из «восьмёрок», примерно выдерживая дистанцию между собой и ближайшими из беливеров. Схватка несомненно закончится в пользу русентийцев, если только у последних хватит микропуль. А ведь за боевое снаряжение кадетов отвечал Коврадский…

— Капитан, сколько у кадетов обойм?

— Одна. И то нецелые. Взяли со склада частично отстрелянные обоймы, чтобы их здесь дострелять.

Четверо русентийцев напряжённо вглядывались в показания

на экране панели сенсора. Радовался только Ник, тихо повизгивавший от вида гаснущих враждебных точек, а гасло их много. А вот Силач был обеспокоен — общее число врагов, попадавших в радиус действия сенсора, оставалось практически неизменным, резервы беливеров никак не хотели исчерпываться. Бойцам третьего отделения, занявшим посты на защитном периметре, было хуже, их личные сканеры не доставали до позиций товарищей на холмах, а от начальства они знали только то, что первые два отделения ведут бой.

Не дожидаясь дальнейших неприятных известий о сюрпризах от Коврадского, Алекс предложил Зернову новый план.

— Капитан, у нас пять машин, забрать можно всех. Конечно, нас формально отрезали от Югопорта, но если мы на скорости пойдём на прорыв, импакторами нас не остановят. Бой кадеты приняли, себя показали, теперь можно сматываться.

— А лагерь?

— Вам-то что до лагеря?

Силач при этих словах посмотрел на Алекса недобро. Зернов завис на несколько секунд, после чего вызвал Коврадского по коммуникатору. По закрытому каналу, естественно, чтобы никто кроме него не слышал слов майора. Коротко изложил предложение, молча выслушал ответную тираду, также молча прервал связь и повернулся к разведчику.

— Так понимаю, ответ отрицательный?

— Ответ отрицательный в грубой форме.

Четвёрке наших героев ничего не оставалось, как продолжать наблюдать по сенсору за боем. В голове у Зернова крутился вопрос, который он после некоторых усилий сумел сформулировать.

— Алекс, я не имел доступа к досье вышестоящих офицеров, но ваши возможности… Короче, каков боевой опыт у майора Коврадского?

— Одна звезда, — то есть, одно боестолкновение.

— Ну хоть что-то.

— Ему засчитали звезду за подавление бунта дронов. На одной далёкой базе на фронтире, — после каждого предложения мальчик выдерживал паузу. — С бунтом справились. Но его солдаты уничтожили группу лояльных граждан. Они прятались в муниципальном здании. Но Коврадский почему-то считал, что там мятежники. Погибли все.

— Капитанова моча!!

— Дело замяли. Майора перевели в Югопорт.

Алекс замолчал надолго, но всё-таки продолжил. Было видно, что рассказ даётся пацану нелегко.

— В том здании были мои родители.

— Капитаново…! — Зернов перечислил все возможные виды экскрементов и прочих выделений человеческого тела. Ник положил руку брату на плечо.

— Поэтому он к нему докапывался? — Зернов показал на младшего Звару. Алекс согласно кивнул.

— Да, в том числе. Коврадский каким-то образом понял, кто я такой, и боялся, что я буду мстить.

И вновь молчание. А на сенсоре всё та же картина, враждебные точки появляются с северной стороны, плывут на юг, чтобы там погаснуть.

— Зря боялся. Я ненавидел своих родителей. Они исковеркали мне жизнь. Едва не исковеркали, — поправился Алекс, скосив глаз на маленького Ника. — Я был рад, когда они сдохли! Я сказал бы Коврадскому спасибо!!

Крик оборвался, и снова тишина. Зернов не мог подобрать слова после подобного признания. Ник и Силач молчали, потому что знали, как закончилась эта история.

— Что это? — не утруждая себя положенными у военных терминами («Помеха в квадрате таком-то!»), Алекс ткнул пальцем в левый верхний угол экрана.

— Это же в водофунгусе?

— Да, похоже, сенсор засёк там какое-то движение…. О, Капитановы гланды!!

Даже на экране сенсора картина вдруг стала выглядеть угрожающе, а для сражавшихся кадетов она превратилась в кошмар. Из водофунгуса на берег, сбрасывая на ходу дыхательные маски, выпрыгивали из лодок солдаты в форме беливеров.

На ближайшем к озеру холме, очевидно, возникла паника, и новым участникам сражения удалось беспрепятственно добраться до его склона. Пятеро кадетов попали в зону поражения импакторов, погасла одна дружественная точка на экране, вторая… Худшие опасения Алекса начали сбываться.

К чести Коврадского, он попытался восстановить статус-кво. Кадеты, оседлавшие четыре остальных холма на позиции русентийцев, по его команде открыли огонь из «восьмёрок» навесом. Но то, что получалось у Алекса под Сильфонтом, непросто давалось мальчишкам, формально ещё даже не принятым в армейские ряды. Одна из микропулей попала в оборонявшегося кадета, двое пока что живых побежали с холма. Коврадский заистерил, чем внёс дополнительную сумятицу в действия подчинённых. Тем временем, к холмам приближались оставшиеся без внимания отряды фанатиков.

— Силач, быстро в спидер! — сам Алекс рванул в сторону

собственного миниспидера, за ним увязался Ник. Дёрнувшемуся было капитану было сказано оставаться у экрана. По пути к машинам Алекс толкнул старого пограничника, тот понял всё без слов и присоединился к бегущим. В итоге три машины буквально вылетели из лагеря по направлению к гибнущим кадетам.

Зернов обречённо передавал Алексу неутешительную картину боя. Пятеро кадетов побежали к лагерю, отдав нападавшим второй холм — и были расстреляны в упор преградившими им путь беливерами. По приказу Ковradского группа из семи бойцов бросилась на оставленные холмы в контратаку и за считанные минуты погибла в почти рукопашной схватке. С уцелевшими пятью кадетами майор оборонялся на самом дальнем от берега холме — причём полностью забыв о подходящих фанатиках. Если спидеры успеют, то смогут их подобрать… Зернов теперь просто считал: «Пять… четыре… майор убит… три… держитесь, ребята!». И в это время на вершину холма вбежали первые из фанатиков. «Всё!».

Пунцовый от злости, Алекс скомандовал спидерам возвращаться в лагерь, а сам приблизился к торжествующим беливерам и накрыл из личной «восьмёрки» навесом несколько точек, соответствовавших солдатам. На большее парня не хватило. Совершив этот акт мести, более похожий на гол престижа, русентиец развернулся к лагерю, где к трагической развязке приготовилось третье отделение.

Если Алекс был зол, то Зернов попросту взбешен. Он схватил юного разведчика правой рукой за куртку, а левую занёс для удара кулаком. Только занёс, потому что стоявший рядом Ник упёр капитану в бок ствол мини-восьмёрки, так называемого детского варианта смертоносного оружия. При стрельбе в упор детская пукалка без затруднений проделала бы в теле капитана дыру. Дедок-пограничник выдал: «Э! Э!», переводя глазами с одного спорщика на другого, примериваясь, как бы успеть их растащить.

— Двадцать кадетов! Один офицер! Почему ты не сказал Ковradскому про потерю связи?

— Я сказал! Я предупредил его сразу. Он послал меня к Капитану и назвал обписавшимся мальчишкой! — голос Алекса был хотя и тонок, но достаточно громок, чтобы переорать Зернова.

— Если б мы поставили спидеры в готовности сзади их позиций, мы успели бы их спасти. Или расстреляли десантников. Почему ты сидел в лагере и жрал? Почему ты не ждал их в запасе?

— Я думал, это твоя задача.

— Этот Капитанов сморчок запретил мне выходить из лагеря. «Обеспечивайте оборону лагеря!» — Зернов аж сморщился, передразнивая речь убитого командира. — Но почему не вышел ты? Ты же предвидел угрозу с озера!

— Да, я дурак. Да, надо было встать на машине в километре сзади позиций Коврадского. Но почему ты не наплевал на тупой приказ пьяницы-имбецила? А? Испугался? Армейская дисциплина? Дальше Югопорта не сослали бы, капитан Зернов, а ребята могли бы выжить.

Зернов не собирался сдаваться:

— У вас на холме есть кто поумнее? Такая толпа фанатиков, а вы её проспали! Разведка, где ваши скауты?

— В Капитановой бороде! У нас собрались такие же придурки, как и у вас в училище. Мы не проводили разведку местности к западу от Загранки последние три года. Вот так!

— Может быть, вы перестанете, наконец, отцы-командиры? — видя, что перепалка перевалила за экватор, рискнул вмешаться пограничник. — В лагере на вас почти двадцать жизней. Мёртвых не вернуть, займитесь живыми.

— Реализуем запасной план, с быстрым прорывом к границе, — ответил Алекс. — И… командовать прорывом буду…

— Я, — докончил фразу Зернов. — Кадеты и мобилизованные тебя не станут слушаться. Советы и ценную информацию давать будешь мне. И скажи своему… неважно, скажи своему, чтобы он перестал тыкать меня стволом.

— А ты отпусти мою куртку.

— Хорошо.

Инцидент был исчерпан — по крайней мере, внешне. Зернов загнал кадетов в один из спидеров, управлять которым намеревался сам. Пограничник и четвёрка обитателей лагеря должны были ехать во втором армейском спидере с Силачом в качестве водителя. Кто-то из местных покачал права, требуя времени на сбор имущества, но успеха не добился — точку в дискуссии поставил кулак Силача. Мажор с девчонками занял свой миниспидер, а Алекс и Ник — свой. Братьям предстояло открывать колонну, за ними расположился Силач, спидер с кадетами получил позицию замыкающего. Зернов инициировал на бросаемом в лагере третьем спидере механизм самоликвидации.

— Быстрее! Быстрее! Фанатики сейчас празднуют победу и чистят пёрышки, у нас есть время. Но скоро они могут пойти на штурм лагеря! — подгонял всех Алекс.

— Нужно вывести из строя системы защитного периметра, — напомнил пограничник.

— Некогда, дед!

— Демонтируют и утащут к себе для изучения. Кто отвечать будет? Ты?

Помянув Капитана, Алекс убежал в командный центр. Ник увязался за ним, как обычно, хвостиком. Воспользовавшись моментом, Зернов вытер пот со лба и обратился к пограничнику.

— Майор — ублюдок! Загубил двадцать пацанов!

— Ублюдок здесь кое-кто другой. Мелкий этот, разведчик…

— Чем он тебе не угодил?

— Меня ему нужно было мобилизовать. А не приятеля своего, рыболова. Братца-то он не бросил бы, а вот со вторым он ошибся. Я бы заставил малого подстраховать майора.

— О записи в досье печёшься? — Заинтересовался Зернов.

— А то! Мне до отставки восемь месяцев и четырнадцать суток. А я всё, видишь, в лейтенантах хожу, пусть и в обер-супер-пуперах. Звёздочка не помешала бы.

— Там мальчишки погибли, а ты о пенсии печёшься? А я вот тебе как старший офицер как выдам характеристику в Югопорте. В лагерь подчужачников тебя с ней не возьмут.

— Злишься? А ты не злись. Меня ведь тоже допрашивать будут, я тоже могу наговорить. А сейчас нам убраться надо отсюда. И не потерять бы больше никого. Сам сказал — двадцать кадетов, один офицер, один спидер, один лагерь… Такого позора Русента с Капитановых дней не видала.

Военные разошлись в стороны как коты, изготовившиеся к драке, но оценившие силы конкурента как равные и постановившие отложить выяснение отношений на потом. Алекс покончил с системами, люди заняли места в транспортах, колонна медленно покинула лагерь. Алекс остановил миниспидер, вышел наружу и аккуратно снял русентийский значок. Бой проигран, Верующие в Господа торжествуют, но остались ещё дети и гражданские, и их любой ценой нужно переправить в безопасный Югопорт. Год назад Алекс не довёл до Русенты колонну из Сильфонта, повторения он поклялся не допустить.

Непосредственной угрозы возвращавшимся домой спидерам и миниспидерам не было видно. Заскучавший Ник принялся болтать — точнее, заваливать брата вопросами.

— Они больше не нападут на нас?

— Для фанатиков бой имеет религиозное значение, они обязаны к нему приготовиться. На это они потратят время. Да и пешком они нас не догонят, дорога достаточно прямая, срезать дистанцию им негде.

— А солдаты?

— С ними сложнее. Но у них мы тоже пока не увидели роверов. Да и взять безлюдный лагерь им интереснее, чем гоняться за нами. Мы ведь можем огрызаться.

— Всё закончилось, значит?

— Нет. Остаются неизвестные, уничтожившие коммуникационные станции по дороге. Скорее всего, это небольшая группа диверсантов. Мы либо проскочим мимо них, либо примем бой и уничтожим.

— Как ты тогда сделал со спартанцами после Сильфонта?

— Положим, не я сделал, а мы с Филимоновым и Зеркальцевым. Или даже они со мной. Но в целом ты прав, примерно так мы с диверсантами можем справиться. Будет зависеть от их численности и позиций, если затратим на них слишком много времени, беливеры смогут нас нагнать.

— А решать будет капитан?

— Решать будет капитан. А скажу ему, как надо решать, я. И перестань болтать, следи за дорогой! Мы не знаем, где нас ждут враги.

Ловушка поджидала колонну в пятнадцати километрах от лагеря. Алекс резко остановил миниспидер и дождался, пока к нему не подбежал недовольный Зернов.

— Что там у тебя?

— Впереди резкое превышение фона. По дороге хорошо поработали импакторами, капитан. Как у тебя с броней?

— Как и со всем остальным. Шёлкосплавы списанные.

— Плохо, как в ухе Капитана! Что со спидерами?

— Антирадный слой брони давно выжжен. Короче, камнем её не пробить, а радиацию она сдерживает как обычный металл. У тебя есть предиктор?

— Есть. Смотри.

— Ого! — Зернов присвистнул.

Предиктор, недавняя разработка русентийских лабораторий, пытался предсказать дозу, которую человек наберёт при прохождении через протяжённую загрязнённую радиоактивными веществами местность. Иногда прибор давал абсолютно точные результаты, иногда врал как сивый мерин. Сейчас предиктор в машине Алекса прогнозировал для тех, кто поедет вперёд в спидерах из училища, смертельную дозу, даже не лучевую болезнь. И прогнозировал с большим запасом. Гадание «верить — не верить» превращалось, таким образом, в «умрём — не умрём».

— На моём миниспидере шансов будет больше. Возьму четырёх… если посадить Ника на колени, пятерых кадетов. Рванём вперёд на скорости и будем смотреть за дозой. Когда загрязнённая местность кончится, высажу кадетов и Ника, они

займут оборону, а я вернусь обратно. Раз за разом перевезу всех, а машины пройдут через пятно на автопилоте.

— Наведёнки наберут, пока проходят, — Зернов поморщился.

— Есть другие предложения?

— Бросить машины и пойти в обход пешком?

— С мобилизованными хороший темп не выйдет. Кто нас ждёт впереди, неизвестно, да и сзади могут догнать.

— Ладно, приказываю тебе исполнить твой план.

— Слушаюсь, капитан, — Алекс с издёвкой приложил два пальца к пустой голове. С законной издёвкой. Алекс получит дозу в разы большую, чем любой другой человек в отряде, но Зернова это совершенно не волновало, армеец принял самопожертвование разведчика как должное.

В первую партию кадетов вошёл курносый мальчишка, ростом с Ника, но шире его в плечах раза в полтора — тот самый, что слышал от мамы-генетика про антирадиационную генную модификацию. Там же оказался и спорщик-скептик по фамилии Андреев; его капитан назначил командиром группы.

Миниспидер тронулся с места, Ник, ломая глаза, вглядывался в показания на экране управления. Фон, набранная доза с индивидуальных дозиметрических устройств. Пять рентген, шесть, восемь… Фон снижается, подходит сверху к естественным значениям… Всё, пятно пройдено! Доза Алекса — 9,2 рентген. У Ника и остальных примерно столько же.

— Кадеты, быстро наружу! — услышав от Алекса эту команду, Андреев демонстративно отвернулся и скомандовал по-своему. Главное, что результат был достигнут, а презрение кадетов Алекс как-нибудь переживёт. Тем более, что возникла другая проблема.

— Ник, проваливай!

— Нет!

— Ник, ты что, дурак? С поездками туда и обратно лучевая болезнь обеспечена. Вылезай!

— Нет, я с тобой.

— Ник, вернёмся домой, будешь бит.

— Хорошо.

Сплюнув, Алекс развернул миниспидер обратно в пятно. По коммуникатору потребовал от Зернова готовить новую партию. В неё входили все местные, включая Силача, и светловолосая толстушка. Машина преодолела область загрязнения («16,9 рентген, обратно быстрее проехали»), люди дисциплинированно рассаживались, Алекс смотрел сквозь брата, не собираясь его замечать («И вообще, я с ним поговорю!»).

В это время у Зернова включился коммуникатор и раздался

странный, ломающийся голос кадета Андреева:

— Господин капитан, что-то непонятное.

— А именно, кадет?

— Нас взяли в плен, господин капитан.

Глава 4

Неизвестные, захватившие переправившихся через пятно кадетов, потребовали от остальных русентийцев оставаться на месте, пока к ним не подойдут для переговоров. Дорога оставалась перекрытой радиоактивным пятном, странная компания пленных и пленителей медленно пробиралась стороной.

Зернов любые намёки на возможность бросить товарищей и укрыться в лагере пресёк на корню и организовал круговую оборону. Моральное состояние русентийцев оставляло желать лучшего, но хуже вели себя мажор с девицами. Парень громко требовал прорываться к Югопорту, затем, после пинка от Силача, возмущался и клялся наказать виновных в поражении. Старый лейтенант что-то молча проговаривал про себя, шевеля губами. Ник всё также преданно стоял рядом с Алексом; последний устал сердиться на брата и только коротко, но значительно втолковал Нику: «17 рентген — не игрушка!». Потом смилостивился и пообещал: «Жить будешь».

— Как думаешь, кто они? — мучаясь от неизвестности, Зернов вновь организовал с Алексом военный совет.

— Беливеры с партнёрами не ходят. Думаю, это их разведка или спецназ. Странно, что взяли наших в плен. Явно будут что-то хотеть на размен.

— А что тут думать? Будут требовать наши спидеры в целости и сохранности. Знают, Капитановы вошки, что мы постараемся их уничтожить.

— Предложат такой размен — соглашайся. Договорись о свободном проходе. А спидеры… я смогу взорвать их потом.

— Новые алгоритмы?

— Допустим, — легенда о новых алгоритмах, поднимающих вычислительные и управляющие системы почти до уровня искусственного интеллекта, ходила по Русенте давно. Никто не мог похвастаться непосредственным контактом с новыми алгоритмами или, тем более, участием в их разработке. Предполагалось, что использует их разведка. Алекс не стал отвечать на прямой вопрос армейца. На самом деле, он ещё до выхода из лагеря установил в управляющих системах спидеров таймеры для саморазрушения. Сделал это вручную, без всяких таинственных средств. Но капитан пусть задумается.

Кадетов и противников уже было видно на экранах сенсоров. Русентийцев конвоировали семнадцать человек, опознать их принадлежность сенсоры пока не могли, слишком большое

расстояние. Группа вернулась на дорогу и шла быстрым темпом. Ещё чуть-чуть, и произойдёт визуальный контакт. А вот и он!

— Спартанцы! Капитаново ухо! Эти-то что забыли в наших краях?

— Нас, козлов, сюда целый год собирал, — Алекс старался говорить тихо, но Зернов его услышал, однако тему не поддержал.

К всеобщему удивлению, пленные кадеты шли с оружием, правда, под прицелами спартанских импакторов. На самом деле, появление давних врагов давало русентийцам дополнительные шансы. Спартанская Федерация, так же как и Русента, беливеров ненавидела. Но можно посмотреть и с другой стороны — Спартанская Федерация, так же как и Верующие в Господа, ненавидела Русенту.

Будущие союзники или противники сблизились на дистанцию общения голосом. Ряды спартанцев расступились, на первый план вышел знакомый Алексу (и не только ему) персонаж.

— Я мог бы и сразу догадаться. Ну здравствуй, страшный человек.

— Я не рад тебя видеть, глупый русентийский мальчишка. Но я доволен, что вижу тебя.

— Ты его знаешь? — спросил Зернов, но хиванец, а это был именно он, прервал ответ Алекса на полуслове.

— Все вместе возвращаемся в лагерь, глупые русентийцы, старые и молодые. В пьесе сыгран первый акт. Нас ждёт продолжение спектакля!

Внешне серьёзная, ситуация на самом деле оставалась выигрышной для русентийцев. Чтобы объяснить это противоречие, достаточно вспомнить принцип действия импакторного оружия, применявшегося на планете везде, кроме Русенты.

Импакторы стреляли пучками заряженных частиц и в пехотном исполнении были смертоносными на дистанции не более десяти метров. Попадания с больших расстояний могли обеспечить поражённому лучевую болезнь в будущем, но могли и не обеспечить — в любом из двух случаев, противник сохранял свои физические кондиции здесь и сейчас и продолжал бой.

Всё вышесказанное не учитывает факт наличия брони. Шёлкосплавная броня русентийцев обладала способностью поглощать импакторные пучки даже при стрельбе в упор, когда степень рассеяния пучка минимальна. Под Сильфонтом подобное свойство брони продемонстрировал на практике разведчик Зеркальцев. Естественно, что броню требовалось менять после набора определённого количества «дэ-пэ-а» — очередного

придуманного в лабораториях заумного параметра, суть которого никто кроме высоколобых не понимал. Хотя не совсем так, в Русенте встречались старые вояки, звавшие параметр «сна». Наверное, они что-то при этом имели в виду, недоступное обычным смертным.

Покойный майор Коврадский сэкономил на экипировке кадетов, в том числе и на броне, распорядившись выдать со склада снаряжение, отработавшее свой ресурс (включая количество попаданий из импакторов). Поэтому фланговый удар в бое на холмах создал для двух отделений русентийцев реальную опасность, рельеф местности позволял беливерам подбираться к кадетам на расстояние смертельного выстрела из импактора.

Русентийцы могли спастись и переломить ход боя. Как ни удивительно это прозвучит для земного наблюдателя, кадетам нужно было оставить позиции на холмах и отступить в сторону лагеря на открытое пространство. Организованным отрядом они смогли бы в таком случае сдерживать беливеров на необходимом расстоянии и в самом худшем для себя варианте спокойно и без потерь или почти без потерь отступили бы под прикрытие защитного периметра лагеря.

Потери — вот фактор, вынудивший майора Коврадского потерять в самый нужный момент голову. Гибель двух кадетов сразу после высадки десанта парализовала волю офицера, и все его действия были отныне направлены на сохранение укрытия, что противоречило законам боя. Смерти воспитанников в ходе практики расследовались военным ведомством Русенты со всей тщательностью, и с учётом биографии майора вердикт мог бы оказаться максимально жёстким и карательным.

Одной из грубейших ошибок майора стал приказ контратаковать потерянный холм, в результате чего треть русентийского отряда вступила в схватку со взрослыми противниками, в которой не имела ни малейшего преимущества.

Если последний бой майора Коврадского проанализировали бы в военной академии, то обязательно отметили самостоятельную попытку пятерых кадетов со второго холма вернуть течение столкновения к канону — они оставили позиции, на которых у них практически не было шансов, и попытались выйти на открытое пространство. К сожалению, сделали это они слишком поздно, и беливеры смогли расстрелять их при отходе. Скептик, впрочем, сказал бы, что ребята элементарно струсили, и доказать, кто прав, было бы невозможно.

Коврадский свой бой проиграл, но как насчёт Зернова? Если капитан отдаст приказ стрелять по спартанцам, то враг будет

уничтожен двумя-тремя залпами. Но не одним! Это означает, что спартанцы успеют казнить пятерых пленных кадетов, а при большой удаче ещё и результативно попасть несколько раз по отряду Зернова.

Путь домой, до русентийской границы, окажется свободным. Преодолев радиационную ловушку, сборная команда Зернова легко увеличит отрыв от беливеров за счёт своей скорости. Если ловушка окажется не единственной, русентийцы спокойно позволят себе двинуться в обход дороги, беливеры их не догонят. Но за подобный результат придётся заплатить, как минимум, пятью жизнями кадетов.

Искушённый читатель обязательно задастся вопросом: «Как так вышло, что спартанцы незамеченными подобрались к группе Андреева?». Как часто бывает, виноват человеческий фактор. Кадеты (не забудем, что это мальчишки) остро переживали гибель своих товарищей, практика, которую они с нетерпением предвкушали, обернулась трагедией — и на это всё наложился рывок через радиационное пятно! Добавим, что у первой группы не было точного знания о ширине пятна и, следовательно, грозившей им дозе. Набрав всего десяток рентген, ребята, естественно, ненадолго расслабились — и пропустили быстрый выпад в их сторону спартанских диверсантов.

Если в первую группу для прорыва через пятно был включён хотя бы один опытный боец, то, вполне возможно, он успел бы поднять тревогу. Но Зернова больше беспокоила угроза нападения беливеров со стороны лагеря, и всех опытных он оставлял для последней партии. Очевидная ошибка планирования, доказывающая, что громадное превосходство в технологическом плане может быть снивелировано неудачными человеческими решениями. Алекс, кстати, должен взять половину ошибки на себя, он тоже полагал план Зернова верным (более того, он его первым и предложил), но для одиннадцатилетнего мальчика это простительно.

Но довольно общих рассуждений, вернёмся к нашим героям. Зернов, как и ожидалось, не решился на размен со стрельбой, оправдав себя мысленно тем, что попытается спасти всех. Приказ хиванца был выполнен. Русентийцы и спартанцы шли в лагерь пешком и вперемежку, что давало возможность последним стрелять по противникам на поражение. Спидеры вели русентийцы, но за каждым водителем сзади устроилось по спартанцу. В миниспидер Алекса к братьям подсел хиванец.

— Как ты выжил там, у кратера?

— Я умею петь с червями. У командира моего отряда там погиб брат, и он тоже очень доволен, что видит тебя.

— Что ты хочешь на это раз?

— Всё того же, глупый мальчишка, всё того же. Я хочу странного.

Хиванец отлично владел русентийским диалектом общепланетарного языка, восходившего, как утверждают, к временам Капитана *(лингвисты-пуристы настаивают на том, что диалекты давно превратились в полноценные языки, то есть, правильнее было бы говорить «владел русентийским языком»)*. Но фракционные особенности давали о себе знать, он никак не мог избавиться от присущей хиванцам привычки повышать голос к концу предложения. Поэтому даже обычная речь его воспринималась слушателями как угроза. Может быть, поэтому завербованные хиванцем обитатели Сильфонта дали ему прозвище «страшный человек»? А может быть потому, что они предчувствовали свой скорый и печальный конец?

— После Сильфонта я искал тебя, твои следы. Искал тебя намеренно. Я узнал, что ты в Югопорте.

— Отомстить хотел, что ли?

— Отомстить за что? Мы сыграли партию, ты победил. Спартанцы — расходный материал, мусор. Я искал тебя, потому что ты необычный поисковик и потому что в Сильфонте ты нашёл необычное. Помнишь мой принцип?

— «В поисках необычного нужно уповать на необычных поисковиков. Они отыщут его, но сами не поймут его смысла. И нужно всего лишь найти у них найденное».

— Именно так.

— И принцип этот следует из того, что вы называете софизмом?

— Ты дерзишь опять, мальчишка! Выслушай меня до конца. Я буду честен с тобой настолько, насколько мне это будет выгодно.

Ник смотрел на навязанного братьям попутчика, прищурив зелёные глазёнки и о чём-то своём важном размышляя. Алекс был в своей тарелке, словесные пикировки были его коньком. К тому же, один раз у хиванца он в прошлом выиграл.

— Я узнал, что ты в Югопорте. Мы пришли сюда. Жили здесь, у границы. Следили за дорогой, слушали коммуникации.

— Я был прав, когда сказал Зернову про придурков, — пробормотал Алекс.

— Что? А, неважно… Я узнал, что ты приедешь в лагерь. Стал готовить, как тебя оттуда выманить. Потом я узнал, что ваш офицер, майор, получил из Югопорта коммуникацию. Это было вчера днём, как только вы прибыли в лагерь. Год назад в Русенте был разоблачён и казнён хиванский шпион. Его звали Н.З.

— Чего-чего-чего?

— Для этого мальчика, которого ты вывез из Сильфонта и кто сидит с тобой рядом, в ваших управленческих базах было сделано два досье. О втором ты не знал. Согласно второму досье, он работал на Человеческий Улей и был казнён.

— Дурь какая-то! Ник, ты слышал?

— Угу, слышал. Я хиванский шпион и меня расстреляли. Можно смеяться?

— Смейтесь, глупые человеческие детишки. Это не дурь, это странное. Но второе странное, что в лагере оказался Силач. Совпадение? Не думаю.

— И каково твоё предложение?

— Вместе мы защитим лагерь и отобьём штурм беливеров, узнаем, почему они пришли именно сюда и именно сейчас. Потом ты заплатишь.

— Чем?

— Тем же, что я требовал у кратера.

«То есть, отдать хиванцу Ника и Силача», — сразу догадался Алекс. Намёк хиванца был понятен только Алексу, ту прошлогоднюю беседу в масках на травяном покрове из фунгуса Ник, как известно, позорно проспал.

— Мы вместе защитим лагерь, а о цене поговорим потом. Не возражай! — Ник вскинул руку. — Ты не справишься с беливерами без нас, а они тебя не выпустят. И подумай, может быть, они тоже ищут странного, и их странное — это ты.

— Ты быстро учишься софизму, глупый мальчишка… Хорошо, твоё предложение принимается, — хиванец согласился с Алексом быстро. Пожалуй даже, слишком быстро.

Колонна из пешеходов и машин достигла лагеря. Беливеров не было видно. «Празднуют, Капитановы собаки!», — сплюнул словами Зернов. Нужно было быстро приготовиться к обороне, надвигалась ночь. «Фанатики ночью не попрут, красоты не хватает», — это старый пограничник. «Там не одни фанатики, есть солдаты», — а это Зернов.

Большой проблемой стало то, что защитный периметр лагеря перед эвакуацией был надёжно деактивирован и восстановить его функции имеющимися силами было нереально. По факту, периметр превратился в обычную стену в два человеческих роста. Стационарные сенсоры не работали, полагаться приходилось только на личные сенсоры бойцов, да на сенсор миниспидера Алекса.

Координации между союзниками поневоле не было чуть менее чем полностью. Единственное, о чём удалось договориться — спартанцы и кадеты расположились по периметру лагеря чересполосицей, по двое. Караулы каждая из сторон

распределила на своё усмотрение.

Хиванец с двумя диверсантами занял складской модуль вблизи командного центра. В самом центре, хотя он мало отличался от обычного здания, находились Зернов, пограничник, братья и Силач; к входу в центр Алекс подогнал миниспидер. В домике по соседству попытались выспаться мобилизованные, которых Зернов определил в резерв.

Старый пограничник угадал. Фанатики закопошились только утром, а о солдатах неприятеля вообще не было ни слуху, ни духу. Начинался новый день, третий для Алекса и Ника в лагере, и беливеры изготовились к атаке на ослабленный и не доверяющий друг другу гарнизон.

— Сколько их может быть? — Зернов задал вопрос в пустоту, но на удивление получил ответ от Ника.

— Я не подсчитал точно, но там, на холмах, убили триста фанатиков. Я по точкам смотрел, как они гаснут, — пояснил мальчишка в ответ на недоумённые взгляды.

— Хорошо считаешь. В лабораторию тебя пора сдать. На опыты, — слова капитана сочились ядом.

— Тысячу могли собрать вполне. Триста или примерно триста убиты в бою с кадетами. Значит, нас будет штурмовать примерно семьсот фанатиков, — Алекс вернул дискуссию в деловое русло.

— Терпимо.

— Терпимо, если микропуль хватит. Стрелять нужно расчётливо и экономно. Подпускать поближе, пусть спартанцы поучаствуют в празднике. И перекинуть на северный фас периметра кадетов… пусть их там будет шестеро. На восточной и южной стенах оставить по двое.

— Фас есть участок ограды, обращённый к противнику. Противник у нас только с одной стороны, уточнять «северный фас» безграмотно.

— Спасибо за бесплатную лекцию, капитан Зернов. Обязательно запомню сказанное. А по делу?

— По делу — шесть кадетов на семьсот фанатиков… да ещё подпускать на десять метров, чтобы спартанцы смогли стрелять…

— Они же не все семьсот одновременно подойдут, у них же колонны. И потом, вы сомневаетесь в подготовке своих людей, капитан?

— Грубишь, смежник. Но будь по твоему. Что про солдат, откуда ждёшь их появления?

— С востока или юга. Скорее, с востока. Для них мы придержим резерв. Командуйте, капитан.

И Зернов, и пограничник, будь их воля, стёрли бы наглого

мальчишку в порошок. Но оба офицера не рисковали выдвигать собственные планы. Они плыли по течению, рассчитывая попасть на берег и представить дело как собственное достижение — если получится выплыть, конечно.

Пока Зернов отдавал приказания по коммуникатору, Алекс обратился к брату по мысленной речи.

«Ник, что это было после пятна?».

«Ты о чём?».

«Почему ты отказался выйти из миниспидера?».

«Алекс, я очень хотел быть с тобой».

«И получить под сотню рентген? Ник, лечение от лучевой болезни неприятное, и ты знаешь это. Твоё поведение похоже на каприз, но я не верю в то, что это был каприз».

«Алекс!».

«Ник! Я знаю, что ты меня часто обманываешь. По мелочам. Это нормально, все мальчики твоего возраста так поступают. Я никогда тебя не ругал за обман, не наказывал, не бил…».

«Да «не бил»?! А…».

«Ник!! Это — не считается. Вообще, не время вспоминать обиды. Сейчас я прошу тебя сказать мне правду. Я редко прошу тебя так. Почему ты отказался оставаться с кадетами?».

«Не знаю. Я почувствовал что-то плохое. Ну, мне что-то не понравилось. Я не хотел оставаться, было бы неправильно… плохо… я не знаю, Алекс, как это сказать…».

«Я понял тебя. Ты прав, могло случиться что-то плохое. Этот человек, хиванец, он хочет забрать тебя и Силача в обмен на право нашего прохода в Русенту».

«Алекс… Алекс… Алекс, я не знаю… Ты спас меня в Сильфонте… ты дал мне год жизни… я бы умер там, я понимаю…. Я согласен, Алекс».

«Ник, ты всё-таки дурак. Он не получит никого, а мы все вернёмся домой», — и Алекс подмигнул брату.

Ник счастливо улыбнулся в ответ. Конечно, он прекрасно знал и верил в то, что его замечательный старший брат обязательно найдёт выход из самого трудного положения — как тогда, во время марша из Сильфонта в Каналград. Но Алекс своими мысленными словоформами укрепил уверенность Ника — и это было правильно, и это было хорошо.

Глава 5

Наступление беливеров началось ровно в девять утра. Фанатики обожали символизм и круглые числа. Сине-коричневые колонны с флажками под монотонное пение пришли в движение. Большинство, если не все, кто в них марширует, сегодня окончат своё существование на планете — но именно этого и добивалась старуха Годвинсон, отсылая несчастных в поход. Несчастные себя таковыми не полагали; напротив, по их мнению, сегодня настал самый великий день.

Сенсоры оборонявшихся пока не доставали до беливеров, но особенной нужды в них не было, вся картина прекрасно просматривалась визуально. Добавить ещё порохового дыму, и чем не наполеоновские сражения на Земле XIX века? Но не хватало ещё одной детали — линии из сотен солдат в мундирах другого цвета, поджидающих атаковавших. На северной стене лагеря беливеров встречали шестеро кадетов и десять спартанцев.

— Почему вы не стреляете? — хиванец Алексу по коммуникатору. Разведчик жестом предложил отвечать Зернову, но капитан отмахнулся. Алекс пожал плечами и выдал в эфир короткое: «Выжидаем».

— Ваши дети побегут. Бросят позиции, как вчера, — обозлился хиванец. Алекс не отреагировал на выпад.

Сложно сказать, насколько капитан Зернов был знаком с земной историей, но идеи он высказывал здравые.

— Сейчас бы по ним из орудий! — но орудия стоявших в лагере спидеров были полностью бесполезны, благодаря покойному Коврадскому.

— А вот бы выскочить сейчас на спидере и пострелять по ним с близкой дистанции. Выстрелил, отъехал, выстрелил, отъехал, — в этом предложении Зернова было больше смысла. Проблема в том, что никто не хотел или не мог его исполнить. Теоретически сыграть роль егеря-застрельщика мог бы Алекс, но приказать ему Зернов не мог, а сам разведчик, казалось, врос в пол командного центра.

Первые выстрелы кадетов, сопровождавшиеся негромкими хлопками, были сделаны, когда первая колонна фанатиков приблизилась к лагерю на дистанцию полукилометра. Произошло это почти сорок минут спустя после начала марша. Первые враги упали на землю, поражённые микропулями. Но ещё более радостным обстоятельством для осаждённых стало то, что у колонн фанатиков появился конец. Утренние расчёты получились верными с хорошей точностью — всего фанатиков было порядка

семи с половиной сотен. Осталось выяснить, где скрываются солдаты беливеров и сколько их.

Кадеты стреляли по одному, с большими паузами. Андреев, возглавивший оборону русентийцев на северной стене, старался выцеливать так, чтобы попадание микропули выводило из строя не одного, а сразу нескольких врагов. Вчерашние события и особенно кратковременное пленение изменили парня к лучшему, хотя в училище звёзд он с неба не хватал и в лагере был приписан Коврадским к аутсайдерам, в третье отделение. Теперь с беливерами дрался не просто кадет, а мотивированный и хладнокровный молодой будущий офицер. К сожалению, не от него одного зависело, настанет ли для него будущее.

Фанатики не отвечали на огонь из лагеря, отдавая себе отчёт в бесполезности импакторной стрельбы на больших дистанциях. Их задача состояла в другом — сблизиться с врагами и задавить их массой. Зло должно было быть ликвидировано, и наградой за это деяние для фанатиков стало бы возвышение, переход на новый уровень и вечная благодарность высших сил.

Перед походом фанатиков обучали основам военного дела, и они учились в полном соответствии со своим именем, то есть, с фанатизмом. Учителя не утруждали себя разнообразием и настраивали будущих мучеников на борьбу с пехотой, имеющей импакторное вооружение — то есть, с кем угодно, но не с русентийцами. Не потому что учителя были плохими, они просто знали — в столкновении с русентийцами у фанатиков нет шансов вообще, от слова «абсолютно». Если, конечно, у русентийцев достаточно микропуль — то есть, не в нашем случае.

Когда до стены оставалось сто метров, в полном соответствии с полученной наукой первые ряды фанатиков перешли с шага на быстрый бег. Кадеты открыли беспорядочный огонь, к ним добавились спартанцы. Дистанция всё ещё была слишком далёкой для убийства, но импакторные лучи грязно-белого цвета ослепляли бегущих и вносили элемент сумятицы в их ряды.

Из первой сотни фанатиков до стены добралась едва ли половина. Но эта половина нисколько не была дезорганизована. Как на предпоходных учениях, беливеры выдернули из-за спины минилебёдки, отработанным до автоматизма движением забросили кошки-когинавы на стену, где расползшиеся во все стороны щупальцы-крюки цепко впились в поверхность, нажали на кнопки, и минилебёдки начали сматывать тросы, одновременно поднимая вверх держащихся за приспособление людей.

Сбрасывать со стены кошки было долго, поэтому защитники ограничились расстрелом сверху тех из фанатиков, кто был к ним

ближе всего. С остальными пришлось вступить в ближний бой, укрываясь за выступами, башенками и прочими конструктивными элементами периметра.

На самом деле, прорыв на стену не создал для обороняющихся серьёзной угрозы. Беливерам требовались секунды для того, чтобы встать и сориентироваться; за это время большинство из них было расстреляно русентийцами и спартанцами. Из последних погиб лишь один, не заметивший фанатика прямо у себя за спиной; фанатик тут же пал от выстрела другого спартанского бойца. Кадеты потерь не понесли. Не прошло и минуты с начала альпинистского предприятия, как все прорвавшиеся были уничтожены.

Опасность таилась в другом, а именно, в следующей сотне фанатиков, в полном составе достигшей стены, пока завершалось избиение первой сотни. За малым исключением, вся она поднялась на стену, и вот теперь обороняющихся ждал полный разгром.

Но за мгновение до того, как вторая сотня добежала до стены, Алекс заорал напрягшемуся Зернову:

— Командуй отход!

— Э?

— Отход, козёл!

Зернов отдал приказ, не став уточнять подробности. Тем более, что задумку Алекса он увидел почти сразу — к северной стене на автопилоте тронулся один из армейских спидеров. Кадеты спрыгнули вниз. Один из спартанцев заподозрил неладное и выстрелил в замешкавшегося мальчика, ровно для того, чтобы тут же умереть от ручного лазера подкравшегося фанатика. Разогнавшийся спидер ударился в стену и раздался мощный взрыв.

— Самоликвидация! — заорал от радости старый пограничник. — Парень, ты гений!

История развития взрывчатых веществ на планете, как это ни покажется странным, насчитывала очень мало глав. Взрывчатку на планете делали в малых количествах — настолько малых, что в боевых действиях её применяли редко, если вообще о ней вспоминали. Но Русента заботилась о сохранности интеллектуальной собственности и выделяла запасы взрывчатки для систем самоликвидации боевых машин. Иногда большие запасы взрывчатки на крайний случай брали с собой и разведчики — так Зеркальцев уже после своей гибели подловил спартанцев в бою у кратера.

Накануне Алекс покопался в спидерах и, к великой радости, нашёл, что жадность Коврадского до систем самоликвидации не

дотянулась. Взрывчатки там хватало, что и позволило использовать спидеры как автоматические машины-самоубийцы. Результат превзошёл все ожидания — большая часть стены осыпалась, почти все находившиеся на ней были мертвы. В том числе, и все спартанцы. Алекс не забывал о грядущем выяснении отношений с временными союзниками и создал для русентийцев подавляющий численный перевес.

Но пока главным врагом оставались фанатики, и их всё ещё было много. Взрыв сбил движение третьей сотни, на неё налетела четвёртая, затем пятая, беливеры смешались, не понимая, что им делать дальше — план атаки был полностью сорван. В эту толпу Алекс направил второй спидер, взрыв которого получился ещё более громким и результативным — когда дым рассеялся, на ногах удержалось всего два десятка неприятелей.

Хиванец вызвал старшего Звару по коммуникатору:

— Ты! Мальчишка!

— Сочувствую вашим жертвам, но бой продолжается. Мы снимаем всех кадетов с восточной и южной стен, пусть ваши люди останутся там и несут наблюдение. Связь кончаю, — Алекс прервал разговор, не дожидаясь очередных воплей раздосадованного хиванца.

— Мы снимаем? — удивился Зернов.

— Снимай, перебрасывай быстрее! Там ещё две с половиной сотни фанатиков, и они сейчас попрут в лоб, стены больше нет. Командуй кадетам — микропуль не жалеть!

— А может, третьим спидером их? — внёс предложение пограничник, которому фейерверки откровенно понравились.

— А может, нам ещё с солдатами разбираться, забыл?

Девять кадетов во главе с Андреевым выстроились в линию у первых северных построек лагеря и ждали, когда уцелевшие фанатики оправятся от потрясения и продолжат свой путь к истреблению зла. В это время в командном центре капитан попытался обвинить Алекса в сокрытии планов и повесить на него гибель кадета на северной стене.

— Приказы исполнять надо быстрее, тогда и парень выжил бы, — парировал Алекс.

— Чьи приказы? Твои приказы?

— Да, мои. У тебя была возможность разработать план. На что ты рассчитывал? На стене всех бы вырезали, если не вторая сотня, то третья. Далее только сидеть по зданиям, стрелять в двери и окна и ждать конца.

— Но кадет погиб! И ты в этом виноват.

— Вчера погибли двадцать кадетов и один офицер.

— Но за них отвечал Коврадский, а за этого парня я.

— Ты хоть знаешь, как его звали?

— Знаю! Он…, - Зернов запнулся. Нет, он и вправду знал, но забыл, вылетело из головы. Аберрация памяти в условиях кризиса. Но капитан оставил последнее слово за собой.

— Я расскажу кадетам, кто виноват в гибели товарища. Будь уверен — придёт время, и ты ответишь перед ними.

— Как придёт, так и отвечу. Следи за боем!

Сражение действительно возобновилось. Последние отряды фанатиков бросились в лагерь через разрушенную стену, кадеты Андреева отстреливали их пока без сопротивления.

— Отведи их за здания, капитан! Они на опасной дистанции!

Приказ запоздал, двое ребят с правого фланга упали от удачного выстрела. Парни стояли к плечу плечом и одновременно набрали дозу для смерти под лучом. Остальные семеро кадетов отступали вглубь базы к командному центру, отстреливаясь уже не так эффективно, как в начале.

— Резерв! — Зернов уже не говорил, а шипел.

— Солдаты!

— Резерв!!!

— Хорошо. Местных.

Трое мобилизованных жителей лагеря, услышав команду от Зернова, побежали к сражающимся кадетам.

Фанатики, коих осталось сотни полторы, достигли-таки частично поставленных целей. Они смогли навязать русентийцам ближний бой. Кадеты и мобилизованные стреляли, высовываясь из-за углов зданий. Беливеры без устали поливали пространство перед собой, повышая фон. Ребята-русентийцы уже набрали дозы, с которыми их отправят в госпиталь. Фанатики тоже, но их это не волновало — они настраивались сегодня умереть.

Андреев со своими людьми был в трёх улицах от командного центра и готовился отступать дальше. Он потерял ещё одного кадета и сразу двоих местных.

— Когда ребята отойдут до того здания, дашь им приказ и все вместе бегом к южной стене, — Алекс готовился к худшему повороту.

— Спидер?

— Сразу тронуть побоятся, помнят про взрывы. Управлять им смогу дистанционно.

— Хиванец?

— Пусть поступает как хочет. Думаю, что он свалит ещё раньше.

У хиванца было другое мнение. Все шестеро пока живых спартанцев, включая его охрану, присоединились к русентийцам и довольно эффективно принялись за методичное истребление

фанатиков. К сожалению, и ответный огонь нередко оказывался точным. После очередного отступления, с Андреевым оказалось всего трое кадетов и ни одного местного. Спартанцы потеряли троих.

— А ну-ка, ну-ка! Отзови их к центру, Зернов! Мысль есть, — Алекс злорадно уставился на экран сенсора. Капитан выполнил требование разведчика, не понимая его смысла. За кадетами к центру устремились и спартанцы.

— Выходим, рассредотачиваемся, ждём команды! — Алекс перестал скрывать, что реально обороной командует он, а не Зернов.

Двенадцать русентийцев, три спартанца и неожиданно присоединившийся к общей компании хиванец — иными словами, все оставшиеся на ногах защитники лагеря — затаились южнее здания командного центра. Стрелять по первым показавшимся фанатикам Алекс запретил. Когда врагов в поле видимости оказалось больше, миниспидер Алекса, мирно стоявший у входа в центр, внезапно тронулся с места и медленно поехал на фанатиков. А те выскакивали как тараканы из щелей, бешено кричали и поливали машину из импакторов. Инстинкт самопожертвования гнал несчастных к миниспидеру, который они после двух опытов у северной стены воспринимали как передвижную бомбу. Каждый из фанатиков мечтал стать тем, кто ценой жизни остановит страшную придумку русентийского военного гения и спасёт товарищей. В результате, у миниспидера толкались практически все прорвавшиеся в лагерь беливеры.

— Все собрались? А теперь вперёд бегом и огонь очередями!

Приманка сработала на отлично. Увлечённые миниспидером, фанатики вчистую прозевали контратаку. После того, как толпа у машины была полностью перебита, русентийцам и спартанцам оставалось только аккуратно и осторожно зачистить территорию и добить последних из беливеров.

— Не знал, что в личных миниспидерах есть система самоликвидации, — обратился к Алексу отдышавшийся Зернов.

— А у меня её и не было.

— Блефовать научился, мальчик? А что будем делать теперь?

— Следующий пункт программы — солдаты беливеров. На закуску наши маленькие спартано-хиванские друзья.

— А давай-ка сначала подобьём Капитановы зубы. Там у пятна нас было шестнадцать против семнадцати, и пятеро в плену. Начни мы перестрелку, потеряли бы пятерых и вырвались на волю. Ты решил по-другому…

— Не пятерых, могли бы больше… Подожди! Я решил?

— Ты решил, ты и никто иной, — Зернов искренне видел

теперь в Алексе сосредоточие всех ошибок и просчётов, допущенных русентийцами. — И теперь нас двенадцать, потеряли девятерых. И у нас ещё два пункта программы. Не забывай, мальчик!

— Капитан, нужно решить вопросы с обороной, беливеры близко.

— Не ускользай с темы! Если решились бы мы на перестрелку, то этот Капитанов хиванец был бы убит. Да, убит, я бы лично его поджарил. А ты ведь не хочешь, чтобы он умер, да?

— Капитан Зернов! Успокойтесь!

— А я тебе скажу, почему ты не хочешь. Коврадскому сообщили про хиванского шпиона Н.З. Ника Звару. И ты в доле. И у вас тут рандеву с этим… как это у вас называется? резидентом. И Коврадского поэтому ты погубил, потому что он знал…

— Капитан Зернов, не идиотничайте! Хиванский шпион Н.З. был казнён, и мой брат никак не может быть мёртвым хиванским шпионом. Послушайте, капитан, ему всего девять лет!

Зернов помолчал, затем другим, спокойным тоном перешёл к деловому обсуждению — где расположиться, откуда ждать новой угрозы, что делать с союзниками?

Двое кадетов отдыхали, привалившись к стене домика, в мирное время бывшего жилым. К ним медленно подошли двое спартанцев, импакторы за спиной и смотрят в небо. Один из ребят приветственно улыбнулся — враги, конечно, но только что сражались с ними рядом. Спартанцы синхронно выдернули ручные лазеры и выстрелили русентийцам в головы. Про лазеры многие забывают, даже Алекс в Сильфонте не был исключением. Кадеты беззвучно упали на землю, только глаза у улыбавшегося успели широко распахнуться.

Хиванец предпочёл переставить местами пункты в программе Алекса. А заодно и немного сократить численный перевес русентийцев.

— «Алекс!» — мысленный голос прозвучал по-особенному виновато. — «Извини, меня, кажется поймали».

— «Ты где?».

— «Ведут к нашей машине».

Алекс сорвался с места. За ним рванулся и недоумевающий Зернов, пытаясь на ходу выяснить, что случилось. Не добежав до миниспидера, Алекс резко затормозил. Мажор тащил брата к машине, прикрываясь им и приставив к голове мальчика «восьмёрку». Рядом с ним, нацелив «восьмёрку» на Алекса и капитана, пятилась толстушка.

— Спокойно, спокойно, всё будет хорошо! Никто не пострадает. Мы уедем отсюда, и я его отпущу, — призывавший к

спокойствию мажор сам был взвинчен, но участие в избиении фанатиков в последней контратаке сильно подняло его самооценку, и теперь по крутости он готов был поспорить даже с Капитаном.

— А я думал, ты нормальная. Вот за твою подругу был не уверен, — Алекс обратился к толстушке.

— Патриотка Капитанова она была. Сказала, что будет здесь сражаться за Русенту, хи-хи! Теперь будет гнить вечно, — толстушка осклабилась, и всем стало ясно, что она и в самом деле уродлива.

— Молчи, дура! — мажор не хотел, чтобы об убийстве девушки узнали прямо сейчас, он разыгрывал историю с обычным побегом.

— А ты ведь его не отпустишь, нет, не для того поймал. Тебе он что пообещал? — Алекс выделил нажимом в голосе местоимение «он», и мажор его понял.

— Положение, достойное моему уровню. Поместье, детей без ограничений, пожизненную ренту. И главное, нигде работать не надо, не то, что в этой солдафонской Русенте.

— Знаешь, но главный дурак здесь ты. И дадут тебе награду, достойную предателя.

Мажор замялся в поисках достойного ответа. Справа раздался хлопок, сын мамы-генетика, подкравшийся неслышно, выстрелил в мажора, но промахнулся. Мажор резко присел, а толстушка, крутнувшись на месте, развалила курносому кадету голову — оказывается, она умела очень метко стрелять. Ей это не помогло, её наповал уложил Андреев.

Алекс… Алекс сделал то, что его товарищи по самоубийственной миссии в Сильфонте должны были сделать, дабы загладить его промах при первой атаке червей. Старший брат выстрелил из ручного лазера сквозь тело младшего, пучок пришёлся мажору точно в лоб.

Ник сперва не почувствовал боли, затем сказал: «Спасибо, Алекс!», схватился за низ живота и упал, скорчившись. Через мгновение Алекс оказался рядом с ним.

— Потерпи, сейчас, сейчас! Обезболивающее… вот так, нормально. Так, отверстия залепим. Капитан, помогите! Сейчас, сейчас… Всё порядке, в госпитале залатают нормально, по-человечески. Всё будет хорошо!

— Алекс… я не думал, что они… ну, что они предатели… Извини, я подвёл тебя.

— Всё в порядке, брат, всё будет в порядке.

— Поднимайся, разведчик, — голос Зернова прозвучал торжественно. — Пойдём разбираться со следующим пунктом

твоей программы.

Глава 6

С Ником в командном центре остался старый пограничник, пообещав снести голову к Капитановой заднице любому, кто туда сунется, будь то спартанец, хиванец, беливер или вообще какой-нибудь чужак. Остальные разбились попарно — Алекс с Силачом, Зернов с Андреевым, и отправились на поиски врагов.

— Спартанцев трое, и хиванец, — определил масштаб задания Зернов.

Армейцы прочёсывали северную часть лагеря, разведчики — южную.

— Ну и где эти твари? — Силач горел желанием расплатиться с теми, из-за кого был ранен Ник. Он вряд ли сформулировал это вслух, но переход из Сильфонта пробудил в бывшем дронийце какие-то странные, неведомые ему доселе ощущения. Иногда теперь Силачу хотелось жить в доме, с супругой, с детьми, обязательно много детей, и обязательно, чтобы была пара мальчиков, и чтобы они были похожи на Алекса и Ника. Потом он напивался, и всё проходило. Но ранение Ника он воспринял как покушение на собственного сына и намерен был за него отомстить.

— Спокойно, не спешим. Давай за угол. Теперь я. Справа прикрывай. Умеешь направление по часам определять?

— По цифрам, что ли?

— По старым часам, Силач. Такие теперь только у модников богатых, называется антиквариат, или ретро-стиль. Потом научу. А у вас направление задавали, в Сильфонте?

— Рукой махали.

— А-а, самый надёжный способ. Тут проверяем. Не шуми!

— Алекс, он, в смысле, Ник, останется в лучшем мире?

— Силач, ты ведь умеешь говорить по-человечески. Я дал ему наркотик. Слабый. Он будет спать. Дал весь комплект первой помощи, воспаление прямо сейчас ему не грозит. Но чем быстрее доставим брата в госпиталь, тем будет лучше.

— Прямо скажи, что думаешь.

— Думаю, что сейчас мы ещё минут десять потратим на проверку лагеря. Потом, найдём мы их, не найдём, возвращаемся к миниспидеру, загоняем в него всех и прорываемся в Югопорт.

— А хиванец?

— Ещё встретимся, уверен. Он специально ищет меня.

— Да? А почему?

— Дурак какой-то. Вбил он себе в голову какую-то фигню. В общем, будет возможность поквитаться, а сейчас и времени нет, и

я боюсь солдат. Если они вдруг вылезут сейчас, мы с ними надолго завязнем.

Со стороны командного центра раздались хлопки. Алекс с Силачом повернули в сторону — перебежками, понимая, что враг может караулить их по пути.

— Зернов?

— Надеюсь. Оружие у погибших кадетов никто ведь не собрал, — Алекс нахмурился. Новая ошибка и новая напасть, спартанцы могли воспользоваться «восьмёрками» погибших русентийцев. — Надо деду сказать.

Предупреждение запоздало. Старый пограничник, услышав на улице подозрительный шум, выглянул и упал замертво. Диверсант удовлетворённо осмотрел давно желанное оружие: «Да, это не импактор! Обоймы к нему ещё бы где взять?». Пограничнику до отставки было восемь месяцев и тринадцать суток. Пусть он не любил Алекса, пусть он не хватал с неба звёзд, пусть при обороне лагеря он ничем не отличился — но он был русентийский военный, и в его честь потом прогремит салют. Он погиб в бою, а значит, он герой.

Разведчики и армейцы вышли к командному центру, привлечённые хлопками выстрелов, практически одновременно, но с разных сторон. Спартанца, убившего деда, снял Андреев. Остальных не было видно, но в миниспидере явно кто-то уже сидел, потому что машина рванула с места, набрав максимальную скорость — водителя и пассажиров должно было практически размазать, а потом снова собрать.

— Стреляй! — заорал в коммуникатор Зернов, а последний его кадет попытался поразить движущуюся цель навесом, неудачно. Алекс не реагировал, и скоро стало ясно почему. Миниспидер поравнялся с воротами лагеря и раздался взрыв, столь же мощный, что и при самоликвидации армейских спидеров. Лагерь имел прямоугольную форму, не квадратную, восточная стена была длиннее северной, и только поэтому она развалилась не вся, а частично. Но ворот у лагеря больше не было. Да и нужда в них полностью отпала.

— А говорил, что нет системы самоликвидации, — Зернов получил возможность пообщаться с Алексом только после того, как тот убедился — брат на месте, в командном центре, спит.

— Я блефовал.

— Ещё пара очков в досье, мальчик, — голос капитана стал неестественно весёлым. — Ты просто кладезь талантов. Снимаю шляпу!

— Что-что вы снимаете? — от удивления закашлялся Алекс. Дело в том, что шляпой в Русенте с недавних пор стали

называть… Впрочем, это совершенно неважно, потому что Зернов коротким хуком ударил Алекса в лицо, сбив мальчишку оземь. И тут же замер под дулом «восьмёрки» Силача. Андрееву вступить в игру не дал Алекс, из положения лёжа с силой лягнув кадета в колено до хруста, а потом и взяв его на прицел.

— Такой прикол я знаю. Ну, что на этот раз, капитан?

— Всё то же. Вы хиванские шпионы, — Зернов отвечал устало, как будто в сотый раз повторял «нет» капризному ребёнку, выпрашивающему дорогую игрушку.

Простое, продолговатое лицо, морщины, густые брови, непременные усы… Типаж, про которого говорят «Настоящий мужик». Он не обидит слабого, поднимет упавшего, поддержит застольную беседу, послужит каменной стеной для супруги, детей и родителей. Почему он зациклился на мнимом предательстве Алекса и товарищей? Возможно, капитана Зернова подломила гибель почти трёх десятков кадетов, за которых он нёс ответственность? Но в досье офицера горели две звёздочки, два боя — значит, смерть он видел. Может быть, сработала юношеская страсть к делам разведки, в которой у него «не получалось»? Или всё проще, и капитан банально растерялся, переложив управление боем сначала на майора, а потом на Алекса, а теперь подсознательно хотел устранить последних свидетелей? То есть, и в самом деле сюда, под Югопорт, кто-то могущественный слил весь людской брак для утилизации, равно как старая пьяница Годвинсон шлёт на убой свои человеческие излишки?

Алекс мог бы добиться от Зернова ответов, или хотя бы попытаться их получить. Но только не сейчас, когда рядом без сознания лежит брат, не родной, но ставший родным для Алекса, в чьей жизни настоящих родных не было.

— Капитан, был бы ты толковым, стал бы майором и работал бы шлагбаумом, — бородатую шутку Алекс выдал с фальшивым задором и снова стал серьёзным. Вытер кровь с разбитого рта, пересчитал пальцы на руке, не отводя «восьмёрки» от тихо стонущего Андреева (парень может остаться калекой, если не доберётся в ближайшее время до врачей).

— В общем так, капитан. Прощаю тебя в последний раз. Оружие на землю!.. Да, вот так, аккуратнее, не дёргайся!.. Андреев, теперь ты. Да, и лазер тоже. Теперь поднимайся. Медленно! Знаю, что больно, что очень больно, но ты меня убить хотел. Зернов, подойди к нему! Обопритесь друг на друга. А теперь медленно, но неотвратимо идёте оба к выходу и оттуда пешочком в Югопорт. Вернётесь — убью. Встречу до границы — убью.

Офицер и кадет безропотно подчинились распоряжению Алекса. Когда они скрылись из виду, Силач тихо спросил:

— Они не дойдут? Умрут?

— Дойдут и будут жить долго и счастливо… Силач, не задавай глупых вопросов. Я дал им шанс, хотя и не стоило этого делать.

Зернов понимал, что путь до пограничного блокпоста — без оружия, без транспорта, с кривящимся от боли и способным в любой момент потерять сознание изувеченным кадетом — выйдет архисложным, а результат никем не гарантирован. Бросив Андреева, он повысил бы свои шансы. «Нет, я так не поступлю. Я приведу домой отряд. Все узнают про хиванских подлецов», — вертелось у него в голове. На самом же деле, Зернову требовался свидетель, который подтвердит перед комиссией его версию событий, но признаваться в постыдном капитан не стал даже мысленно.

Углублённый в героические мысли капитан и еле живой от боли кадет не заметили, как за их спинами выросли две тени. Два удара, и два тела упали на землю. Человек перевернул одного, второго, выдвинул на пару миллиметров вперёд нижнюю челюсть и тихо сказал спутникам: «Это не он». Говорил он так, как будто одновременно жевал жвачный пакет.

Нападавшие развернулись и исчезли. Они были одеты в сине-коричневые куртки и коричневые штаны, на двухцветных сине-коричневых шлемах красовался знак — стилизованный крест, покрывающий массивный круг на горизонтальном постаменте. Но в отличие от фанатиков, на левом плече у них можно было рассмотреть различные комбинации из квадратиков, треугольников, кружков и прочих геометрических фигур непременно белого цвета. Комбинации соответствовали званиям в частях специального назначения Верующих в Господа.

Силач нёс Ника на руках перед собой, голова мальчишки безжизненно болталась. Алекс прикрывал отход, с особым вниманием поглядывая в сторону залежей мёртвых фанатиков — вдруг кто-то из них случайно выжил? Прорываться в сторону границы разведчик постановил на последнем не взорванном армейском спидере как транспортном средстве более надёжном по сравнению со штатским дынным миниспидером.

В разгромленном лагере и его окрестностях лежали неубранными сотни трупов — кадеты, офицеры, гражданские, фанатики… Пусть это прозвучит цинично, но Алекс о них не думал. Может быть, сердце мальчишки ожесточилось год назад после страшного разгрома сильфонтской колонны и ещё более жуткой смерти виновных в этом спартанцев. А на самом деле,

может быть, всё дело в том, что мысли юного разведчика занимал умирающий брат. Вслух Алекс никогда бы не признался, а подглядывать внутрь его сознания было бы неприлично.

Силач раскрыл транспортный шлюз спидера и посторонился, давая дорогу Алексу и его ноше. Но зайти внутрь Алекс не успел. Хлопок, запах жареного мяса и озона и сдавленное мычание лысого здоровяка-дронийца, севшего на землю и с детским удивлением рассматривавшего то место, где должна была быть его правая рука — должна, но оторвалась после меткого выстрела. Страшный человек хиванец не только не стал садиться со спартанскими диверсантами в миниспидер братьев, чьи обломки смешались с обломками восточной стены, но и успел позаимствовать «восьмёрку» у кого-то из убитых русентийцев.

Минута-другая, и Силач свалится от болевого шока и потери крови. Если хиванец возобновит соревнования по софизму, то Алекс останется с ним один на один.

Разведчик повернулся нарочито медленно и внешне как ни в чём ни бывало спросил:

— Я положу его? — кивок на Ника.

— Нет! Ты отдашь его мне!

— Ты догадался?

— Да! Странное — мальчишка.

— А ты умён, хиванец. Ты ведь нарочно не сел в минис…

— Минис?

— Миниспидер. Учи наш язык лучше, на разговорных оборотах засыпешься. Так ты догадался, что я не отпущу минис из лагеря?

— Не люблю использовать незнакомые мне вещи. Пять шагов вперёд, нагнись и аккуратно отпусти странного мальчика на землю!

— Ты не стреляешь в меня, потому что боишься зацепить Ника? Я угадал? А ты не боишься направлять на меня незнакомое тебе оружие?

— Что? — хиванец впервые за всё время короткого разговора, в котором противники не произносили, а буквально тараторили слова, проявил признаки растерянности. Внезапно он вспомнил во всей красе, что случилось со спартанцами, рискнувшими дотронуться до «восьмёрки» разведчика русентийцев, погибшего у кратера Гарланда. Но ведь здесь, в лагере, такого не повторялось, да и самоподрыв личного оружия стал бы для Алекса и его друзей самоубийственным?

Хиванец был прав и неправ. Механизм самоликвидации в свои «восьмёрки» закладывали обычно только разведчики, и то не всегда. Цепляя противника словами, Алекс в то же время отдавал

экземпляру личного оружия, попавшему в руки врага, мысленные команды на исполнение хоть какого-либо защитного действия, но пока не преуспевал. Майор Коврадский, снаряжая кадетов в поход, сэкономил буквально на всём и по возвращению в Югопорт его ждал бы трибунал — непременно ждал, если бы майор не погиб в первом бою с фанатиками.

Надо признать, что Алекс был близок к отчаянию. Обернуть «восьмёрку» хиванца против него самого не получалось, время утекало, Силач был почти в обмороке, усыплённый Ник медленно умирал на руках у брата. Оставалось единственное — сделать вид, что подчинился приказу врага, и решиться на личную схватку. Алекс шагнул вперёд… Между разведчиком и хиванцем вспыхнул белый луч импактора, хиванец и русентиец отскочили назад, подальше друг от друга и поближе к укрытиям и повернулись в сторону новых противников — трёх или более десятков беливерских спецназовцев. Элитные бойцы фанатиков стреляли из импакторов беспорядочно, но непрерывно. Их командир довольно улыбнулся — сражение при лагере «Загранское озеро» подходило к логическому завершению, и обладателем суперприза становились Верующие в Господа.

Внимание Алекса было приковано к Нику и Силачу, которых нужно было укрыть от шквальной бомбардировки заряженными частицами. Оправдание слабое, но единственное. Оправдание, потому что юный разведчик пропустил пренеприятнейший подарок от хиванца — очередь из «восьмёрки», влетевшая в раскрытый транспортный шлюз спидера. Хлопки, запах… «Как неудачно!» — пронеслось в голове у парня. Хиванец сумел повредить что-то из оборудования спидера, и теперь беспомощная машина транслировала одному лишь Алексу доступный аварийный сигнал: «Движение невозможно!». Разведчик, наверное, смог бы устранить неисправность, но не под лучами импакторов, прошивающими учебную броню спидера и с каждой секундой повышающими внутри транспортного средства фон.

Алекс забросил Ника под спидер, потом затащил туда почти бессознательного от боли дронийца. Тащил пятками к беливерам и лицом вниз, как и написано в военных учебниках Русенты, минимизируя радиационное воздействие на мозг, брюшную полость и гонады. Ступни Силачу, вероятно, отнимут в госпитале, но биопротезы русентийских докторов почти совершенны, да и до госпиталя ещё требовалось дожить.

Вытащив брата и друга на другую сторону спидера, Алекс открыл ответный огонь — навесом, по показаниям персонального сенсора, одновременно прислушиваясь к тому, что происходит в направлении хиванца. Тот также огрызался по беливерам, но реже

русентийца, хотя и столь же удачно. Судя по всему, для хиванца опыт обращения с «восьмёркой» был не первым — деталь, полезная для обшей информационной картины, но абсолютно ненужная в данный конкретный момент.

Экс-дронийцу Алекс вколол полный набор медикаментов и одним движением прижёг культю, остановив кровопотерю. Лекарства и крепость организма Силача помогут ему сохранить сознание ещё на сколько-то минут, но дальше заработает наркотик, и лысый здоровяк уснёт так же, как и Ник. Но за эти минуты трое наших героев должны успеть укрыться на удалении от спидера, и Алекс попытается применить свой коронный приём — подорвать машину, уничтожив всех или большинство нападающих. Таков был план.

— Капитановы пятки! — Алекс бессильно выругался. Казалось, он наконец заплачет. С той стороны, куда они хотели отойти или, скорее, отползти, сенсор показал три десятка новых враждебных точек. Спецназовцев становилось всё больше, и они окружали свои жертвы. Ещё одна группа приближалась к месту, где спрятался хиванец. Последнее остававшееся свободным направление тоже перекроют с минуты на минуту.

— Всё-таки нас достали, Силач! — разведчик виновато посмотрел на раненого товарища, продолжая при этом вести навесную стрельбу. Беливеры заплатят за победу дорого, половина первой из атаковавших групп уже отошла к высшим силам, если таковые существовали в действительности, а не в воображении Годвинсон. Но у спецназа явно были резервы, и новые противники занимали места убитых.

— Ч-ч-ч-что это? — с трудом прохрипел Силач. Мальчик скосил взгляд на сенсор, куда показывал раненый, и обомлел.

Если верить показаниям сенсора, то… А не верить им не было оснований, да и помощь более не требовалась. Водный мозгочервь, морская тварь, водоларкер — все эти названия относились к огромному существу, вылезшему на берег и нацелившемуся на людей.

Водоларкер внешне выглядел как гигантская змея — особь, напавшая на лагерь, была с полсотни метров длиной и весом несколько тонн. Передвигался водоларкер гармошкой — сначала собирал тело кольцами у хвоста, затем отталкивался кончиком хвоста и, удерживая его на месте, резко бросал тело вперёд. Потом подтаскивал хвост, и цикл повторялся. Скорость он развил приличную, пешком от него не убежать.

Но, самое главное, так же, как и черви, водоларкер умел атаковать ментально. Алекс в буквальном смысле слова физически чувствовал бешеные удары, которые хищник наносил

по людям. Не будем скрывать, появление водной твари должно было поставить точку в сумасшедшем побоище вокруг лагеря на Загранском озере. Разумы беливеров были полностью парализованы, стрельба с их позиций прекратилась. Даже у Силача остекленели глаза, а по подбородку потекла струйка слюны; заученным в своё время движением Алекс погрузил старшего товарища в беспамятство — единственное, что он мог для него сделать. Хиванца не было ни видно, не слышно, но одолеть водоларкера в одиночку он бы тоже не смог.

Алекс как единственный из людей, кто мог ещё контролировать свои действия и не поддался ментальной атаке, приготовился встретить хищника достойно. «Шкуру я ему успею попортить», — подумал мальчишка и…

* * *

…и очутился посреди поля, покрытого до горизонта тёмно-розовыми кустами фунгуса. Насколько было видно, кроме Алекса, здесь не было ни единой живой души.

Разведчиком овладела паника — без защитных средств, хотя бы без дыхательной маски он протянет недолго. Азот, выделяемый фунгусом, убивал быстро и незаметно. Укрытий не было. Алекс присел и приготовился умереть. Секунды тянулись долго, а он всё ещё оставался в живых. Слегка успокоившись, мальчик попытался подыскать объяснение: «Грёзы умирающих при атаке водоларкера?».

«…земно-Алекс… пришёл ты сюда… не должен ты… в раздумьях мы глубоких», — голос в мозгу мальчика был неестественно ровным, без интонаций. У него не было индивидуальности, чем он отличался от словоформ русентийских телепатов. Принадлежал он… возможно, женщине, а может, и мужчине. Но суть была не в этом. Главное, что с Алексом кто-то мысленно разговаривал.

— Капитановы рёбра! Это сильное галогенство! — разведчик произносил слова вслух, но слышал их только мысленно. «Точно, это грёзы, и меня сейчас убивает водоларкер!».

«…слов таких не понимаем мы земно-Алекс… учимся мы… странные вы».

— Ты… вы… кто такие вообще?

«…не должен слышать ты нас… быть в этом месте не должен ты… странный ты».

— Ещё один искатель странного нашёлся! Давай, говори — на самом деле, меня заборол водоларкер, я пускаю пузыри и

сейчас он меня сожрёт!

«…заборол?… новое слово… тот другой не мыслит так… мальчик зовёшь ник его вернёшь людям его ты… поможем тебе мы».

— Эй, подожди! Не знаю, что ты или вы за бред, но помогай тогда вернуть и Силача… такого лысого и без руки, он рядом со мной валяется.

«…странный ты… глупо просишь ты… поможем».

Голос пропал, его сменил нарастающий звон. Алекс схватился за голову… и увидел, что стоит на дороге, держа в руках Ника. Рядом с ним в полном непонимании озирался Силач — он был в сознании и, кажется, не испытывал боли, но новой руки у него всё-таки не выросло.

— Что это за…! — Капитан содрогнулся бы, услышав, что ему предлагал сделать лысый калека.

— Сам не понимаю. Но, если я сориентировался правильно, по дороге в ту сторону через пять-шесть километров пограничный блокпост. Давай, ноги в руки… в руку, — поправился Алекс, — и пошли, пока ещё что-нибудь не случилось.

Первые сотни метров товарищи преодолели молча. На горизонте появился спидер, по форме — спидер русентийской пограничной охраны. Боясь поверить, что всё закончилось, Алекс и Силач шли навстречу грозной машине.

Немного не доехав до друзей, спидер остановился. Из него выскочили бойцы-пограничники. Старший, точнее, старшая, потому что это была женщина или даже девушка, рявкнула: «Стоять, не двигаться!».

— А знаешь, Силач, что действительно странно?

— Что?

— Это ведь первая женщина за всю поездку на озеро.

Силач повернул к Алексу голову, посмотрел на улыбающегося разведчика и вдруг расхохотался. Громко, оглушительно, по-хозяйски, не обращая внимания на удивлённых пограничников.

SMAX-3
Историк

«SMAX-3. Историк»
Тайное становится явным. Завершение истории.

Глава 1

Посадку в пункте назначения пассажирский рейсовый гравилёт совершит через три минуты, пора выходить из сладких кибердрём и готовиться к выходу. А сгрудившемуся у стены-иллюминатора хиванскому семейству и просыпаться не надо, почти весь полёт оно простояло на ногах, восхищённо разглядывая то облака, то пейзажи. И трудно сказать, у кого рты были открыты больше — у трёх абсолютно неразличимых клонов-мандаринчиков лет десяти или у взрослой части группы, представленной круглолицым невысоким папашей с причёской «кустик на макушке, а вокруг зеркальная пустыня» и ещё более низкого роста мамашей; голову она прикрывала треугольной шапкой, так что узнать, какие причёски ныне в моде у хиванских матрон, было невозможно.

«Бедняги! Мальчишки им проходу не дадут, экзотика!» — подумал молодой человек, единственный, кроме хиванцев, пассажир второго салона гравилёта. Направление, откуда они летели, популярностью не пользовалось. Для большинства хиванцев билеты на гравилёт стоили целое состояние, а русентийцы почти не посещали хиванские базы.

О том, что посадка произошла, узнать можно было двумя способами — по надписи на большом информационном табло и по превращению вида в иллюминаторах из динамического в стационарный. Проще говоря, посмотреть в иллюминатор и увидеть, что мы больше не движемся. Молодой человек воспользовался первым способом, поднялся из кресла, прихватил ручной кейс и встал на движущуюся дорожку по направлению к выходу. Попутно махнул рукой папе-хиванцу, приглашая проследовать за собой — недотёпа из захолустья не понимал, что теперь делать, и был близок к панике.

База, в аэрокосмическом комплексе которой сел гравилёт, называлась «Аш-7». В официозных документах добавлялось ещё множество высокопарных слов, но даже сами жители базы их не запоминали и не интересовались ими. Много лет назад база принадлежала Человеческому Улью и именовалась длинно и вычурно. Но хиванская цивилизация была разгромлена, и её остатки Русента взяла под своё крыло — часть уцелевших баз была включена в состав русентийской территории, а из остальных было сформировано практически бесправное вассальное государство.

База «Аш-7» была из первых, то есть, из включённых. Ей сохранили хиванское имя, но добавили к нему номер, который

вскоре и вытеснил хиванскую часть названия. Быстро растущее население базы составляли, в основном, русентийцы. Отличить от них немногих потомков хиванцев сегодня было нереально, так как они все поголовно прошли через генетические модификации.

Среди десятков стандартных и похожих друг на друга как клоны баз в регионе база «Аш-7» выделялась одной особенностью. Это единственная база, с которой уходили пассажирские рейсы в хиванские поселения. И поэтому у неё имелись пост пограничного контроля и даже таможня, куда и привезла дорожка нашего героя.

Первая формальность при прохождении контроля — торжественная (для неофитов) или будничная (для опытных путешественников) регистрация в Ексе, единой кибернетической системе Русенты. У школьников с их возрастной тягой к пошлостям было популярно сокращение Ексер, но у взрослых подобное святотатство не поощрялось. Сильно не поощрялось.

Регистрируясь в системе, гражданин подтверждал своё возвращение из дальних странствий под крыло глобальной кибернетической мамы, сестры, подруги, помощницы и так далее. Считалось, что Екс за границами Русенты не функционирует. Считалось… А как дело обстояло в действительности, мало кто хотел бы знать.

На молодого человека с контрольного голографического терминала несколько секунд смотрел его объёмный портрет. Худощавый, но не слабосильный, короткие прямые светлые волосы, продолговатое лицо без признаков бороды, но с намёком на будущие усики, прямой нос, зелёные глаза.

Пограничник, по совместительству он же и таможенник, был ровесником путешественника и пока ещё не утратил способности удивляться в открытую.

— Кондратий Каратов, историк, прибыл из…, - далее последовало перечисление всех слов, составлявших название хиванской базы. — Что, у хиванцев есть история?

— История есть у всех, даже у хиванцев, — молодого человека, чьё имя мы только что узнали, вопрос пограничника не смутил.

— И она достойна изучения? И командировки в хиванскую глушь?

— В этом мире всё достойно изучения. А командировки… что же, там есть, чем развлечь себя.

Последние слова Кондратия помогли пограничнику составить цельную картину. Он ухмыльнулся правым уголком рта и что-то отметил на своём терминале. На вопрос о таможенном досмотре офицер только махнул рукой: «Да что вы оттуда могли такого притащить!». Но зато не преминул напомнить о необходимости

зайти в центральный пункт полиции, рассказать о поездке и, возможно, ответить на какие-нибудь вопросы.

Отпустив историка, пограничник с явным неудовольствием переключился на хиванскую семью. Дело обещало быть долгим, старший хиванец уже почти ухитрился засунуть свой пластиковый паспорт Человеческого Улья в терминал Екса. Почти, потому что терминал был голографическим, то есть, не материальным.

У выхода из комплекса Кондратий остановил автоматическую капсулу общественного транспорта и без запинки назвал адрес полиции. Историк торопился как можно быстрее покончить с обязательной программой.

В старые времена бал в Русенте правила армия. Умники со злыми языками утверждали, что ещё раньше никакой армии не было, а совсем давно в качестве если не армии, то вооружённых отрядов у первых колонистов планеты выступали люди, основавшие Спартанскую Федерацию. Но мнение умников никого не интересовало, кроме них самих.

Итак, сначала была армия, потом от неё отсоединилась разведка. Две наиболее могущественных организации Русенты насмерть сражались с внешними врагами, а в периоды отсутствия оных также отчаянно грызлись между собой. Обычные граждане армию любили (и по закону, и по велению дущи), разведку деликатно старались не замечать.

А потом случилось страшное — Русента победила.

Уставши мучаться с ненадёжными летательными аппаратами и медлительными морскими судами, русентийские лабораторные гении открыли принцип антигравитации. Новые гибридные машины могли плыть, ездить и летать с минимальными расходами топлива. Невиданные для планеты скорости гравилётов нивелировали главное оружие неприятелей Русенты, а именно, большие расстояния, отделяющие их базы от русентийских границ. Летучие отряды серийных военных гравилётов «А-74» безнаказанно громили поселения противников, и в конце концов догромились. Врагов, представлявших для Русенты сколь либо значимую угрозу, не осталось, и армия с разведкой оказались не у дел.

Свято место пусто не бывает. Граждане глазом не успели моргнуть, как бывшие военные и разведчики плавно перетекли в некогда захудалую, а ныне контролирующую всё и вся полицию. Внутренние враги пропали вслед за внешними, полиция просто обеспечивала закон и порядок. И горе тому, кто помогал полиции в этом благородном деянии спустя рукава!

Центральный пункт полиции занимал самое высокое здание

базы «Аш-7». Отдел контроля за территориями вне сферы функционирования Екса оккупировал семнадцатый и двадцать девятый этажи. Не надо спрашивать, почему не подряд, в полиции не любят вопросы и вопрошающих. Историка Кондратия Каратова ожидали на двадцать девятом.

— Ваша бриллиантовая научная работа во благо Русенты достойна всяческого восхищения! Восстанавливать прошлое забытых цивилизаций — что может быть прекраснее? Мы тут тоже в какой-то степени ваши коллеги, роемся в архивах, радуемся редким находкам. Но вы, уважаемый Каратов, дадите нам тысячу кредитов форы.

Льстивое приветствие невысокого и простолицего толстячка не могло обмануть Кондратия. Он знал, что полицейские офицеры обязаны похвалить собеседника в превосходных выражениях, прежде чем переходить к неприятной части разговора.

— Могу я полюбопытствовать, как послужила командировка прогрессу ваших изысканий по истории Человеческого Улья?

— Безусловно можете, офицер. Я специализируюсь по проблематике военного сотрудничества Улья и Федерации…

— Я знаю, — прервал его полицейский и слегка прошёлся по паре недавних публикаций Кондратия. Очень малоизвестных публикаций. Фактически, коротких эссе, доступных только в киберсети одной лаборатории гуманитарного уклона.

— Приятно встретить специалиста, — Каратов церемонно поклонился.

— Меня интересует частный вопрос, связанный с предполагаемыми военными контактами конца лучевого периода, — продолжил историк. — Это эпоха возвращения от лучевых технологий к материальным… Впрочем, зачем это объяснять вам, практически моему коллеге по глубине проникновения в тему?

Толстячок не похвалу не отреагировал, вступительная часть беседы с комплиментами закончилась, шёл деловой разговор.

— Удалось ли вам обнаружить что-либо полезное для ваших исследований?

— Практически ничего, что не было бы известно. Архивы в ужасном состоянии, ювенилизация у хиванцев не распространена, то есть, найти свидетеля современника нереально. Но попалась одна зацепочка.

— Любопытно, — полицейский подался вперёд, почти уткнувшись носом в Кондратия.

— Очень зыбко, в основном, мои домыслы. Я отметил в своём отчёте о командировке… да-да, в этой секции… немного ниже.

Увидели?

— Вы планируете проработать зацепку?

— Да. Как только наш разговор закончится, я отправлюсь в Островград.

— Так вперёд, молодой человек! Дерзайте во имя науки! — офицер принял нормальное положение и расслабленно улыбнулся, давая понять, что считает собеседование закрытым.

Едва Кондратий покинул здание, в кабинет к толстяку по-хозяйски молча вошёл другой молодой человек. Точнее, ювенилизированный. Если историку был двадцать один год чистыми, то есть, биологическими, то у нового персонажа за плечами, несмотря на его внешний вид, скрывалась не одна полноценно прожитая жизнь. Отличить прошедших процедуру омолаживания от чистой молодёжи, как правило, было легко — первых выдавали глаза.

Многоразовый юноша слегка прихрамывал, кажется, что у него были проблемы с левым коленом. Случайный свидетель мог бы удивиться этому обстоятельству — уж такие-то недостатки современная медицина устраняет без следа. Толстяк немедленно уступил ему своё место. Гость быстро пробежался глазами по отчёту Кондратия и глухо приказал: «Строчки от… и до… из отчёта удалить».

Толстяк ни при каких условиях не позволил бы себе ослушаться странного посетителя. Запомнить удаляемый фрагмент — это да, это можно, вдруг да пригодится. Но не удалять его — категорически нет, так офицер поступить не мог.

— Выполню, господин Андреев!

* * *

Добраться от «Аш-7» до Островграда рейсовыми гравилётами легко, всего одна пересадка. Она же способна испортить всё впечатление от путешествия. Если из «Аш-7» рейсы уходили полупустыми, то вылетавший на Островград гравилёт был набит пассажирами как борода Капитана волосами.

Кондратий поморщился, но всё-таки предпочёл оплатить себе люксовую каюту на одного. Поморщился, потому что цена билета хоть и не пробивала бреши в финансах молодого историка, но кредиты есть кредиты, и тратить их никто не любит.

Направление на Островград было перегружено всегда, а отдых на этой базе занимал почётное место в первой пятёрке заветных мечтаний любого русентийского гражданина. Единственная в Русенте, база располагалась на искусственных

платформах в открытом море. На её территории, внутри огромного сооружения обитательного купола, были обустроены морские озёра — вечно спокойные, тёплые, оборудованные зонами для развлечений на любой вкус. Райское наслаждение для жителей суровой планеты!

В аэрокосмическом комплексе Кондратию пришлось снова морщиться, и не единожды. Толпы народа со всей Русенты, очереди к транспортной сети… Короче говоря, пришлось платить и платить, покупая привилегированный проход. «М-да, один полёт в Островград обойдётся мне в десять командировок к хиванцам», — мрачно размышлял историк, удобно устроившись в пассажирской кабине транспортной капсулы типа «Люкс++». Уровень комфорта в капсуле мог поразить воображение даже такого небедного человека, как Каратов. Цена тоже поражала — но другой свободной капсулы, которую не пришлось ожидать более получаса, просто не было.

Небольшой, но уютный особнячок, куда направлялся наш герой, стоял в кварталах для местных на краю Островграда. В цветнике перед входом возилась молодая женщина — точнее, ювенилизированная, или, как их здесь называли, обновлённая. В кресле дремал старик, ещё крепкий, но уже обязанный задумываться, как скопить кредиты на очередное омоложение.

— Он всегда немного тормозит. Я уже снова ягодка, а он всё ещё боровичок, — улыбнулась историку женщина. — Проходите, мы ждали вас.

— Рад познакомиться лично, госпожа… э-э?

— Называйте меня так, как мне привычнее всего — Стерёга. А мой бирюк охотно откликается на фамилию Филимонов.

Лёгкие закуски, прохладительные напитки, свежие фрукты из собственного сада, вежливое предложение остаться до вечера и попробовать рыбы, столь же вежливый отказ со ссылкой на занятость. Всё, теперь можно и поговорить о причине визита.

— Как я вам уже писал, я историк, специализируюсь на хиванцах. Ищу свидетельства их военного сотрудничества со спартанцами в период… м-м-м, скажу по-простому, лет двести назад.

— Один-то точно сотрудничал, — отреагировал Филимонов.

— Да? — неожиданно быстрое подтверждение зацепки, кажется, Кондратия не обрадовало. Наоборот, слова старого разведчика явно создали историку какую-то помеху. Но он решил не сбиваться с составленного заранее плана беседы.

— Очень интересно, и я надеюсь, вы мне подробно расскажете об этом. Ваше свидетельство очень важно. Но у меня по ходу работы возник дополнительный вопрос. Вы ведь были

знакомы с братьями Звара?

— Ах, вот оно что, — протянул Филимонов.

Старик не спеша достал покрытую затейливым узором коробочку (редкая вещь! из дерева!), открыл, вытащил сигарету (настоящая бумага! табак!), неторопливо размял её пальцами, подключил нейтрализатор и затянулся. Историк терпеливо ждал.

— Папа, ты куришь? — попыталась разрядить сгущающуюся атмосферу Стерёга. В ответ Филимонов улыбнулся, а вот Кондратий посмотрел на девушку недоумённо. Смысл шутки был понятен только его собеседникам, историк её не знал, не его период.

— Да, можно так считать. Были знакомы. Я был в дальнем выходе под начальством Алекса Звары.

— В Сильфонте? Бывшей дронийской базе?

— Да, и там же встретил мою жену. Будущую жену. Так что, она тоже видела Алекса.

— Видела?

— Разговаривала. И даже нюхала, — вмешалась Стерёга.

— Выход был неудачен. Погибла целая колонна людей.

— Беженцев. Ну да, людей, — поправился Филимонов после того, как супруга ткнула его в бок острым локтем. — Комиссия не нашла в действиях Алекса… Алекса Звары грубых ошибок или умысла, нас не наказали.

— Наградили?

— Не наказали.

— И в этой истории, как мне удалось построить гипотезу, присутствовали спартанцы и хиванцы. Действовавшие совместно?

— Хиванец. Один хиванец. О нём я и хотел вам рассказать. Мы так поняли, что вы за этим и приехали.

— Да-да, конечно, обязательно вас послушаю, но можно ещё один дополнительный вопрос? Алекс Звара вывез из Сильфонта мальчика-беженца Ника, сделал его своим братом, а он оказался шпионом Улья и был разоблачён и казнён.

— Мы слышали об этом, но только слышали. Никто из нас Зваров после выхода не видел. Ужасно, но что поделать? Никто не подумал бы, что восьмилетний мальчик — шпион.

— Хиванцы практиковали засылку детей к противникам, чтобы те вырастали, встраивались в общество и вредили. Но шпионом оказался и сам Алекс, его казнили вместе с его названным братом.

— Да, и об этом мы тоже знаем. Но в чём ваш вопрос-то? Пока вы не спрашиваете, а повторяете известные вещи.

Историк облизнул губы. От чего-то они пересохли, несмотря на обильное питьё. Руки парня слегка дрожали. Чувствовалось,

что он подходит к главному.

— Вы не думаете, что это была судебная ошибка?

— Нет, разведка не ошибается. К тому же, как говорилось в материалах дела, раскрытых обществу, братья Звара способствовали тяжёлому поражению на юге, когда погибли десятки кадетов.

— Времена меняются, некоторые дела пересматриваются задним числом, и видно, что разведка не всегда была безгрешна.

— Чушь! — Филимонов был раздражён намёком на халтуру его бывшей организации. — Вредная чушь! Не знаю, зачем это делают. Наверное, взятки, пора полиции заняться этими «разоблачителями», — последнее слово старик произнёс с максимально возможным презрением. — Разведка не ошибается.

— Послушайте, господин Каратов, — вновь вступила в разговор Стерёга. — Вы явно хотите нам что-то сказать, но при этом бродите вокруг да около. Я была дронийкой и беженкой из Сильфонта и могу выбрать для вас другой язык, если обычная вежливость вам не доступна. Короче, чубзик, спикай что надо или проваливай отседа!

Как ни странно, Кондратий после вмешательства Стерёги облегчённо вздохнул. Возможно, он действительно нуждался в добром пинке, чтобы перейти к основному делу.

— Хорошо, поспикаю. Итак, я не клон.

— Ну, поздравляю, наверное… Мы как бы тоже не они…

Смущение Филимонова станет более понятным, если взглянуть на ситуацию с клонами в Русенте в целом. Большую часть населения составляли клоны. Точнее, клоны и их потомки, но последних всё равно причисляли к клонам. Без клонирования, в особенности, без новых, относительно недавно разработанных и внедрённых его механизмов, взрывной рост населения государства стал бы невозможен — а правители Русенты добивались именно его.

Конечно, какая-то небольшая часть русентийцев сохранялась в чистоте биологического процесса человеческого воспроизводства — они сами не были клонами, и среди их предков ни одного клона не имелось. В разговорной речи их иногда называли оригиналами, официальная пропаганда внушала вариант «неклон», или, в порядке исключения, «не клон». Любые попытки оригиналов настаивать на своей исключительности пресекались полицией жесточайшим образом, в умы людей с детства вдалбливался тезис о том, что «клон» и «неклон» не более чем мелкое незначительное различие, менее важное, чем, например, разница в росте или цвет глаз.

Поэтому человек, пролетевший пол-Русенты лишь для того,

чтобы тайно признаться другим неклонам в том, что он неклон, выглядел как жертва Капитановой длани. Это в лучшем случае. Филимонов начал сомневаться, а здоров ли психически их странный гость. У Стерёги, как девки боевой, сомнений уже не было, и она приготовилась к заключительной фазе визита, а именно, к выпроваживанию Кондратия за порог — вежливо, если получится.

— Подождите, не спешите, — историк инстинктивно выставил перед собой ладони. — Я не закончил.

— У нас, у историков, — продолжил Кондратий, торопясь высказаться, пока его не вышвырнули вон, — есть профессиональная забава, восстанавливать свою родословную. Кто сделает это глубже и полнее, тот и победил.

Каратов, как следовало из его быстрого рассказа, не избежал участия в подобных соревнованиях. К некоторому своему удовлетворению, он легко вычислил генеалогическое древо примерно до момента внедрения технологий клонирования, и подтвердил для себя, что он не клон. Но потом Капитан дёрнул его зайти в изысканиях дальше в прошлое, что оказалось уже непросто. И всё-таки Кондратий добился результата. И какого!

— Одним из моих предков является Ник Звара.

Как громом поражённые — не те слова, способные описать эффект от заявления Кондратия. Полное молчание продлилось минут десять. Прервала его Стерёга.

— Ты сам понимаешь, что ты сказал? Нику было девять лет, когда его казнили.

— Да, так утверждается в его досье.

— Ты хочешь сказать, что девятилетний пацан…, - далее Стерёга простым языком описала действия, необходимые для появления ребёнка. Опустим её слова для краткости изложения.

— Я хочу сказать, что Ник Звара не был казнён в девять лет. Возможно, он ещё и не был шпионом.

— Скорее всего, ты ошибся, — голос Филимонова снова стал таким же глухим, как две сотни лет назад в Сильфонте.

— Историки не ошибаются. Как и разведка, — а у Кондратия зелёные глаза блестели и сверкали. Если бы историк был терминатором, то он испустил бы молнию, но он им не был.

— Но это может значить, что Алекс…, - голос Стерёги дрожал, по щеке скатилась слезинка.

— Я собираюсь полететь туда, где началась вся эта история — в Сильфонт. Гравилёт арендую, я не бедствую. И я хотел бы предложить вам присоединиться ко мне.

— Так, слушай меня, Каратов! На твоего дедулю или прадедулю или как его там, короче, на твоего Ника нам по

большому счёту плевать. А вот Алекс… Он дал нам со Стерёгой новую жизнь, и если есть какой-то шанс отыскать его следы, если вдруг его не казнили вместе с другим мальчишкой… В общем, мы согласны.

— Так, Стерёга? — внезапно спохватился Филимонов. Ведь он в первые за последние полсотни лет принял важное решение по своей инициативе, обычно в этой паре главенствовала супруга.

— Филимонов, если бы ты сказал иначе, то я затолкала тебе твои сигареты в Капитаново…, - нет, положительно, когда Стерёга рубит правду-матку, всем стоящим рядом нужно срочно затыкать уши.

* * *

Быстро и деловито договорившись по всем деталям путешествия, Кондратий нетерпеливо распрощался и исчез. Спустя пару часов после его ухода к дому тихо подкатили транспортные капсулы без опознавательных знаков. Выскочившие из них люди с закрытыми лицами профессионально прочесали все строения на участке.

— Никого не обнаружено, господин Андреев, — доложил старший людей в масках хромому человеку, ждавшему результатов в одной из капсул. Тот досадливо щёлкнул пальцами.

У хорошего разведчика хороший нюх на опасность. Филимонов был хорошим разведчиком. Бывших разведчиков не бывает. И Филимонов тоже бывшим не был.

Глава 2

— Шикарная всё-таки вещь, гравилёт.

В словах Стерёги, с уютом устроившейся, поджавши ноги, в кресле жилого отсека, таилась сермяжная правда. Гравилёт был вещью шикарной. А ещё и чрезвычайно полезной для дальних автономных поездок. В идеале цилиндрообразной машине с обточенными основаниями промежуточных посадок не требовалось вообще, она могла оставаться в воздухе, как минимум, месяцы. Не будем забывать и о скорости, прямой полёт из Островграда к останкам Сильфонта занял бы всего пару суток.

Кондратий так и планировал изначально. Теперь он нехотя признавался себе, что без Филимонова его феерический замысел потерпел бы крах, причём фатальный.

Первое, о чём спросил историка экс-разведчик, как только гравилёт поднялся в воздух: «Каким образом мы пересечём границу?». Это важное обстоятельство, ведь Сильфонт, как и вся территория бывшей Дронии, до сих пор оставался незаселённым, Русенту эти земли не интересовали.

Кондратий собирался действовать лихим наскоком. Тупо подлететь к границе, ближайшей к пункту назначения, выбрать местечко подальше от постов и рвануть со всей дури. «Вот именно, что дури», — раскритиковал решение Филимонов.

— Не пройдёт и десяти минут, как нарушителя догонит патрульный гравилёт. И как ты думаешь, что он с нами сделает?

Историк по наивности полагал, что, подобно голосериалам, пограничники потребуют сесть, за чем последует проверка документов, допрос, какие-нибудь нестрашные санкции, после чего можно предпринимать следующую попытку. И так до тех пор, пока не повезёт.

Филимонов молодого товарища расстроил. Гравилётов всех мастей в Русенте штамповали в таких количествах, что особой материальной ценности они в масштабах государства не представляли. Нынешнее поколение пограничников не будет заниматься попытками предотвращения угона, рискуя нарваться на обстрел: «Эти так поступать не будут. Они нас просто собьют».

В плане историка был и ещё один непродуманный момент, а именно, что делать с Ексом? На этот пункт Кондратий предложил Филимонову использовать его профессиональные секретные умения и хакнуть систему. Экс-разведчик аж оторопел: «Парень, ты что, дурак?». Никаких таких секретных умений не существовало, и расставаться с кибернадзором следовало по-хорошему, а не грубо и по-плохому.

Кондратий загрустил было, но Филимонов прикрикнул: «Не распускай нюни!», и взял руководство на себя. Прежде всего, гравилёт перенаправили на одну малоизвестную и недавно основанную пограничную базу на севере. «Заодно и с хвоста собьём», — добавил экс-разведчик. «Кого?» — удивился историк. «Да кого угодно!» — выдал Филимонов универсальный ответ.

На базе после дня отдыха троица прогулялась до местного пункта полиции, где рассказала о своём давнем и искреннем желании отдохнуть на дикой природе, там, где нет ни людей, ни цивилизации, для чего нижайше просит выдать им разрешение на пересечение границы.

Подобные просьбы обычно рассматривались годами, но в этом Капитаном забытом месте туристы появились впервые. Столичный лоск Кондратия, обаятельная улыбка Стерёги, спокойная уверенность Филимонова, к тому же показавшего полицейскому начальнику какой-то документик (ещё пластиковый, не поддававшийся подделкам!)… По смыслу, ко всему богатству следовало бы приложить и небольшое денежное вознаграждение (кто сказал «взятка»?), но Филимонов сразу же пресёк любые намёки Кондратия на мздоимство.

Вместо банальной взятки страждущие приключений туристы выразили готовность обслужиться по высшему разряду — и по самым дорогим тарифам, естественно. А Филимонов долго и дотошно выяснял у полицейских (у каких надо полицейских), где и в каких магазинах они рекомендуют приобрести припасы и прочие расходники. Для отдалённых баз типичная ситуация — если муж в полиции, то жена или иной родственник держат торговую точку. Туда-то наших героев и отправляли рекомендатели, а Кондратий постарался сделать так, чтобы в каждом из посещённых магазинов о залётных визитёрах осталось впечатление как о щедрых клиентах.

Итог бурной деятельности был таков. Три дня — и разрешение на руках.

Скрывшись из зоны покрытия пограничных сенсорных массивов и пролетев для надёжности ещё несколько сот километров, гравилёт развернулся на Сильфонт. Кондратий с Филимоновым дежурили в пилотской кабине по очереди, благо вмешиваться в работу автоматики не требовалось. Стерёга откровенно кайфовала.

К материку, на котором располагалась дронийская территория, наши герои подлетели на значительном удалении от русентийского плацдарма — Каналграда, той самой базы, куда надеялась попасть двести с лишним лет назад колонна беженцев из Сильфонта.

— На берегу выберем местечко и сядем, — безапелляционно заявил Филимонов.

— Зачем? — удивился Кондратий. — До Сильфонта от берега ещё далеко.

— Так надо! — но потом старый разведчик смягчил грубость приказа. — Туристы мы или нет? Шучу. На самом деле, стоит взять небольшую паузу и осмотреться, подумать.

— Во всём, что связано с Алексом и его мальчишкой, много странного. Очертя голову, рваться нежелательно, — поддержала мужа Стерёга.

— Красота-то какая вокруг! — насытившаяся девица откинулась назад. Костёр, уха из свежевыловленной рыбы, лёгкие энергетики. Всё как положено вырвавшимся из оков цивилизации в дикую местность. Надвигалась ночь, на лугу, где расположились трое авантюристов, потрескивали безобидные насекомые, чем-то неуловимо напоминающие земных кузнечиков. Филимонов не шутил, когда поминал туристов; он и в самом деле давно мечтал о такой вылазке — очень давно, последние лет тридцать или даже пятьдесят.

— Кто как думает, почему мы не осваиваем эти земли? — Кондратий был сыт, а также слегка пьян, и его потянуло на трёп. Историк не замечал, что поднятая тема для Стерёги была неприятна.

— Других мест хватает, — Филимонов отвечал рублено, как будто жалел погибшее дронийское государство.

— Но мы же победили здесь всех, кто тут жил. И уничтожили. Нам никто здесь более не смеет угрожать, — по окончанию тирады Кондратий с чувством икнул.

— Не всех, — высказалась, наконец, Стерёга. — Например, я осталась.

— О, мадам, примите мои искренние… Я ни в коей мере не собирался хотеть предположить, что прекрасная девушка может предоставлять… э-э, передоставлять…

— Заткнись, Каратов! Лучше на небо смотри. Скоро закат, — Филимонов был груб, но справедлив. Действительно, закат намного интереснее пьяных бредней.

Кондратий собирался было обидеться, но для гуманитария подобное состояние души являлось труднодостижимым. Пока историк разбирался со своими чувствами, старый разведчик внезапно подскочил и спешно затушил костёр. Стерёга тоже была на ногах.

— Что такое?

— Молчи и беги следом!

Филимонов, Стерёга и враз протрезвевший Кондратий

пробежали через луг до опушки леса, где разведчик скомандовал всем залечь. Повторную попытку историка узнать, в чём причина поспешного отступления, Филимонов прервал, приложив палец к губам.

Минуты текли в томительном ожидании, как вдруг разведчик показал рукой на небо. Историк заорал бы от ужаса, если бы Стерёга не зажала ему едва начавший открываться рот. На горизонте над морем показались три… нет, уже четыре тучи, быстро приближавшиеся к берегу.

— Саранча, — прошептал Филимонов. — Лежим тихо, они не должны нас заметить. И помоги нам Капитан!

Саранча, или саранча Хирона, как её называли в скучных монографиях, с земной саранчой не имела ничего общего. Более всего она походила на червяков. Фактически, это были обычные мозгочерви, которые всё ещё непостижимым для людей образом научились летать. Передвигалась саранча большими стаями, если можно так выразиться про множество собравшихся вместе летающих первичноротых. Да, и разумеется, саранча атаковала точно по тому же принципу, что и её ползающие сородичи — ментальный удар, парализующий жертву, затем физический контакт с беспомощным противником и высасывание его мозга.

Второй основной загадкой саранчи считалось время её первого появления на планете. Документально засвидетельствованной была дата 57 лет назад, то есть, относительно недавно. Отсутствие более ранних контактов с саранчой не давало покоя лабораториям Русенты. Историки копались в архивах, биологи руководствовались гипотезой об естественном отборе — некоторые из наземных червей умели прыгать, причём их прыжки напоминали пусть низкий и недалёкий, но полёт. Предположим, что такие черви-летуны собирались в кучи, размножались, передавая потомству свои умения, и в конце концов преобразились в саранчу. Сильно натянуто, конечно, но другой гипотезы у биологов для остальных людей не было.

Тучи были уже у береговой линии, где притормозили и ненадолго зависли. Разделившись попарно, тучи медленно двинулись вдоль берега, отдаляясь друг от друга. Со стороны могло показаться, что саранча патрулирует территорию. Конечно, только показаться, ведь саранча неразумна.

— Гравилёт почему? — шептать Кондратию было не слишком удобно, потому что Стерёга прикрывала ему рот ладонью, а Филимонов плотно прижимал рукой его туловище к земле. Кстати, для старика у бывшего разведчика оказалось немало силы, и Кондратий, испытывая дискомфорт от давления на спину,

переименовал для себя товарища в «могучего старца».

— Не успели. Полчаса готовить, — к вылету готовить, конечно. Филимонов тоже сейчас не следил за полнотой речи.

— Тебя оружие?

— Не поможет.

Тучи, тем временем, разошлись на приличное расстояние. Коли повезёт, то они скоро исчезнут из виду. Гравилёт был неплохо замаскирован и укрыт вдали от берега, пока у саранчи не было шансов его обнаружить. Да и если обнаружат, машине саранча ничего не сделает, лишь бы она не додумалась поискать пилотов.

Внезапно та парочка, что улетала к югу, резко развернулась, ускорилась и рванулась к кострищу. На глаз Кондратию измерить точно было трудно, но ускорение в два или три планетарных «же» саранча смогла набрать практически мгновенно. На необычайную манёвренность нового воздушного противника постоянно жаловались сталкивавшиеся с ним в бою русентийские пилоты.

Над кострищем тучи зависли. Потом, казалось, повернули голову к лесу (если у тучи есть голова) и медленно, и от того ещё более страшно, двинулись к людям.

— Бежим! — захрипел Кондратий.

— Лежать! Отловят, — Филимонов имел в виду, что соревноваться в беге с саранчой бесполезно, а прятаться между деревьями бессмысленно. Нагонят, опустятся ниже и съедят. Нет, только лежать и не двигаться и постараться не испускать флюиды страха. Саранча бывала подслеповатой.

Обе тучи бок о бок подплыли по воздуху к опушке. Двигались не торопясь, как будто сомневаясь. У левой тучи сформировалось псевдощупальце из червей, вытянулось, изгибаясь, между деревьями. Прошла минута, в течение которой Кондратий трижды попрощался с жизнью. Потом так же внезапно, как заинтересовались кострищем и лесом, тучи резко рванули на юг.

Тишину нарушил Филимонов.

— Пописать не хочешь?

— Я покакал.

— Это я чувствую. Так я спрашиваю — пописать не хочешь?

Кондратий злобно-затравленно посмотрел на могучего старца, соизволившего, наконец, убрать руку со спины историка, развивать неприятную тему не стал и задал более насущный вопрос.

— Что это было и почему они ушли?

— Это были четыре облака саранчи. Ушли, потому что получилось.

— Капитанова грудь! Что получилось?!

Филимонов в свою очередь сменил тему: «Выжидаем пять минут, и к гравилёту. Готовим к подъёму и по возможности сразу уходим». Предлагать Кондратию поменять штаны разведчик не рискнул, но выразительно посмотрел на историка.

Гравилёт был в воздухе, историк переодет и умыт. От недавней расслабленности у экипажа не осталось и следа, все трое с опаской уставились на экраны сенсоров. Арендованная летательная машина числилась по гражданскому классу и была очень слабо вооружена; встреть они сейчас саранчу, спасение было бы в одном лишь бегстве, причём заблаговременном.

И всё же внутри гравилёта путешественники находились в относительной безопасности. Кондратий счёл момент подходящим для продолжения разговора.

— Моя милая Стерёга, странно это, странно это… Мы прилетели за тридевять земель в необитаемую местность, сделали короткую остановку и наткнулись на саранчу. Бьюсь об заклад, 99 % полицейских саранчу вживую никогда не видели. А нам вдруг подфартило. Странно.

— Парень, — поддержал беседу о странном Филимонов. — Сейчас я скажу тебе ещё одну странную вещь. Саранча появляется там, где бывают люди.

— А это значит…

— …что местность эта не такая уж и необитаемая.

Обдумывая новую информацию, историк замолчал. Потом спохватился и задал вопрос, мучавший его с того момента, когда тучи оставили их в покое (честнее было бы сказать, что с того момента, когда переодел штаны, но Кондратий всеми силами старался забыть о конфузе).

— Ещё остановки будут?

— Да, — к его удивлению, ответила Стерёга. — В кратере Гарланда.

* * *

Скоростные десантные гравилёты высаживались на берегу один из одним, из них выскакивали люди с закрытыми лицами и профессионально прочёсывали местность. Старший людей в масках постоял в задумчивости у кострища, выслушал доклады и забрался в транспортный люк одного из гравилётов, внешне не отличавшегося от соседних.

— Были здесь и улетели. Живые, господин Андреев.

Хромой молодой человек щёлкнул пальцами. На сей раз, кажется, с чувством глубокого удовлетворения.

Четыре облака саранчи появились на горизонте внезапно и ускорились в направлении людей. Два гравилёта прикрытия дали по два залпа каждый из волновых орудий. Три или четыре уцелевших воздушных червя вызвали у людей в масках небольшой ажиотаж, они посоревновались в том, кто быстрее собьёт их из личного оружия.

— Куда проложить курс, господин Андреев?

— К кратеру Гарланда.

Глава 3

Всё недовольство Кондратия ненужной и опасной, на его взгляд остановкой у кратера, испарилось, когда он увидел открывшуюся перед ним картину. Но прежде чем описывать события далее, стоит вернуться ещё к одному разговору, состоявшемуся на борту гравилёта после успешного бегства от места нежданной встречи с саранчой.

Со свойственной историкам бесцеремонностью Кондратий затронул область, влезать в которую в Русенте считалось верхом неприличия.

— Господа, как вы поняли, я богат. Даже не «не бедствую», а богат.

— Это мы заметили, — проворчал Филимонов. — Историкам, видать, хорошо платят, а?

— Не стану скрывать, государство обеспечивает нас щедрой рукой.

— И не только государство, а? Признавайся уж, раз начал.

— Да, очень много обращений от граждан. Частного порядка обращений. Всех интересует, кто и кем были их предки. И за эту работу они охотно расстаются с кредитами.

— Особенно если ты нарисуешь им биографию получше? А, историк?

— Не биографию. Теми, кто меняет по заказу биографию, занимается полиция. А я восстанавливаю людям родословную. Но ты прав. Если родословная оказывается получше, то кредитов за неё я получаю побольше

— И тебе не стыдно?

— Вот уж точно за что я не стыжусь! Считаю повальное увлечение генеалогией редкостной блажью. Чем дороже мы будем брать с клиентов, тем быстрее общество этой блажью переболеет.

— И найдёт себе новую блажь.

— Но мы уже не будем к ней никакого отношения.

Филимонов внимательно посмотрел на Кондратия, крякнул, а потом резко потребовал: «Так, парень, а теперь говори, что на самом деле хотел».

— Я хотел сказать, что и у меня, и у всех… почти всех моих предков до Ника Звары исключительно имелась хорошо оплачиваемая работа, а иногда и положение в обществе. Немного странно для наследников предателя, не находите?

— Согласен, странно.

— Теперь о вас. Как я понимаю, вы тоже никогда не страдали от дефицита кредитов после возвращения из Сильфонта? И

успели оплатить едва только появившуюся на практике и очень, очень, очень дорогостоящую в то время операцию ювенилизации — причём сразу две операции, себе и вашей супруге?

— Трудись, и труд твой будет вознаграждён сторицей. Мы трудились.

— После не слишком удачного завершения перехода из Сильфонта? И на фоне вашего знакомства сразу с двумя хиванскими шпионами? Сами верите в своё объяснение?

— Нет, не верю.

Кондратий посмотрел на собеседника победно и нанёс финальный удар.

— Я изучил все документы, связанные с трагедией под Югопортом, после которой братьев обвинили в шпионаже. Материалы дела, доказательства — всё это недоступно. Но мне попались данные о том, как мальчики жили почти целый год на базе. Не буду тянуть — если вкратце, то для двух безродных пацанов они просто купались в роскоши.

— То есть, кто-то или что-то заботилось о нас, выживших фигурантов сильфонтского перехода… Ладно, будем надеяться, что на старой дронийской базе мы найдём ответы на все вопросы. Или нас сожрут черви, что более вероятно, — Филимонов постановил завершить дискуссию, в которой едва ли не каждое новое предложение запутывало дело всё больше и больше.

Гравилёт сел на некотором удалении от кратера. Укрытие, маскировка, и трое героев своим ходом пошли к месту, памятному для двоих из них.

К востоку от кратера в густых зарослях травы кучно стояли допотопные транспортные роверы. Кондратий тихо определил их как «почти первопоселенческие», Стерёга также тихо подтвердила: «Да, говорят, что их копировали с привезённых чертежей». Привезённых с Земли — но на планете название «Земля» давно не употребляли.

Историк подошёл к одной из машин, измерил фон — лёгкое превышение за счёт долгоживущих, ерунда. Дёрнулся было к шлюзу, но девушка мягко остановила его: «Там мёртвые… внутри». Никому из спартанцев и в голову не пришло позаботиться о телах убитых беженцев, и роверы превратились для них в братские могилы.

— Как думаешь, они на ходу?

— Вряд ли, — Филимонов разочаровал историка. — Механизмы без обслуживания столько не живут.

Ближе всех к восточному валу кратера стояли два уткнувшихся друг в друга ровера.

— В последнем был толстяк… Не помню, как его звали. Но он

устроил бучу, орал, что мы спартанцы. Меня они взяли в заложники, и Алекс, чтобы спасти меня, согласился их отпустить. А спартанцы их взяли и убили. Даже разговаривать не стали, — давние события проносились перед Стерёгой как будто вчерашние.

Вразброс от транспортников стояли роверы другого типа — боевые, по-спартански грубые. Если машины беженцев внешне выглядели неповреждёнными или почти неповреждёнными, то в роверах их убийц то тут, то там виднелись небольшие пробоины.

Кондратий начал было подсчитывать спартанские машины, но Филимонов его прервал:

— Не трудись, одиннадцать.

— Экипаж одного, самого первого, уничтожил я. Думаю, что вот он, — продолжил рассказ старый разведчик. — А остальные десять, включая тот, что разломан пополам, заслуга Зеркальцева. Нашего товарища по выходу. Ты читал что-нибудь про наш бой?

— Немного. Знаю, что вас было трое, и один из вас погиб. Его звали Зеркальцев?

— Да.

— Он один справился с десятью роверами? Но ведь это же подвиг!

— Смертельный подвиг. Мы все за ним выходили, — запнувшись, добавил: — Десятый он взорвал после смерти.

— Как?

— Самоликвидация оружия.

Кондратий умолк, не понимая, что сказать.

— От Зеркальцева ничего не осталось, не похоронишь. А рядом с той ямой лежит человек… останки человека, помогшего нам бежать. Её звали Нелюдима, — махнула рукой в сторону Стерёга.

— Может, её закопать?

— Нет, историк, пусть всё здесь останется как есть.

В полной тишине троица подошла к валу и начала спуск вниз по естественной тропе.

— Ну надо же! Ничего не изменилось, всё как тогда, — прокомментировал Филимонов, первым ступив с тропы на дно кратера. — Посмотри прямо. Обломки видишь? Это наш спидер, его мы самоуничтожили по таймеру. Сразу при отходе из кратера взрывать не стали, чтобы не всполошить спартанцев.

Кондратий глядел во все глаза. Легендарный спидер с бронёй из шёлкосплава! Пусть и развалённый на куски, но по-прежнему невероятно ценный для науки. Все его собратья полторы сотни лет назад были утилизированы в ходе очередного перевооружения Русенты.

— А это видишь?

— Что это за Капитанова палка?

— Это? Это не палка. Это резак. Лазерный. Тоже скопированный с привезённых. Рядом должен быть… Давай в траве поищем. Ага, есть! — и Филимонов показал Кондратию рассыпавшийся скелет в какой-то драной и замызганной одежонке. У скелета не было головы.

— Один из спартанских шпионов. Алекс его приговорил, а я казнил.

— Слушай, а знаешь что, историк? — разведчик подошёл к Кондратию вплотную и почти шептал в ухо. — Даже резак, и тот лежит на своём месте, где мы его бросили. Ты осознаёшь, что это означает?

— Что? — от обилия новых впечатлений Кондратий растерялся и как будто поглупел.

— Это означает, что людей в кратере и рядом с ним с времён нашего боя не было.

— А это хорошо или плохо?

— Не знаю. Хорошо, наверно. Или плохо. Кто-то ведь должен растолковать нам все странности. А кто это сделает, если мы никого не найдём?

Разведчик и историк уставились друг на друга, поражённые глубокомысленным выводом первого. Сзади раздались тонкие всхлипы. Стерёга, присев на корточки, плакала почти беззвучно, затем, как прорвало, заревела в голос, по-бабьи.

— Алекс нас вытащил из этого Капитанова дерьма. Он спас, вывел нас в Русенту. И потащил с собой этого Ника. Ты! Ты понял, нет? Из-за твоего Капитанова защеканца Алекса убили! Я ненавижу Капитанова мальчишку! И тебя ненавижу! — слова закончились, остался только долгий рвущий душу плач.

— Ей досталось тогда. И вспоминать всё заново… Не обижайся на Стерёгу, пожалуйста, — разведчик подбодрил Кондратия и, кажется, извинился за гневную тираду жены.

Девушка внезапно унялась, вытерла слёзы и другим, спокойным голосом сказала:

— Простите меня, я дура. Я не могу так думать о Нике. Если бы не он, мы погибли бы ещё в Сильфонте. Он спас нас всех при нападении червей, успел поднять тревогу, пока мы были в отключке. Примчались наши защитнички, — кивок в сторону Филимонова, — и пожгли тварюшек.

— Погодите-ка, погодите! — оживился Кондратий. — Вы были в отключке, а Ник поднял тревогу и вызвал на помощь подготовленных бойцов?

— Ну да, так и было.

— Но это же означает, что Ник был способен противостоять ментальным атакам червей!

Новое открытие, новую странность компаньоны встретили по-разному. Кондратий был ошеломлён. Безродный мальчишка с Капитаном забытой базы, не проходя никакого специализированного обучения (а где бы он его мог пройти?), получил от природы (или от того же Капитана) бесценный дар, способность сопротивляться мерзейшим созданиям планеты! Но как это возможно? Капитана ради, как?

На лице Стерёги застыло смешанное выражение. Так бывает с человеком, воспринимавшим нечто как само собой разумеющееся, но вдруг над ним задумывавшимся. Возможно, такое же выражение могли увидеть у героя одной из старых, ещё до первопоселенцев, комедий, удивлённого тем, что всю жизнь говорил прозой.

Лишь Филимонов был спокоен. Естественно, он об этом свойстве Ника знал, причём знал с самого первого боя.

— Алекс по этой причине забрал с собой моего предка?

— Нет. По этой причине мы не прогнали Ника, когда он увязался за нами. К себе в спидер мы посадили мальчишку, потому что он назвался фамилией Алекса.

— Оба-на! — от переизбытка тайн историк отбросил столичную культуру и перешёл на простецкие выражения фронтира.

Люди возвращались к гравилёту, каждый в своих мыслях.

— С червями там была ещё одна история, — первым заговорил разведчик. — Вместе со спартанцами был один хиванец…

— Да, я помню, вы сказали, что один хиванец сотрудничал со спартанцами.

— Угу, вот именно. И он натравливал на нас червей.

— Натравливал?!

— Да, он умел ими командовать. Называл это «петь с червями».

— Послушайте, уважаемый Филимонов, есть вещи, в которые я просто не могу поверить. Улей так и не смог до своего разгрома освоить биотехнологии ментального плана. Приручённых червей использовали только на севере, это фракции…

— Да в курсе я, в курсе, — досадливо скривился старик. — Но это есть факт, уважаемый Каратов. Человек, выглядевший как хиванец, разговаривавший как хиванец, представлявшийся как хиванец и бывший хиванцем, умел управлять червями и организовал с помощью своего умения несколько атак на нашу колонну. В конце концов он проиграл Алексу и мы остались

живы. Старший Звара от рождения обладал высоким набором ментальных характеристик, и уступить ему было незазорно. Но сказанное про хиванца это не отменяет.

— Знаете что, Филимонов, — отдышавшись после подъёма на восточный вал, предложил историк. — Я напишу статью… нет, монографию о вашем выходе и о бое в кратере. Вся Русента должна узнать о том, что здесь произошло.

— Парень, дела разведки в наши дни не в чести. Полиции не понравится, если ты похвалишь нас.

— Плевал я на полицию! — на самом деле, Кондратий выразился жёстче, по-фронтирному. Но пусть будет «плевал».

— А в тебе что-то есть, парень, — разведчик внимательно оглядел историка с ног до головы, как будто заново его оценивая. — Хорошо, пусть будет по-твоему, мы со Стерёгой поможем, чем сможем… Что это? — резкая смена тона заставила спутников вздрогнуть.

На тропинке при сходе с вала — так, что не заметить его было невозможно — лежал карманный прибор для голозаписей. Проще говоря, миниатюрная внешняя память; на Земле её назвали бы записной книжкой, а в русентийской разговорной речи — памяткой. Обычный прибор, ничем не выделяющийся. Русентийский. Современный.

— Тихо! Я первый! — в Филимонове проснулись навыки, намертво привитые ему два с лишним столетия назад. Бывший разведчик окончательно превратился в разведчика настоящего. Осмотр местности — визуально и никогда не виданным Кондратием загадочным приборчиком, невесть как очутившимся в руках старика. Да старика ли? Бойца, прикрывавшего историка и девушку от ещё невскрывшихся опасностей, язык больше не поворачивался называть стариком и даже могучим старцем.

— Фон естественный, взрывчатых, токсичных, прочих опасных веществ не обнаружено. Самая обычная памятка. Пожалуй, можно её поднять.

— Откуда взялась-то? Мы никого не видели, — вопросы Стерёги были исключительно практичными.

— Тема хорошая, но разбираться некогда. Её оставили для нас. Мы её заберём и быстро улетим отсюда. С содержимым ознакомимся в воздухе.

— А если там этот… как его?… следящий прибор, ма-я-чок?

— Парень, не глупи! И не учи учёного, — ну конечно же, Филимонов проверил находку и на присутствие жучков. Не обнаружены.

Разведчик осторожно поднял памятку на вытянутые руки и скорым шагом поспешил к гравилёту. Стерёга с Кондратием еле

за ним успевали.

Следующим пунктом назначения являлся Сильфонт, но подстраховки ради летательная машина двинулась к нему по дуге. Заодно у путешественников образовалось дополнительное время для внимательного изучения записей в памятке.

Точнее, записи. Она была там одна. Текст и его озвучка нейтральным голосом встроенного в памятку программного обеспечения. Озвучку прокрутили трижды. Текст каждый прочитал столько раз, сколько смог.

— Значит, не тридцать кадетов и три офицера, а двадцать девять и два? — пробормотал Филимонов.

— Точные данные о потерях в трагедии под Югопортом никогда не назывались, только «десятки погибших». Кажется, вы знаете об этом бое больше, чем остальные?

— Не все остальные, но многие. Интересовался, — разведчик не стал растолковывать Кондратию, что бы это могло значить.

Важно было другое. В сражении с беливерами и спартанцами, вероломно и при содействии хиванских шпионов братьев Звара напавшими на почти безоружных кадетов, защищавших неустановленное количество мирных жителей, выжило два военнослужащих Русенты — один капитан и один кадет. Показания кадета по фамилии Андреев были записаны на подброшенной памятке.

— Скажите, Филимонов, вам ничего не видится странным в этом… произведении? — последнее слово Кондратий произнёс с нескрываемым отвращением.

— Да тут вообще всё вокруг странное. А писулька эта… В первой жизни я бы сказал, что автор сильно перебрал напитков дурманящего класса.

Поверить в показания Андреева смог бы только полный клинический идиот, абсолютно наивный юноша, просидевший всё детство и отрочество, ни разу не выйдя на улицу — или злонамеренный человек, задавшийся целью погубить жертвы оговора.

По показаниям выжившего кадета (кстати, а как у него получилось спастись в развернувшейся бойне?), двое мальчиков 11 и 9 лет действовали как картонные злодеи. Пока кадеты и офицеры героически противостояли тысячам врагов, братья срывали буквально все до единого планы обороны, выводили из строя оружие, самолично убивали со спины доверчивых защитников и, демонически хохоча, раскрывали для неприятеля ворота. Их зловещую роль никто из русентийцев так и не смог понять до самого конца, и только последние двое военных спасли свои жизни для того, чтобы подлые шпионы оказались

разоблачены.

Подлые шпионы, кстати, вернулись в Югопорт, уверенные в отсутствии свидетелей своих преступлений. Как же они ошибались! Кадет Андреев и некий капитан, чьё имя в показаниях отсутствовало, помогли справедливости восторжествовать.

— Бред, полный бред! Филимонов, теперь вы верите в то, что у разведки бывали судебные ошибки?

— Каратов, а ты помнишь, что ты потомок Ника?

— То есть, вы думаете, что все эти показания были зачем-то сфабрикованы, для какой-то цели, а на самом деле Ника и, возможно, Алекса не казнили?

— Так делалось. Иногда.

— А в каких случаях разведка шла на подобное?

— Редко, редко это делалось. Если нужна была игра со шпионами противников. Или…

— Или что?

— Или если начиналась какая-то грызня в наших верхних элитках, в которой разведка оказывалась замешана.

— Капитанова благодать! Только этого нам не хватало! — историк с чувством сплюнул. Нет, не на пол, настолько забыть культурные обычаи столицы он ещё не успел. В мини-ресайклер. Но сам поступок свидетельствовал, что Каратов реально озабочен услышанным.

* * *

Десантные гравилёты стояли на земле на приличном удалении от восточного вала кратера. Старший людей в масках уверенным шагом приблизился на дистанцию два метра от мирно прогуливающегося человека.

— Они взяли памятку и улетели в Сильфонт. Кружным путём, господин Андреев.

— Очень хорошо! Просто здорово! — хромой молодой человек щёлкнул пальцами. Он был счастлив. И даже, против обыкновения, уделил собеседнику лишнюю минуту.

— Один из них историк. Я тоже увлекался историей… в некотором роде. Если он хороший историк, он должен понять, что это означает.

Андреев повернулся в сторону далёких и невидимых развалин Сильфонта и в полную силу прокричал:

— Иду на Вы!

Глава 4

Развалины — слишком громкий термин для того, во что превратился Сильфонт. Бывшую сначала дронийскую, а потом спартанскую и подчужачную базу более двухсот лет назад ободрали и разобрали до голой земли. Наиболее ценные материалы и вещи увезли в Русенту в качестве трофея поставившие крест на судьбе Сильфонта русентийские десантники. Остатки забрали с собой беженцы; некоторая часть из этих никому не нужных в наши дни обломков по-прежнему лежит упакованной в транспортниках, погибших у кратера Гарланда.

В самом же Сильфонте не осталось никого и ничего.

— А нет, что-то ещё есть! Видишь? — обрадовалась Стерёга.

— Что это? — с удивлением спросил Кондратий. По его мнению, находка более всего походила на брак в работе коммунального ресайклера.

— Панель из стенки ангара. Будем считать, что ангар находился здесь. Думаю, что про панель забыли при эвакуации, продать в лагере её было можно.

Взяв предполагаемое местонахождение ангара за ориентир, троица быстро восстановила генплан уничтоженной базы. Стерёга вспоминала: «А вот здесь было такое-то строение», Филимонов изредка поправлял, на память разведчик не жаловался, Кондратий лихорадочно заносил данные в личную памятку.

— Хорошая монография получится, историк, а? — в отличие от событий в кратере, в Сильфонте у экс-беженки настроение было хорошее и слегка игривое. Девушка вспоминала свою первую, настоящую молодость.

— Вы… ты знаешь, да — хорошая. Благодаря вам, конечно. По концу лучевого периода осталось не так много живых свидетелей, — не подумав, сморозил Кондратий. Но даже непрямое напоминание о судьбе братьев Звара не испортило Стерёге настроение. Не испортило — но всё же слегка подпортило. За языком необходимо следить, пусть ты и бесцеремонный историк.

— Ну вот, теперь мы достоверно знаем, что было построено на месте каждого из этих кустов. И как это продвинуло нас к решению наших проблем? — Кондратий выделил слово «наших» и посмотрел на Филимонова, как будто старый разведчик обязан был вынуть из рукава памятку с ответами.

Разведчик не спеша выкурил антикварную сигарету: «Ух ты, дымом пахнет! Сколько же я мечтал покурить на свежем воздухе

без нейтрализаторов!». Потом встал и буднично спросил жену:

— Мальчонки-искатели, где они обычно обретались?

— Дай-ка подумать. Взрослые любили ходить туда, туда и туда. Пацанва — этих взрослые гоняли, и они шарились по кустарникам, которые к западу от базы. А почему ты интересуешься?

— Давайте исходить из того, что Ник обнаружил нечто в своих вылазках — нечто, что превратило его в странного. Находка должна быть достаточно далеко от базы, иначе на неё наткнулись бы раньше. Также она должна быть в местах, не посещавшихся старателями. Беда в том, что мест таких получается до Капитанова плеча.

— Не переживай, Филимонов! Нам нужно туда, — Стерёга уверенно показала на юго-юго-восток, а потом с наслаждением от полученного ответа на сложную загадку объяснила:

— Все нехоженные места слишком близки к фунгусу, мы в него не лезли без нужды. Это единственное отличающееся направление. При чужаках там было поле, за ним луг, редкий кустарник, бестолковые холмы.

— Бестолковые?

— Да, ходить в них было без толку. Холмы на приличном удалении от базы, за ними — фунгус. Пацан явно нашёл что-то в холмах, только такой дур…, - Стерёга поперхнулась, — такой мальчишка как Ник, мог попереться в бестолковые земли.

— Бестолковые или нет, но их наверняка тщательно обыскивали при основании базы, — подключился к разговору Кондратий.

— А ведь он мог пройти и через фунгус, — задумчиво сказал Филимонов. Все замолчали, размышляя над новым вариантом.

— Ладно, решено, — на правах старшего подвёл итог мозгового штурма разведчик. Да-да, старшего, в этих диких краях он бесцеремонно отобрал у Стерёги неформальную должность главы семьи и, соответственно, самоназначил себя командиром группы. — Идём в направлении бестолковых холмов, проходим их и углубляемся в фунгус.

— А… э-э… а как же азот? — Кондратий по-настоящему испугался, в который уже раз за всю авантюру.

— Парень, ты дурень, — привычно, в который уже раз успокоил его Филимонов. — Защитное снаряжение есть в гравилёте. Я позаботился, — ответил разведчик на немой вопрос историка. — Отсыпаемся и выступаем завтра на рассвете.

Приказать выспаться можно, выполнить приказ сложнее. Особенно сейчас, барахтаясь под грузом свалившихся таинственных секретов и секретных тайн. В пограничном между

сном и бодрствованием состоянии человека нередко посещают ценные мысли. Пришли в гости они и к Кондратию.

— Скажи, Стерёга, кем были родители Ника?

— Ты спросил! Не помню. Сиротой он был. Отец с матерью должны были бы быть, но кто? Ников много бегало, а меня парни постарше интересовали.

— Такое распространённое у вас имя Ник?

— Нет, историк, — улыбнулась девушка. — Никами мы звали мелких, не выросших до прозвища.

— Мать погибла примерно за год до падения Сильфонта, отца он никогда не видел и не помнил, — сумевший задремать Филимонов не выдержал и проснулся. — Он сам рассказывал, пока мы добирались до кратера, — уточнил разведчик, видя, что ему не сразу поверили.

— Стерёга, а могло быть такое, что мой предок не родился на вашей базе? Например, что он приблудился, прибился к ней?

— Откуда прибился? От базы до базы взрослый пешком не дошёл бы. Но есть момент, историк. Чужаки иногда привозили в Сильфонт людей, а иногда увозили. Редко, один-два раза в год такое случалось. Взрослым со старожилами сразу не смешаться, а вот дети… Кто их считал в те времена?

— М-да, — протянул Кондратий. — Задача усложняется и усложняется. Перерывать развалины всех баз Дронии?

— Раз всё усложнилось, тогда пора на боковую, — рассудительно резюмировал Филимонов. — И поспать до Капитанова утра. Всё, отбой!

Бесполезные холмы точно соответствовали своему названию. Чахлые деревца, немного кустиков и травки, каменистая почва, никаких пещерок или прочих укрытий. Ничего не вырастишь и ничего полезного не добудешь. Даже редкие птицы брезговали этой бросовой местностью. Пока существовала база, на холмах стояли сенсоры, но русентийские десантники присовокупили их к трофеям. Ничего, кроме соплей от постоянно дувшего холодного ветерка на вершинах холмов маленький Ник здесь не нашёл бы.

Иного варианта не оставалось, и трое русентийцев, облачившись в защитное снаряжение, вступили на фунгусовые поля. Сначала осторожно, потом осмелев. Филимонов предупредил товарищей держаться всем вместе на дистанции не далее вытянутой руки: «Иначе будет трудно защитить вас от ментального удара». Под ноги смотрели, старались по возможности идти след в след — черви не пробивали современную защиту, но проверять, наступив на случайно подвернувшийся экземпляр, не хотелось.

Фунгусовое поле на планете начинается со мха. Тёмно-

розовый, похожий на обычный мох, который без больших успехов пытались культивировать северные фракции людей. Червя на мху легко обнаружить заблаговременно, и опасны моховые предполья, в основном, повышенной концентрацией азота в воздухе. Бывало, что сильные ветра сдували скопившийся над мхом азот в сторону, и тогда по нему можно было прогуляться без маски. Точнее, промчаться без задержки — стихнут порывы ветра на пару минут, и выделяющийся из фунгуса азот убьёт копушу. Экстремалы из золотой молодёжи и полицейские-пограничники платили мху по десятку жизней каждый год — первые по дурости, вторые на учениях.

Мох сменяют кусты и деревья. Тёмно-розовый, иногда красный лес — жуткое место для столичной штучки. Кондратий видел его только в голосериалах. «Теперь он увидел его наяву», — продолжил бы сторонний зритель. Нет, не увидел. Сложно что-то рассматривать, если идёшь, дрожа от страха и уткнувшись лицом в затылок Филимонова. Разведчик понимал, каково сейчас молодому историку, и не возражал против подобного способа передвижения в группе — хотя, что скрывать, если бы уткнулась Стерёга, разведчику было бы намного приятнее.

Куда двигалась группа? Достигнув фунгуса, группа продолжила движение в прежнем направлении. Филимонов объяснил сделанный выбор просто: «А чем оно хуже других?». Возражений не было. Сталкиваясь с всё большим и большим числом странностей, троица путешественников негласно постановила поступать по первому наитию — возможно потому, что первой в головы приходила неслучайная мысль.

Что до странностей, то наибольшей из них на данный момент могло показаться нежелание людей упоминать находку у кратера — точнее, её происхождение и кто её мог подложить? В действительности, каждый из троих нашёл для себя ответ, но не собирался делиться им со спутниками, щадя их душевное равновесие.

Поход затягивался. Короткие остановки, лёгкие перекусы и отправление потребностей (умное снаряжение позволяло всё это делать, не снимая защитных систем). Ночевать не стали, шли и шли вперёд и встретили утро во всё том же монотонном и однообразном фунгусовом лесу.

— Филимонов, а вам не кажется, что мы сглупили? — прохрипел историк. О, только Капитану ведомо, как же Кондратий устал!

— Сглупили мы, когда родились. А сегодня мы скоро куда-то придём. Смотри под девятое от нас дерево? Зелёную точку заметил?

— Сорняк какой-то. И его мы искали?… Подожди! Зелёное?!

— Ага! Парень, мы выходим в глаз фунгуса.

Глаз фунгуса, неизменный атрибут любого голосериала про храбрых полицейских и трусливых нарушителей общественного порядка. Представьте себе розовый лес, зелёные вкрапления в нём, которых постепенно становится всё больше и больше. Лес переходит в розовый кустарник, а за ним чудо из чудес — обычный зелёный луг. Иногда с деревьями и ручьями, иногда огромный, достаточный для разбивки лагеря на десятки людей, чаще — похожий на маленькую полянку. Но самое главное — здесь можно дышать без маски, пить воду и употреблять в пищу странные, но сытные порождения флоры планеты, высокие растения, без изысков именуемые «едиво».

На территории Русенты фунгус сохранился только в заповедниках, в остальных местах его безжалостно истребили, заместив, в основном, лесами. Заповедники были многочисленными, по несколько штук на базу, но ограниченные по площади, и обустраивать в них глаза фунгуса физически было невозможно. Хотя, говорят, что в паре-тройке мест удалось изобразить что-то отдалённо похожее, но Кондратий как истинный гуманитарий посещать заповедники не любил. Прямо скажем, он ни разу в них не был.

В наши дни глаза фунгуса находят с гравилётов за границами Русенты. А вот в старые времена русентийские разведчики владели искусством обнаружения глаз по ведомым только им признакам. Филимонов был из старых времён и он был разведчиком. Он владел. Или всё-таки его некто или нечто подтолкнуло в правильном направлении?

— Здесь мы и расположимся. — распорядился Филимонов. — Глаз приличный, километра на два в диаметре. Отдохнём, наберёмся сил и прочешем его весь. Подходящее местечко для поисков странного.

— М-м-м, давно не пробовала едива, — манерно промычала Стерёга, выставив в стороны оба мизинчика подобно шикарным дамам из шикарных же голосериалов. Филимонов заржал, глядя на эту картину. Историк был занят своим — буквально сдёргивал с себя опостылевшее снаряжение.

— Как думаешь, парень, — разведчик отвлёк Кондратия от важного занятия. — Ник мог сюда приходить?

— Откуда мне знать? А скажи, он часто врал?

— Регулярно. Врушка, каких поискать. У меня бы годами спал на животе.

— Суровые вы родители, наверное. У вас много детей?

Стерёга отвернулась. Историки действительно люди

бесцеремонные. Но разведчик нашёл силы ответить:

— Четверо.

— Ух ты!

— Трое служили в армии и погибли. Четвёртый… четвёртый в полиции, при должности.

— Видитесь с ним?

— Бывает, — закруглил неприятный для жены разговор разведчик.

— Филимонов, — позвала Стерёга, — тебе не кажется…

— Не только кажется, я уверен. В зарослях на той стороне глаза кто-то живой. Я проверю, ждите тут.

— Пошёл к Капитану в дырку! Я с тобой!

Ну и историку пришлось увязаться за компаньонами. Не потому, что он рвался в бой, а потому, что оставаться в одиночестве было ещё страшнее.

Филимонов держал в правой руке миниатюрный предмет, чьё назначение Кондратий не мог точно угадать. «Миниволновик», — одним словом объяснила Стерёга. Историк успокоился — по крайней мере, один из них троих был вооружён.

— Эй! Если понимаешь меня — выходи! Подними руки, и я стрелять не буду! — крикнул Филимонов, когда до зарослей осталось метров пятьдесят.

— Стрелять не надо! Будем много говорить.

Разведчик вгляделся в сказавшего это человека, с шумом выбравшегося им навстречу, и растерянно помянул Капитана. В отличие от него, Стерёга грязно выругалась. Кондратий опять ничего не понимал.

— Знаешь, кто это, парень? — обратился к историку Филимонов. — Это тот самый хиванец, которого ты собрался изучать.

— Что? Но он же умер, — пролепетал Кондратий.

— Обсудить отличия жизни от смерти вы сможете потом. Садитесь, русентийцы, нас ждёт большой и важный разговор. Времени у нас мало, скоро всё подойдёт к концу.

Филимонов сел на землю первый, в том же месте, где стоял, не выбирая. Стерёга как девушка обновлённая, то есть, и молодая, и с опытом, не отказала себе в удовольствии пару раз фыркнуть, оглядеться и устроиться где почище — а заодно и откуда удобнее помочь мужу, если что. Кондратий заложил руки в карманы и предпочёл пока постоять.

— Как звать-то тебя, живомёртвый? — дал старт непринуждённой беседе Филимонов.

— Глупый русентийский мальчишка дал мне имя Страшный человек. И я живой, а не мёртвый.

— Тебя сожрали черви возле кратера.

— Меня — нет. Другие умерли. Это неважно. Я сыграл с Алексом партию, он выиграл, я искал с ним встречи и нашёл. Лагерь у базы, вашей базы Югопорт, — хиванец не отступил от своей манеры речи и всё также повышал интонацию к концу каждого предложения. А вот фразы хиванца стали более короткими по сравнению с его первой встречей с русентийцами, и безударные первые слова в предложениях он почти проглатывал.

Компания напряглась. Разгадка судьбы Алекса (и Ника, конечно) была как никогда близко. Но хиванец разочаровал:

— Был бой. К тайне близок был я. Пришёл водоларкер, и я очнулся в этом месте.

— Так! Подожди-подожди! — Филимонов пытался уложить в голове новые сведения в правильном порядке. — Ты утверждаешь, что водоларкер перенёс тебя через время, на двести лет вперёд?

— Нет. В анабиозе был я.

— Кто тебе это сказал? Кто это сделал? Технологии анабиоза первопоселенцев считаются утраченными, да и были они слабыми, лет на десять, — зачастил Кондратий, опасаясь, что остальные не дадут ему надолго вмешаться в беседу.

— Я знаю.

— Знаешь что?

— Знаю, что был в анабиозе.

Кондратий беспомощно посмотрел на Филимонова: «Ну и что это такое?». А вот разведчик хиванца, кажется, прекрасно понимал — у работников секретных служб всех государств планеты была своя терминология, и посвящать в неё посторонних Филимонов и таинственный хиванец отказывались наотрез.

Тогда Кондратий задал следующий вопрос на тему, ради которой все они собрались:

— Алекса и Ника… ты должен понимать, кто это, или, как ты говоришь, «знать», их осудили в Русенте как шпионов хиванцев… возможно, твоих сообщников… и казнили. Это правда?

Страшный человек выгнул правую бровь дугой.

— Что правда? Про суд и казнь не знаю ничего я. Про сообщников — неправда.

— Стой! Ответь по-человечески — они не были хиванскими шпионами? Шпионами Человеческого Улья?

— Не были.

Хиванец заливисто засмеялся и продолжил нормальным языком, без интонирования и без рубленых предложений:

— У ваших правителей потрясающее чувство юмора. Признать нашими шпионами мальчишек, помешавших нам раскрыть вашу главную тайну — это пять, господа!

— Ещё вопрос. Мы читали показания свидетеля о диверсиях Алекса против русентийского отряда под Югопортом, из-за которых отряд потерпел поражение.

Хиванец с ещё большим интересом посмотрел на Кондратия, а историк, в запале и предвкушении оправдания своего предка, плюнул на все тайны и странности и распутывал цепочку правд и неправд только по одному вопросу — по судьбе братьев Звара.

— Ерунда! Когда пьяный дурак, которому только в Русенте могли дать майора, погубил две трети кадетов и умер, Алекс взял командование на себя и почти смог победить. Против водоларкера у него не было шансов, это правда. В остальном он герой.

К именам Алекса и Ника вернулась заслуженная честь. «Не шпионы! Герои!» — одинаковая мысль звучала в головах русентийцев. Осталось понять, что произошло с ребятами после боя, а также разобраться с последней головоломкой хиванца, а именно, почему «времени мало» и «скоро всё подойдёт к концу».

— Ты пребывал в анабиозе и проснулся в глазе фунгуса в суточном переходе от Сильфонта, — разведчик перешёл ко второй части, понимая, что о судьбе мальчишек хиванец не осведомлён. — Когда это случилось?

— Месяц и неделю назад.

— Ровно в тот же день, когда я вылетел в хиванскую командировку, — быстро подсчитал в уме историк. — Получается, своей поездкой я включил какую-то последовательность событий? И завершиться она должна на этом лугу?

Филимонов предпочёл отбросить всё заумное и мистическое. Ему нужна была более ценная в практическом смысле информация.

— Почему времени у нас мало?

— Потому что у этого места есть хранители. Беливеры. Они пришли после боя под Югопортом. Их лагерь расположен в глазе фунгуса в 20 километрах отсюда. И они идут сюда через фунгусовые поля, чтобы покарать пришельцев. То есть, вас. Они больше не нужны, и вы должны их уничтожить. Я не смог бы этого сделать.

— Жалеешь их, что ли? — Филимонов посмотрел недобро.

— Нет, не жалею. Но у меня нет оружия.

— Сколько их?

— Сотни три. Все — взрослые мужчины.

— Вооружение?

— Хлам.

— Как они там жили, двести лет без женщин? — подала голос

Стерёга. Кто о чём, а девушка о своём, девичьем.

— Молились.

— А-а… интересная мысль, — съехидничала Стерёга. Филимонов оборвал супругу и потребовал готовиться к бою.

Но, прежде чем разведчик стал обрисовывать диспозицию, Кондратий успел вставить один вопрос.

— Скажите, Филимонов, почему мы не полетели на поиски места находки Ника на гравилёте?

Разведчик открыл рот, закрыл, поднёс к лицу кулак, внимательно его рассмотрел, все пять сжатых пальцев. Повернулся к жене, снова к Кондратию. Наконец, соизволил ответить:

— Потому, Каратов, что я тоже иногда глуплю.

Глава 5

К предстоящему бою спокойно — по крайней мере, внешне — отнеслись трое из четверых людей, различными путями попавших в глаз фунгуса. Открыто нервничал только Кондратий, как человек мирный и сугубо гражданский. Но и он не позволял своему беспокойству перерасти в панику. Во-первых, потому что роль ему отвели соответствующую статусу — прятаться и не высовываться; во-вторых, потому что на побережье он ощутил на собственной спине силу рук могучего старца и не желал опробовать её, допустим, на своих зубах.

Схватка с беливерами-хранителями не предвещала неопреодолимых трудностей. Испокон веков Русента выигрывала за счёт технологического превосходства. В кругах историков, специализирующихся по периоду высадки, превалировала версия, что к группе колонистов, основавших государство, которое затем и получило название Русента, присоединились практически все научные работники, инженеры и технологи, прилетевшие с Земли. Так это или не так, но упор на технологическое развитие и познание окружающего мира в русентийской цивилизации делался всегда или почти всегда. Остальные государства следовали по заданному Русентой фарватеру.

Русентийцы первыми поняли, что для доставленного колонистами стрелкового оружия на планете мало возможностей возобновлять запасы пуль, и перешли на путь развития оружия сначала лучевого (лазеры), потом пучкового (импакторы, испускающие пучки заряженных частиц). Но стоило прочим государствам принять тот же подход, как в Русенте наготове было ракетное оружие, представлявшее собой возврат к стрелковому оружию на новом уровне.

Такие же истории повторялись с индивидуальной защитой, со средствами обнаружения, с транспортом, и так далее. А в последнее столетие технологический рывок Русенты оказался столь мощным, что соседи безнадёжно отстали и были разбиты наголову, то есть, совсем.

Фейерверк открытий в Русенте связывали с легендарной личностью доктора Фёдорова. Об этом учёном ходили самые разные слухи — даже такие, что он якобы прилетел на планету с первопоселенцами, хотя наверняка это не могло быть правдой. В древней истории человечества люди, подобные Фёдорову, изредка встречались, источником их озарений бывал иногда их мозг, а иногда — люди в погонах. Официозная пропаганда Русенты насаждала через Екс первую версию, и граждане Русенты

на всякий случай с ней соглашались, так как любые сомнения немедленно пресекались полицией.

С одним из открытий Фёдорова, окончательно превратившим Русенту в хозяина планеты, мы уже знакомы — это принцип работы гравилётов. Второе грандиозное открытие — волновое оружие. «Выстрел волновика создаёт в мишени колебания третьего подпространственного уровня, приводящие к полному разрушению ядер атомов мишеней с задействованием высвобождающейся энергии на образование новых связей и ядер», — утверждают школьные учебники. Чтобы цитата перестала смотреться абракадаброй, нужно уметь проникать в глубины материи настолько же глубоко, как и в русентийских лабораториях. Увы, но это доступно одним только русентийцам. Для нас же будет достаточным знать, что попадание из волновика превращает жертву в однородную кучку кашицы.

Фёдоров не был бы признанным гением, если бы не открыл и принцип защиты от волнового оружия — так называемую струнную броню. К броне в земном понимании слова она не имеет отношения и обычно выглядит как миниатюрное устройство, создающее на заданном радиусе поле, способное защитить от попаданий из волновика, как, впрочем, и из оружия предыдущих поколений. Принцип действия струнников русентийские учебники не описывают. Но в нашем случае это неважно. Если ручной волновик у Филимонова имелся, то защитных устройств старому разведчику добыть для личного пользования было негде.

Таким образом, для победы над беливерами от Филимонова требовалось отстреливать их на границе глаза. На близкой дистанции русентийцы и примкнувший к ним хиванец окажутся полностью беззащитными, их в буквальном смысле можно будет убить голыми руками. Беливеров, как предупредил хиванец, было сотни три. Через фунгус пройдут не все. Тем не менее, дело для разведчика предстояло жаркое.

Начала боя, то есть, появления первых беливеров, пришлось дожидаться более шести часов. Время пропало впустую, хиванец не реагировал на любые попытки разговорить его — лестью, словесными ловушками, угрозами. Зато он весьма одобрительно приветствовал первый выстрел Филимонова, первое попадание и первую кучку неприятного и вонючего содержания, в которую превратился убитый фанатик.

Кондратия азарт сражения захватил. Чем-то происходящее напоминало мальчишеские развлечения с голокомпьютерами в кибернетической реальности. Да, была разница, уничтожались не порождения искусственного интеллекта, а живые люди (но

историк не видел в беливерах людей), и проигрыш вместо понижения рейтинга грозил настоящей болью, а то и смертью. В детстве «игрушками для быдла» Кондратий брезговал, предпочитая упражнения для ума. Здесь, в глазе фунгуса, историк внезапно понял, что голострелялки могут быть увлекающим занятием, и представлял, что это он, а не Филимонов, ведёт расчётливый и точный огонь, набирая очки и приближаясь к выигрышу суперприза — новой бесплатной партии, восхищению в глазах девчонок и прочим приятствованиям.

Разведчик трудился на славу. Если верить хиванцу и принять вычисленный для полицейских наставлений процент не прошедших через фунгус врагов, то беливеров оставалось не более полусотни. Но, как всегда, в дело вмешался его величество Случай.

Вооружение беливеров, презрительно охарактеризованное страшным человеком как хлам, действительно таковым являлось. Лазерные резаки, импакторы, кто-то притащил с собой земную винтовку — от старости её разорвало в руках несчастного, попытавшегося из неё выстрелить, лучше бы её заколодило, владелец умер бы в меньших мучениях!

Десяток фанатиков вывалился на луг одновременно, и Филимонов начал отстрел с тех из них, кого считал наиболее опасными. Странную конструкцию — выгнутая дугой палка с концами, соединёнными чем-то похожим на резинку — разведчик не встречал никогда в жизни. Не признав её за серьёзную угрозу, Филимонов оставил лучника (да-да! это были именно лук и лучник!) напоследок, чем фанатик и воспользовался.

Насколько далеко летит, сохраняя свои боевые качества, выпущенная из лука стрела, в Русенте не знали — в отличие от беливера-переизобретателя. Фанатик подбежал на дистанцию менее ста метров и почти не целясь выстрелил в Стерёгу.

Траекторию летящей в жену палки с хвостовым оперением Филимонов определил верно. Выстрелив на автомате в беливера (так окончил жизнь человек, первым на планете сделавший лук и стрелы), разведчик бросился на Стерёгу, чтобы прикрыть её своим телом.

Сила физическая могучего старца ни в чём не уступала его силе духа. Не ожидавшая подвоха девушка от удара головой о землю лишилась чувств. Мгновением позже в спину разведчика воткнулась стрела.

— Что рот раскрыл? Хватай волновик и стреляй! — после неожиданного ополовинивания численного состава обороняющихся хиванец проявил признаки нервозности.

— Я не… А вы что? — Кондратий, не веря случившемуся,

инстинктивно постарался перевалить ответственность на кого-то более опытного.

— Дурак! Ваше оружие настраивается на владельцев! Бери и стреляй!

Хиванец был прав, посторонний не смог бы воспользоваться волновиком Филимонова. Но Кондратий ведь тоже посторонний с точки зрения оружия? Оставалось надеяться, что мудрый разведчик за время путешествия объяснил любимой смертоносной машинке, что наглый, трусливый, худой зеленоглазый парень в непредвиденных обстоятельствах должен быть признан за хозяина.

Кондратий двумя пальцами взял волновик. Как из него стрелять? Что нажимать? Вот эту панель? В пяти метрах перед историком вместо травы появился заполненный кашицей кружок радиусом сантиметров пятнадцать.

— Идиот! Цельсь! Надо целиться! И на себя не поворачивай! — хиванец орал дурниной, из фунгуса вылезли очередные трое фанатиков.

«Как целиться? Что значит целиться?» — историк принял положение, подсмотренное в каком-то из голосериалов для плебса, и надавил большим пальцем на уже известную ему панельку (на самом деле, так из волновиков не стреляют, но поправить Кондратия было некому). У одного из фанатиков исчезла правая рука, он упал на землю и тонко заверещал. Историк перевёл волновик на второго бегуна — на сей раз, у жертвы исчезла левая нога ниже колена, и теперь кричали уже двое.

— Да что ж мы как на скотобойне?! Убей третьего и добей их! — командовал хиванец. Ага, легко сказать, но как это сделать? Между прочим, слово «скотобойня» для Кондратия было внове. «Надо бы узнать его значение», — отрешённо подумал историк. Удивительно, но это помогло. Доверившись подсознанию, Кондратий точно попал в третьего фанатика, а затем, с пяти выстрелов, заставил навеки замолчать и обоих искалеченных врагов.

— Стреляй экономнее! Мы не знаем, на сколько выстрелов он рассчитан, — рассердился хиванец. Но теперь Кондратий, почувствовав вкус крови, не собирался давать чужеземцу спуска.

— А ты посмотри, что с пострадавшими! И окажи им помощь.

— Чем? И как? Я не знаю, что это за палка, и надо ли её выдергивать. Девка жива, в обмороке. Очнётся, отдашь волновик ей.

— Что с Филимоновым? Он живой?

— Вроде дышит, но без сознания. Палка может быть

отравлена.

— Ой! А что тогда делать?

— Девку подождём. Она сообразит. Следи за фунгусом!!

Последний приказ хиванца был более чем актуален. Через пару минут из розовых зарослей выбрались едва ли не все остававшиеся в живых беливеры. В защитном снаряжении, раскрашенном в сине-коричневые цвета, они походили на монстров из голосериалов. Или из голоигр, которыми Кондратий так напрасно пренебрегал в детстве.

— Мамочка Капитанова! — простонал Кондратий. А в голове его вертелось неоднократно слышанное возле школьного голоклуба: «Комбат-раунд!». Бой с многочисленными врагами, при выигрыше рейтинг удваивается, при проигрыше уменьшается втрое. «А нас обнулят», — подумал историк и вдруг захохотал и выстрелил в первого из набегающих врагов.

Скоростные десантные гравилёты размазали фанатиков за считанные секунды. Несколько машин прочёсывали сверху фунгус в поисках последних беливеров. Остальные высаживались на лугу, из них выскакивали люди с закрытыми лицами. Старший людей в масках уверенно подошёл к историку с хиванцем.

— Спасибо, ребята, вы вовремя! Их было чересчур много, — вежливо поблагодарил Кондратий.

Старший людей в масках коротко ударил историка в живот. Кондратий согнулся и тут же получил удар обеими ладонями по ушам. Старший отточенным движением завёл руки историка за спину и надёжно скрепил друг с другом в запястьях, затем выпрямил Кондратия за шиворот и поволок к гравилёту. Что до хиванца, то людям в масках не понадобилось его бить, он сам подставил руки.

Процедура задержания полицейская, стандартная. Но она венчала дело, и старший людей в масках не отказал себе в удовольствии исполнить её по отношению к Кондратию Каратову самолично.

* * *

Гравилёты образовали на земле круг, невдалеке от брошенной машины арестованных. Три гравилёта оставались в воздухе, отслеживая любую опасность — в первую очередь, возможное появление саранчи. В центре круга стоял ничем не отличающийся от прочих летающий аппарат. Внутри в большом зале в кресле сидел Андреев и щёлкал семечки — новое увлечение столичных модников, доступное только верхним слоям

общества. Филимонов и Стерёга с зафиксированными конечностями занимали стулья попроще. Кондратию было труднее всего — его вынудили стоять. Хиванца отделили от остальных сразу.

— Давайте познакомимся *(щёлк)*. Я вас знаю давно, но *(щёлк)* заочно *(щёлк)*. Вам стала известна моя *(щёлк)* фамилия *(щёлк)*, но недавно *(щёлк, щёлк, щёлк)*. Я — Андреев.

— Сволочь! — выдохнула Стерёга. Бывший кадет, а теперь явно не последний человек в полиции Русенты только улыбнулся в ответ и защёлкал в ускоренном темпе.

— Что вы от нас хотите? Я лояльный гражданин Русенты, историк, у меня есть влиятельные родственники в столице, — к тайной радости, Кондратий не боялся. Он ненавидел мерзавца, ставшего причиной неприятностей братьев Звара.

— Лояльный гражданин не указывает Ексу неверный пункт назначения своего полёта за границу. Влиятельные родственники изгонят из семьи отступника, нарушившего законы Русенты.

— Вы не ответили на первый вопрос.

— Какой? *(щёлк, щёлк, щёлк)*.

— Что вы от нас хотите? Зачем вы прилетели сюда с большим отрядом? Вы боитесь, что мы найдём доказательства и опровергнем вашу ложь про югопортский бой?

— *(Щёлк)*. Опровергнуть мои достоверные *(щёлк)* показания о преступниках Звара у вас не *(щёлк)* выйдет. Вы не сможете ничего опубликовать.

— У нас демократия. Я обращусь…

— Да-да, у нас демократия. И полный кибернетический контроль за мыслями. Граждане с радостью голосуют за тех, кого им укажет Екс, и могут пользоваться всеми свободами, которые Екс им предоставит. В данный конкретный момент предоставит *(щёлк)*.

— Почему вы просто не задержали нас в Островграде? — Филимонову слова давались с трудом. Стрела, поразившая разведчика, отравленной не была, но рана вышла неприятной, а медпомощь полицейские оказали в самом минимальном объёме, только бы пришёл в сознание, мог говорить и не помер ранее, чем прикажет Андреев.

— Мы пытались *(щёлк)*. Но не успели.

— Досадно?

— Не скрою, я был *(щёлк)* разочарован.

— И всё-таки, что вы от нас хотите? — Кондратий настойчиво возвращался к основному вопросу.

— От вас? Да ничего! Подготовим последние мелочи и закончим дело *(щёлк)*.

— Э-э-э… что вы имеете в виду?

— Казним вас как изменников, — Андреев мило и широко улыбнулся. — Ваш Капитанов сморчок пнул ногой меня сюда, в колено. Было жутко больно, невыносимо. А ещё больнее было идти пешком к базе. До ювенилизации я оставался калекой, доктора не смогли ничего сделать. В новых жизнях я намеренно просил оставлять колено таким.

— Зачем? Чтобы отомстить? Но кому? Алекс и Ник Звара были казнены.

— Вот именно! — подтвердил Андреев неприятный для пленников факт. Семечки кончились, говорил он с меньшими паузами. — Поэтому мстить я собирался тем, кто попытается обелить малолетних мерзавцев.

— И вы догадывались, что кто-нибудь постарается? Догадывались, потому что…, - историк оборвал себя. Сообщить врагу факт своего родства с Ником — дать ему новый повод для радости.

— Догадывался, потому что умный. Ну, хватит трындеть! — Андреев продемонстрировал знакомство с лексиконом портовых работяг.

— Где хиванец? Несчастный, которого мы спасли в фунгусе, — историк намеренно исказил обстоятельства встречи со страшным человеком.

— Над морем его сбросим. Пускай поплавает, — Андреев хохотнул. Дверь в зал открылась, старший людей в масках показал три пальца правой руки.

— Даже так? — обвинитель Алекса казался слегка встревоженным. — Падай на пол, придурок! Кому сказал, падай! — приказ адресовался Кондратию.

Небо над разрушенным и навеки исчезнувшим Сильфонтом со всех сторон покрылось тучами, с огромной скоростью несущимися на круг полицейских гравилётов. Русентийцев атаковала саранча, и равной ей по силам атаки в истории Русенты до сих пор не было.

В зал быстрым шагом вошёл полицейский, пинками гоня перед собой хиванца. Старший людей в масках выскочил наружу из андреевского гравилёта и побежал к одному из аппаратов, который должен был служить флагманом. Сидевшие на земле гравилёты должны были подняться в воздух для большей эффективности стрельбы. Потеря времени на все эти перестановки казалась небольшой, но для начавшегося боя стала почти критичной.

Саранча умела летать быстро. Очень быстро. Кондратий сотоварищи имели возможность убедиться в этом на побережье.

Десантные гравилёты стреляли точно и тоже очень быстро. Но вместо уничтожаемых скопищ саранчи тут же появлялись новые. Сражение превратилось в состязание — достаточно ли велика скорострельность русентийцев в сравнении со временем подхода новых туч?

Правильный ответ стал понятен скоро — недостаточна. С северной стороны, ловко маневрируя и уклонившись от выстрела почти в упор, одна из туч буквально врезалась в полицейский гравилёт, который тут же облепила саранча. Экипаж машины был обречён, его ментальная защита не выдержала атаки, люди беспомощно пускали пузыри и больше не были способны на осмысленные действия. Товарищи в других гравилётах могли бы подцепить осаждённый аппарат силовыми захватами и оттащить в сторону, но приказа на отход не было, да и тучи наседали со всех направлений.

Хуже всего было другое. Саранча, используя взятый на абордаж гравилёт, безнаказанно давила пси-атакой экипажи соседних машин. Ещё чуть-чуть, и они тоже потеряют способность соображать, чем окончательно расстроят оборонительный порядок. Жёсткое, но необходимое действие — расстрелять осаждённый аппарат вместе с саранчой. Но убивать своих надо уметь, и старший людей в масках промедлил с приказом. Когда команда была отдана и гравилёт уничтожен (не с первого выстрела, естественно, струнная защита отразила несколько попаданий, пока хватало энергии), саранча осадила сразу два других гравилёта — с восточной и южной сторон.

Насколько медленными и тянучими, в буквальном смысле слова растягивающимися на дни были бои в любимые Кондратием годы конца лучевого периода истории планеты, настолько же быстротечными стали воздушные схватки современности. В показаниях сенсора, по которому Андреев следил за обстановкой, кроме него самого, успевал разбираться один только Филимонов, даже для хиванца задача вышла непосильной. И в глазах у разведчика застыл немой вопрос: «Почему?». Но спрашивать вслух врага в человеческом обличье, допустившего явный промах в борьбе с врагами-нечеловеками, Филимонов не хотел. Умирать в беспамятстве от ментальной атаки лучше, чем быть казнённым мстительным бывшим кадетом, ведь ещё неизвестно, какой вид казни Андреев для них придумал. Месть возрастом свыше двух столетий в состоянии преподнести любой отвратительный сюрприз.

Наконец, Андреев сделал то, чего так ждал Филимонов. Гравилёт, подчиняясь приказу, отданному Андреевым мысленными словоформами, резко взмыл вверх и с приличными

перегрузками («Пять планетарных «же», — прикинул Филимонов, а Кондратий и остальные пленники просто закрыли глаза и молили Капитана о скорейшей кончине) рванул к границе атмосферы в безвоздушное пространство.

Да, военные гравилёты Русенты умели выходить в космос, и аэрокосмические комплексы русентийских баз не зря имели составное название. И да, как ни странно бы это показалось на этой полной странностей планете, но саранча не переносила вакуум, а космических червей в природе пока не наблюдалось.

И вот чему удивлялся Филимонов. Столкнувшись с нападением бесчисленных орд саранчи, Андреев должен был немедленно отдать приказ всем гравилётам уходить вверх, в зияющую черноту внешнего пространства. Но по какой-то причине бывший кадет, а теперь главный враг борцов за честь братьев Звара, промедлил — и потерял всех.

Точнее, почти всех. Вместе с андреевской машиной спасение в космосе нашёл ещё один гравилёт. Флагманский, тот самый, на котором командовал старший людей в масках.

Глава 6

Невесомость закончилась, не успев начаться. Андреев включил искусственную гравитацию и подлетевший было сантиметров на двадцать Кондратий тяжело рухнул спиной на пол, помянув грязные пятки Капитана. Остальные пассажиры, вольные и невольные, к подобным шуткам подготовились заранее.

— Мясник! — презрительно высказался Филимонов. — Чему вас только учат в полиции?

Андреева гибель большинства его людей (формально они ещё были живы, но сознание уже покинуло их, и до физической смерти тел оставалось недолго) не расстроила. Он щёлкал пальцами и насвистывал фривольный мотивчик.

— Можешь попробовать вытащить их на орбиту по одному захватами. Если сноровки достанет, конечно, — совет, данный Филимоновым, был вполне дельным, но Андреева он ничуть не заинтересовал. Более того, могло сложиться впечатление, что полицейский напрочь забыл о пленниках.

И тогда напомнить о себе решился несправедливо отодвинутый в сторону хиванец. Если Андреев полагал его тупым аборигеном, наподобие тех, что населяли хиванские резервации… то есть, простите, дружественное Русенте союзное государство Человеческий Улей, то полицейский жестоко ошибался. В своём времени наш хиванец состоял в спецслужбе Улья, и его Улей был для русентийцев непростым соперником.

Хиванец, он же страшный человек, сидел на полу, руки и ноги зафиксированы, причём руки заведены за спину. Трюк, который он выкинул, на Земле назвали бы цирковым, а на Русенте у исполнителя поинтересовались бы особенностями его или её генной модификации. Чуть отклонившись назад, хиванец умудрился опереться на руки и выбросить вперёд и вверх обе ноги — попав точно в незащищённое горло зазевавшегося охранника. У Андреева на гравилёте других помощников не было, и после мгновенной смерти подчинённого он остался с пленниками один на один. И шутить более намерен не был, ручной волновик смотрел прямо на хиванца.

— Недурно! Но за это ты умрёшь прямо сейчас, — от расслабленности Андреева не осталось и следа.

— Бомба во мне. Выстрелишь — умрёте все, — быстро парировал хиванец, после чего уже спокойнее продолжил, — я представляю из себя одну большую живую бомбу. После моей смерти последует взрыв.

— Понятно. И чего добивается господин диверсант, он же террорист?

— Конечно, убить всех вас и умереть самому.

Андреев кашлянул.

— Послушайте, где логика? Вы собираетесь взорваться вместе с нами, но при этом предупреждаете не убивать вас сейчас, потому что тогда мы взорвёмся. Мне казалось, что элементарные логические построения и причинно-следственные связи жителям Улья должны быть доступны.

— Я умею мыслить логически. Я готов раскрыть вам главную загадку Русенты. Я постиг тайну, и мне будет приятно умереть вместе со свидетелями моего торжества… В конце концов, разве вам не хочется пожить ещё несколько минут?

— Хочется, ещё как хочется, — честно признался Андреев. — Уговорили. Посвятите нас в разгадку главной загадки, или как её там.

— Сомневаетесь. А зря, — хиванец и в самом деле смотрелся победителем. — Итак, первая часть. Мальчик Ник Звара — не человек, а искусственное порождение планеты.

— Чего? — более всех был поражён Кондратий. — Это что, мой предок выполз из какой-нибудь вулканической лавы?

— Он твой предок? — хиванец окинул историка внимательным взглядом с ног до головы. — Да, похож, похож…

— Часть вторая, — продолжил хиванец, — планета живая и обладающая разумом. Единый планетарный организм защищает себя от оккупировавших его паразитов.

— То есть, людей? — машинально уточнил Кондратий.

— То есть, людей. И часть третья, последняя. Вы, русентийцы, нашли с планетой общий язык. Не до конца, не полностью, но каким-то образом вы с ней контактируете и получаете за это награды, позволяющие вам доминировать над другими цивилизациями. Я был послан сюда, чтобы разорвать эту связь.

— Для этого, — продолжил хиванец после небольшой паузы, в течение которой русентийцы таращились на него, пытаясь понять степень сумасшествия оратора, — я должен был убить несколько человек. Понять, кого именно, я должен был узнать, — последнее слово хиванец произнёс с нажимом, опять этот жаргон разведки. — Теперь я знаю. Умереть должен он, — кивок в сторону Кондратия, — и он, — в сторону Андреева.

— Остальные… остальные умрут за компанию, чтобы мой жизненный путь закончился в многолюдном шумном обществе, — подвёл итог краткой политинформации о текущем моменте хиванец.

— Так, а могу ли я спросить, — первым опомнился

Андреев. — Почему именно я и этот столичный хлыщ?

— Потому что он потомок Ника, и его смерть планета воспримет как оскорблеиие со стороны паразитов-людей. Мы зайдём слишком далеко, и она нас уничтожит, прихлопнет. Червями, саранчой, водоларкерами, другими порождениями планетарного разума. А тебя планета сочтёт главным виновником его смерти, ведь ты — лидер партии, выступающей против союза с планетой.

Пока остальные русентийцы переваривали полученную информацию, Кондратий вознамерился указать новоявленному провокатору на очередные логические противоречия:

— Но кто послал тебя?

— Планета.

— Планета послала тебя, чтобы ты устроил провокацию, после которой планета сочтёт людей нарушителями договора? Не слишком ли надуманно? Или у планеты тоже есть франкции?

— Планета — единый организм. Путей её мышления постигнуть люди не могут.

— Допустим, ты прав и ты добьёшься успеха. Но тогда планета уничтожит не только нас, русентийцев, но и твоих соплеменников.

— Соплеменник… Старое слово. Красивое… И ты правильно употребил его. У них больше нет государства, у них сплошные племена, — черты лица хиванца исказились от горечи.

Террорист выглядел задумчивым. Свой рассказ он теперь обращал не к кому-то из присутствующих, а в пустоту. Чувствовалось, что его гложет обида.

— Улей, Человеческий Улей, вассальное государство Русенты. Предмет шуток и анекдотов. Утратившие облик обезьяны в резервации…

— Я охотился за великой тайной. Нет, не так. За Великой Тайной. Я искал ответа, почему Русента изменилась, почему вы преследуете остальных с такой жестокостью, почему вы стёрли с лица планеты Дронию. Я подошёл к разгадке вплотную, я понял, что мне нужен Ник Звара. Русентийский мальчик Алекс защищал его, но я почти выиграл, и тогда за Ника вступилась сама планета. Меня планета поместила в анабиоз и разбудила месяц с небольшим назад, дав знания о многом.

— Я видел, во что превратились последние хиванские базы. Я видел их опереточную армию. Человеческий Улей два года назад объявил войну беливерам. Ваши правители попросили своих вассалов оставить военные поползновения, вассалы отказались. Сколько смеха было на русентийских улицах: «Они отказались, ха-ха!».

— Экспедиционный корпус Улья едет по вашим магнитным трубам к границе беливеров целых два года. Два года туда, куда ваши гравилёты добираются за день-другой! Корпус делает остановки на каждой вашей базе, живёт на них неделями, веселит русентийцев представлениями и постановками. Родственникам наших солдат Русента оплачивает отдых и ставит на содержание. Отправив одного сына в корпус, вся семья может не работать годами. Годами! А если корпус вдруг доберётся до границы, то великая Русента пошлёт на его прикрытие один гравилёт, чтобы никого из хиванских солдат случайно не убили бы. Опереточная армия, псевдогосударство — вот что вы сделали с нами, во что нас превратили!

Кондратий вспомнил хиванское семейство в гравилёте до «Аш-7». Скорее всего, оно тоже было из таких. Старший сын гастролирует с корпусом, остальные родственники живут припеваючи на полном содержании у Русенты.

— Мне не жаль своих соплеменников. Планета сотрёт их вместе с вами, — пафосное выступление подошло к концу. Хиванец напряжённо прищурил глаза, мгновение — и он отдаст мысленную команду своему телу-бомбе на подрыв.